ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русин

№ 4 (50), 2017

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

ISSN 1857-2685
17004
9 771857 268004

РУСЬ

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русин

2017, 4 (50)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2017, 4 (50)

Association "Rus'" (Chisinau, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Сергей Суляк
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин
Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михаил Губогло
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Юрий Данилец
Ужгородский национальный университет (Украина)

Василий Зиновьев
Томский государственный университет (Россия)

Александр Майоров
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов
Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова
Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев
Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов
Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов
Сочинский государственный университет (Россия)

Михайло Чучко
Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка
(Канада)

Петр Шорников
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса
Нови-Садский университет (Сербия)

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak
Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin
Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga
Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhail Guboglo
N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Yuriy Danilets
Uzhhorod National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev
Tomsk State University (Russia)

Alexander Maiorov
St. Petersburg State University (Russia)

Vsevolod Merkulov
The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova
Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev
Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev
Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodol'
Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov
Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov
Sochi State University (Russia)

Mykhaylo Chuchko
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka
(Canada)

Petr Shornikov
Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa
University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: P.O. box 1041, MD 2028, Chisinau, Moldova.
Tel.: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus'", 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора 7

СЛАВЯНСКИЙ МИР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ
III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Суляк С.Г.
Русины в молдавском летописании 10

Черкасов А.А., Братановский С.Н., Валлоу А.
Потери русской армии в Закавказье в Русско-турецкую войну (1828–1829 гг.): историко-статистическое исследование 38

Дунбинский И.А., Меркулов С.А.
Анализ идеи славянской идентичности в работе В.М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» 61

Бугров К.Д.
Славянский мир и классовые баталии: сценарии грядущей войны в Восточной Европе в советской военно-утопической мысли 1920–1930-х гг.. 73

Наумова Н.И.
Украинизация в образовательной политике советской власти на Дальнем Востоке СССР (1922–1930 гг.) 93

Шиляев К.С.
Образ России в эссе Д. Донцова «Der geist russlands» (на материале английского перевода): метафоры, речевые стратегии и тактики 106

Зиновьев В.П., Троицкий Е.Ф.
Внешняя политика Белоруссии (1992–2017 гг.): малое государство на геостратегическом разломе 123

Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.
«Правда» и «постправда» в революционно-ценностном конфликте на Украине 134

Подрезов М.В.
Русскоговорящее население в риторике правых популистов ФРГ 152

Feysa M.
The improvement of the orthographic rules in the Bachka-Srem Rusin language 165

ИСТОРИЯ РУСИНОВ

Алимов Д.Е.
Между миграционизмом и автохтонизмом: вопрос происхождения русинов Закарпатья в дискурсивном пространстве национального нарратива 179

ЗНАМЕНИТЫЕ РУСИНЫ

Корсаков К.В.
Энди Уорхол – выдающийся представитель русинской эмиграции 198

Шаравара Т.О.
На пошану колезі: до 100-річчя від дня народження закарпатського освітянина й ученого Андрія Ігната 207

CONTENTS

Editorial 7

THE SLAVIC WORLD: RESPONDING TO NEW CHALLENGES: THE THIRD ALL-RUSSIAN CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION

Sulyak S.G.
Rusins in the Moldavian Chronicles 10

Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A.
The losses of the Russian army in Transcaucasia during the Russo-Turkish War (1828–1829): the historical-statistical study 38

Dunbinskiy I.A., Merkulov S.A.
The idea of Slavic identity in *Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life* by V.M. Florinsky 61

Bugrov K.D.
Slavic world and class battles: Scenarios of future war in Eastern Europe in Soviet military and utopian thought of the 1920s–1930s 73

Naumova N.I.
Ukrainisation in the Soviet educational policy in the Far East of the USSR (1922–1930) 93

Shilyaev K.S.
The image of Russia in Dmytro Dontsov's *Der Geist Russlands* ("The Spirit of Russia"): Metaphors, discourse strategies and tactics 106

Zinovyev V.P., Troitskiy E.F.
The foreign policy of Belarus (1992–2017): a small state at the geostrategic break 123

Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G.
***Truth* and *post-truth* in the revolutionary axiological conflict in Ukraine** 134

Podrezov M.V.
Russian-speaking population in the rhetoric of the right-wing populists of the FRG 152

Feysa M.
The improvement of the orthographic rules in the Bachka-Srem Rusin language 165

HISTORY OF THE RUSINS

Alimov D.E.
Between migrationism and autochtonism: On the origin of Transcarpathian Rusins in the discursive space of the national narrative 179

FAMOUS RUSINS

Korsakov K.V.
Andy Warhol – an outstanding representative of the Rusin emigration 198

Sharavara T.A.
In homage to a colleague: to the centennial a Transcarpathian educator and scientist Andrey Ignat 207

DOI: 10.17223/18572685/50/1

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

В завершающем 2017 г. номере журнала опубликованы материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов». Это мероприятие проходило 6–7 октября 2017 г. в Томске. Его организаторами выступили Национальный исследовательский Томский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет и редакция международного исторического журнала «Русин».

По итогам работы конференции оргкомитетом отобраны для публикации статьи, выполненные на основе докладов, которые затем прошли процедуру рецензирования.

Также в журнале размещены материалы традиционных рубрик.

В 2018 г. «Русин» по-прежнему будет выходить ежеквартально. Первый его номер будет посвящен международной научно-практической конференции «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Шестые чтения памяти И.А. Анцупова)», которая прошла 26–27 октября в Тараклийском государственном университете им. Г. Цамблака (Тараклия, Республики Молдова). Она собрала 65 участников, был сделан 51 доклад. Выступления прозвучали как очно, так и онлайн. Технические условия позволили участникам, которые по различным причинам не смогли приехать, не только выступить, но и ответить на многочисленные вопросы участников конференции, а также преподавателей и студентов Тараклийского государственного университета.

В следующем году редакция журнала планирует следующие конференции:

1. IV Всероссийская научная конференция с международным участием «Славянские языки в условиях современных вызовов» (11–12 мая 2018 г., Томск).

Сайт конференции: http://conference.tsu.ru/slavlang

2. IV Международная научно-практическую конференция «История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до начала XXI в. (к 100-летию окончания Первой мировой войны и начала гражданской войны в России)» (24–25 мая 2018 г., Кишинев).

Сайт конференции: http://conference.tsu.ru/carpathian

3. IV Всероссийская научная конференция с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов» (4–5 октября 2018 г., Томск).

Сайт конференции: http://conference.tsu.ru/slavworld

4. Международная научно-практическая конференция «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Седьмые чтения памяти И.А. Анцупова)» (25–27 октября 2018 г., Тараклия-Кишинев).

Сайт конференции: http://conference.tsu.ru/antsupov

Регистрация участников начнется с января 2018 г.

С.Г. Суляк,
главный редактор журнала

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

Together with the papers in traditional sections, this final issue of the journal for 2017 contains the proceedings of the Third All-Russian Conference with International Participation "The Slavic World: Responding to New Challenges" held on October 6–7, 2017, by National Research Tomsk State University, St. Petersburg State University and the editorial board of *Rusin International Historical Journal*. The Organising Committee has peer-reviewed and selected a number of papers to be published in this issue of the journal.

In 2018, *Rusin* will be issued quarterly. The first issue will contain papers of the International Conference "Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Sixth Readings in Memory of I.A. Antsupov)" held on October 26–27, 2017, in Taraclia State University (Taraclia, Republic of Moldova). The conference gathered 65 participants who presented 51 papers both onsite and online. The participants who failed to come to the conference for various reasons could not only present their papers, but also answer numerous questions asked by other participants, faculty and students of Taraclia State University.

In 2018, the editorial board of the journal is going to hold the following conferences:

1. The Fourth All-Russian Conference with International Participation "Slavic Languages: Responding to New Challenges" (Tomsk, May 11–12, 2018). *Conference website:* http://conference.tsu.ru/slavlang

2. The Fourth International Conference "History of the Carpathian-Dniester Lands from Ancient Times to the Early 21st Century (To the Centennial of WWI and the Beginning of the Civil War in Russia)" (Chisinau, May 24–25, 2018). *Conference site:* http://conference.tsu.ru/carpathian

3. The Fourth All-Russian Conference with International Participation "Slavic Languages: Responding to New Challenges" (Tomsk, October 4–5, 2018). *Conference site:* http://conference.tsu.ru/slavworld

4. International Conference "Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Seventh Readings in Memory of I.A. Antsupov)" (Taraclia–Chisinau, October 25–27, 2018). *Conference website:* http://conference.tsu.ru/antsupov

Registration of participants will begin on January, 2018.

S.G. Suliak,
Editor-in-Chief

УДК 94(478)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/2

РУСИНЫ В МОЛДАВСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ*

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

Представлен обзор молдавских средневековых летописей, которые являются важным источником по истории русинов Карпато-Днестровских земель. Сам этноним *русин* в них не употреблялся, летописцы называли данное население *русским (рус),* во множественном числе – *русскими (рушь).* Впервые полностью сделан перевод на русский язык древней легенды об основании Молдавского княжества в изложении интерполятора летописи Г. Ureке С. Даскэла, летописцев М. Костина и Н. Костина. В ней рассказывается, что страна была заселена волохами (молдаванами) под предводительством Драгоша и русинами из Покутья во главе с Яцко. Это сказание дает представление об основном этническом составе населения княжества и регионах его компактного расселения. Сведения летописей подтверждаются многочисленными источниками и данными топонимики. В летописях содержатся и другие сведения по истории русинов - русинские топонимы и антропонимы, которые также позволяют сделать вывод о существенной численности данного населения в Карпато-Днестровских землях, т. е. на территории средневековой Молдавии. Имена и прозвища представителей феодальной элиты княжества, упоминаемые в летописях, свидетельствуют о ее смешанном, славяно (русинско)-волошском (молдавском) составе, а количество среди нее людей с русинскими именами и прозвищами говорит о большом удельном весе русинов в правящих кругах княжества.

Ключевые слова: русины, молдаване, славяне, Молдавское княжество, молдавские летописи, легенда об основании Молдавского княжества, Яцко, Драгош.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 17-01-00089 «Русины Карпато-Днестровских земель с XIV в. до 1918 г.».

RUSINS IN THE MOLDAVIAN CHRONICLES

S.G. Sulyak
Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The paper contains a review of Moldavian medieval chronicles, which are an important source on the history of the Rusins in the Carpathian-Dniester region. They did not employ the ethnonym Rusin, the chroniclers called this population *russkiy* (Rus), in the plural – *russkie* (Rush). The paper also contains the first full Russian translation of an ancient legend on the founding of the Moldavian Principality told chronicles of G. Ureke in the presentation by S. Daskel, M. Kostin and N. Kostin. The legend tell that the country was inhabited by Volokhs (Moldavians) led by Dragosh and Rusins from Pokuttya led by Yatsko. This sheds the light on the basic ethnic composition of the population in the principality and regions of its compact settlement. This information is confirmed by numerous sources and toponymy. The annals also contain other information on the history of Rusins: Rusin toponymy and anthroponomy, which leads to the conclusion about a significant number of this population in the Carpathian-Dniester region, that is, in the territory of medieval Moldavia. The names and nicknames of the feudal elite in the principality, mentioned in the annals, testify to its mixed, Slavic (Rusin)-Volochian (Moldavian) composition, and the number of people with Rusin names and nicknames amongst it is evident of the large proportion of Rusins in the ruling circles of the principality.

Keywords: Rusins, Moldovans, Slavs, Moldavian principality, Moldavian chronicles, legend of the founding of the principality of Moldavia, Yatsko, Dragosh.

Молдавское летописание зародилось во второй половине XV в. Первые молдавские летописи были написаны кириллицей на славянском языке. Молдавское летописание XV–XVI вв. получило название славяно-молдавского. Начало его относится ко времени правления господаря Стефана III Великого (1457–1504). Первая летопись, условно названная «Анналы двора Стефана Великого», была написана при

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant Nr. 17-01-00089 "Rusyns of the Carpatho-Dniestrian Lands (from the 14th century to 1918)".

дворе этого господаря анонимным летописцем. Ее первоначальный вариант был утерян. Сохранились «Анонимная летопись Молдавии», посвященная событиям с 1359 по 1507 г., и два списка Путнянской летописи, описывающей события с 1359 по 1526 г. и с 1359 по 1518 г. Известны также молдавско-немецкая хроника (1457–1499) на немецком языке, «Сказание вкратце о молдавских государях отколе начинается молдавская земля» (1359–1504), включенное в Воскресенскую летопись и молдавско-польская летопись (1359–1564), написанная на польском языке. Также сохранились три летописи XVI в., написанные духовными лицами: «Летопись Макария» (1504–1551), «Летопись Евфимия» (1551–1554), «Летопись Азария» (1551–1574) (История 2015: 101–102; Стати 2016: 252, 258).

Несмотря на устойчивую точку зрения, согласно которой молдавские славянские летописи написаны по подобию сербской, созданной, в свою очередь, по образцу болгарской, некоторые исследователи склонны считать, что литературной моделью послужили русские летописи (Руссев 1982: 36).

Славяно-молдавские летописи являются важным источником не только по истории Молдавии и молдаван, но и по истории русинов Карпато-Днестровских земель. В них перечисляются топонимы, среди которых немало и русинских; встречающиеся наряду с каноническими христианскими и молдавскими славянские имена позволяют сделать вывод о значительном присутствии русинов в правящем классе государства и его смешанном славянско-волошском составе. Например, Стефан III назначает пыркалабами (посадниками) г. Крачун (Кецо) Вылчу (болгарское имя) и Иванка (болгарское или русинское имя), пыркылабами г. Килия были Ивашко (русинское имя) и Максим (каноническое) (Славяно-молдавские летописи 1976: 30, 72).

В «Анонимной летописи» (Быстрицкой летописи) употребляются такие выражения, как «господжа княгиня Еудокия от Киева, сестра Семена царя» (Славяно-молдавские летописи 1976: 26), в разделе «Молдавские цари» перечисляются «цари», начиная с Александра I Доброго и заканчивая Стефаном III (Славяно-молдавские летописи 1976: 24). Интересен эпизод встречи жителями Сучавы Стефана после разгрома им турок у Васлуя (1475), где народ чествовал его криками: «Да здравствует царь!»:

«И възвратисѧ Стефан воевода съ въсѧми вои своими, яко побѣдоносец вь настолний свой град Сучавски. И възидошѧ ему на срѧтение митрополит и иереие, носѧщи свѧтое еуангелие въ рѫках и слу//жаще и хвалѧще бога о бывшем даровании от вышнѣго, и благословѣще царѣ: "Да живет царь!". И бысть тогда веселие въ людех и въсѧм околним господам и православним въсѧм христиѧном, яко

побѣди господь поганскыѧ языки рѫкоѫ раба своего Иоанна Стефана воевода» (Славяно-молдавские летописи 1976: 28).

Сама фраза «настолний свой град Сучавский» встречается в летописи четыре раза (Славяно-молдавские летописи 1976: 26, 27, 28, 30), «Сучава град» – два раза (Славяно-молдавские летописи 1976: 31, 32), один раз – «град Сучавский» (Славяно-молдавские летописи 1976: 32). «Град Сучавский» («Сочавский град» (Славяно-молдавские летописи 1976: 66)) встречается в Путнянской I летописи (Славяно-молдавские летописи 1976: 63), Путнянской II летописи (Славяно-молдавские летописи 1976: 69, 71, 73), «Сучавский прѣславний град» (Славяно-молдавские летописи 1976: 77), «царскый Сучавскый град» (Славяно-молдавские летописи 1976: 89), «к прѣславному граду Сучавскому» (Славяно-молдавские летописи 1976: 92) – в «Славяно-молдавской летописи Макария».

В «Молдавско-немецкой летописи» (1457–1499) современник описывает военную кампанию Мухи. В советские времена в соответствии с классовым подходом его выступление называлось «восстанием крестьян под предводительством Мухи». Началось оно на севере Молдавии в районах компактного проживания русинов и быстро перекинулось на сопредельное польское Покутье. Восставшие «крестьяне», вместо того чтобы бороться со своими феодалами, отправляются это делать в землях Воеводства Русского Польского королевства (т. е. в землях бывшего Галицкого княжества):

«Через два года послал воевода Стефан одного боярина в Землю русинов и [он] занял ее вплоть до Галича, а на четвертый год пришел пан Николай Галицкий и разбил его войско у Рогатина, а тот самый боярин бежал в Белгород; это узнал воевода и тайно послал за ним погоню, и его схватили под Белгородом с его 36 конными слугами. И доставили в Сучаву; там он просидел целый год плененным, а когда год прошел, господарь его выпустил и послал его опять в Землю русинов, и он опять занял эту землю вплоть до Галича. И случилось раз в воскресенье, [что] он стоял в одной деревне у Коломыи, когда поляки напали на него и схватили его вместе с пятью соратниками. Тогда доставили в Коц его великого дворника по имени Ребдже, военачальника, и отсекли ему голову, боярина же с другими сбросили живыми [со стены] замка Коц» (Славяно-молдавские летописи 1976: 53).

Еще в 1955 г. Б.Т. Рубцов поднял вопрос об участии в данном «восстании» гуситов, которые ранее нашли прибежище в Молдавии (Рубцов 1955: 302-303). Буковинские исследователи А.В. Федорук и И.М. Кубай, проанализировав источники, сделали вывод о высоком уровне военной организации и военной подготовки «повстанцев», наличии у них орудий для штурма укреплений (что требовало наличия

квалифицированных пушкарей), использовании ими тактики гуситов (Федорук, Кубай 2013: 267–269). В свое время в гуситских войнах принимали участия русины Галицкой и Угорской Руси.

В XVII в. на смену официальному славянско-молдавскому летописанию приходит боярское летописание на молдавском языке (кириллицей). Наиболее известными молдавскими летописцами были Евстратие Логофет (?–1646) (его основной труд – «Молдавская летопись» – был утерян, но на него ссылались последующие летописцы, в том числе и Г. Уреке), Григоре Уреке, Мирон Костин, Николай Костин, Аксинтий Урикарул (помимо переписывания и дополнения летописи Г. Уреке написавший «Де а доуа домние а луй Николае Александру Маврокордат» («О втором правлении Николае Александру Маврокордата»)), Ион Некулче. Их труды довольно обширны: они отражают историю Молдавского княжества до середины XVIII в. и содержат краткие сведения о соседних странах. Летописцы того времени, будучи выходцами из боярского сословия, некоторое время учились или жили в Польском королевстве и призывали к ограничению господарской власти (История 2015: 103-104).

Григоре Уреке (нач. 90-х гг. XIV в. – 1647) оставил в черновиках единственный труд – «Летопись страны Молдавской, отколь образовалось государство, о течении годов и жизни господарей от Драгоша-воеводы до Арона-воеводы» (1359–1594), написанный около 1635 г. Летопись дошла до нас в интерполяциях М. Кэлугэра, С. Даскэла, А. Урикарула (Стати 2016: 263). Симион Даскэл (судя по прозвищу, домашний учитель) не только скопировал текст, но и дополнил его некоторыми сведениями. Михаил Кэлугэр дописал в летопись Уреке ценные сведения о полномочиях должностных лиц Молдавского княжества в начале XV в. (Руссев 1982: 93–94). Аксинтий Урикарул, переписывая летопись Г. Уреке, дважды цитирует летопись монаха Азария (Грекул 1976: 172–173).

Интересны сведения о русинах, приведенные **С. Даскэлом**:

«**Предисловие к молдавской летописи, в котором говорится, что страна создана из [носителей] двух языков – румын** (имеются в виду восточные романцы, так как о начале формирования единого румынского этноса можно говорить только после объединения Молдавии и Валахии в единое государство. – *С.С.*) **и русских** (в румынской публикации - *rumîni și ruși*. – *С.С.*)**, из чего понятно, что по сей день она состоит наполовину из русских и наполовину из румын**

Это предание не отмечено Уреке-ворником, но я не хотел оставлять его без упоминания, считая, что, поскольку я напомнил о других, то и его не могу не коснуться.

В молдавской летописи, в предисловии, говорится, что, когда охотники убили зубра, на обратном пути они, увидев радующие душу места, повернули к той местности, где сейчас расположена Сучавская ярмарка. Почуяв запах дыма и находясь около воды в небольшом лесу, они пошли на этот запах и спустились к тому месту, где сейчас находится монастырь Ецканы. Там неподалеку они нашли пасеку с ульями и старика-пасечника, который по происхождению был русским (в румынской публикации: *rus*. – *С.С.*), звали его Ецко. Когда охотники его спросили, кто он и из какой страны, тот ответил, что он русский (в румынской публикации: *rus*. – *С.С.*) из Страны ляхов. Они спросили его также и об этой местности – чья она и какому владетелю подчиняется? Ецко сказал, что места эти пустынные и хозяина у них нет – здесь властвуют лишь звери и птицы; они простираются вниз до Дуная и вверх до Днестра, где граничат со Страной ляхов (имеется в виду Галицкая Русь. – *С.С.*); эти земли дают хорошее пропитание. Поняв его слова, охотники поспешили в Марамуреш, откуда вывели своих людей в эти места и других к этому побудили. Сначала они обосновались у гор и распространились по Молдове вниз. А Яцко-пасечник, узнав о поселении марамурешцев, тут же ушел в Страну ляхов и привел множество русских (в румынской публикации: *rusi*. – С.С.), и поселил их вверх по Сучаве и по Сирету к Ботошанам. И так расселились румыны в нижней части, а русские (в румынской публикации: *rusii*. – *С.С.*) в верхней» (Letopiseţul 1990: 28).

Свою **«Историю в польских стихах о Молдове и Валашском княжестве» Мирон Костин** (1633–1691) написал летом 1684 г. в Дашеве и посвятил польскому королю Яну III Собескому. В ее III главе, носящей название «О втором основании Молдовы и Мунтении после изгнания татар» (на русском языке полностью приводится в приложении 1. – *С.С.*), он более подробно излагает древнее молдавское предание о заселении страны:

«Драгош назначил место каждому и обследовал все окрестности, пока не увидел серый дым, подымающийся утром на рассвете, как колонна, до облаков. Они удивились: кто живет в таком безлюдье? Без огня нет дыма даже в пещерах, поэтому они бесстрашно направились туда. Направляясь в сторону дыма, они обнаружили вторую реку и на ее берегу увидели веселую кудрявую рощу. Одни окружили рощу, из которой шел дым от угольков; а другие, войдя в нее, обнаружили старика, работавшего на пасеке. Он накрывал ульи и бродил вокруг них, чтобы что-то поправить, посмотреть, не увела ли какая-то матка своих пчел, или выпрямить соты, взять воск, похожий на янтарь, и побудить пчел к более прилежному труду, пока они не закричали: "Бинец, человече!" (Bineţ – bene tibi, вместо "Помоги тебе Бог". – *С.С.*). Старик

кивнул. Ему начали задавать вопросы; он: "Я не понимаю, ради Бога!" (в оригинале: "Neznaiu, bohme" (Костин Мирон 1989: 252). – *С.С.*). Они еще пытались объясниться с ним знаками, но он, смущенный такими гостями, совершенно неизвестными ему с тех пор, как он жил здесь, не знал, что сказать. Они привели его к своему вождю, и он спросил его через переводчика: с каких пор он живет здесь и откуда он? Он отвечает: "Я Яцко из Снятина, живу здесь несколько лет, и у меня есть маленькая пасека. Кроме вас, я никого не видел". Драгош рассказал ему об основании новой страны, которому теперь не препятствуют татары. Если у него есть люди, если он хочет привести своих родственников, то он наделяет его в то же время правом наследовать все земли во всех окрестных местах. Старик благодарит его за доброжелательные слова и обещает привести сюда всех своих родственников. И он сдержал свое слово: весь свой род из Снятина в Покутье привел в эту страну, в новые поселения. От них осталось второе самое древнее поселение после Боурень, село Яцкань, которое названо в честь их предка Яцко. И сегодня это название сохраняется, хотя село слилось с городом Сучава. Судьба не хотела, чтобы город носил самое старое название. Несколько скорняков пришли из Венгрии и поселились там (скорняк по-венгерски называется "соч"), и, таким образом, получилось так, что город и река называются Сучава. Однако имя Яцкань не погибло, сохранившись за частью города» (Costin Miron 1958: 232). И далее: «Драгош, полный рвения, расселил румын на полях, саксонских ремесленников и русинов (в оригинале: *Ruś* (Костин Мирон 1989: 254). – *С.С.*) поселил рядом с горами, своих слуг – на равнины внизу. Поселил и крестьян-русинов (в оригинале: *Ruś* (Костин Мирон 1989: 254). – *С.С.*) из Покутья и Подолии; они заселили Черновцы, Хотин и всю область Днестра, уезды Оргеевский, Сорокский и вдоль Прута половину Ясского уезда, а также половину Сучавского уезда» (Costin Miron 1958: 233).

Сын Мирона Костина **Николай Костин** (1660–1712) в главе XVI «Второе заселение Земли Молдавской, в какие годы это произошло» **«Летописи земли Молдавии от сотворения мира и до 1601 года»** (на русском языке полностью приводится в приложении 2) тоже описал легендарную встречу охотников из Марамуреша под предводительством Драгоша с русином Яцко и заселение страны:

«Зайдя глубже в степь, эти охотники оказались в том месте, где сейчас находится монастырь Ецканы, и там была пасека с ульями, а при ульях – русский (в румынской публикации: *rus*. – *С.С.*) по имени Яцко; они его спросили, кто он и почему живет в столь пустынном месте, а также о том, кто владеет этими землями. Он ответил, что он русский из Земли Ляшской, и, как он слышал от стариков, эти земли

простираются до Дуная и до моря, и по Днестру вверх до того места, где начинается Страна ляхов.

И по имени Яцко это место было названо Ецканы, а реке, в которой, как упоминалось выше, они убили зверя, дали название Молдова, по имени одной гончей – Молды, которая после погони, добежав до реки, где убили зверя, утонула в ее водах, очень прозрачных» (Costin Nicolae 1990: 98).

Летописец также описывает регион компактного расселения русинов:

«Увидев, что пришел Драгош-воевода со своими людьми из Земли Венгерской и что осели они тут, также и Яцко отправился в Землю Ляшскую и позвал своих русских (в румынской публикации: *rusi*. – С.С.), и пришли они, и расселились вверх по реке Сучава; и со временем собралось их множество, и они заполнили эту местность: румыны с саксами внизу, до Дуная, а русские (в румынской публикации: *ruşii*. – *С.С.*) вверху, до границы Земли Ляшской, от гор до Днестра, и внизу до Белгорода и Килии, по старым границам Дакии и земель, на которых обосновался в свою очередь Траян, как упоминалось выше» (Costin Nicolae 1990: 99).

Значительная численность и регионы компактного проживания русинов подтверждаются и другими данными. В турецких документах средневековая Молдавия именовалась *Богдания*, в русских – *Волошская земля*, иногда *Малая Валахия*, в церковных – *Русовлахия* (*Росовлахия*, *Молдославия*, *Молдовлахия*) (Мохов 1978: 88).

В 1395 г., при правлении господаря Штефана I Мушата (1394–1399), и в 1401 г., при Александре Добром (1400–1432), в актах константинопольской патриаршей канцелярии в качестве названия страны употребляется *Ρωσοβλαχία* (Fontes Historiae 1982: 244–249, 266–267).

Ряд исследователей полагают, что название *Росовлахия* свидетельствует о том, что территория Карпато-Днестровских земель канонически подчинялась Галицкой митрополии и ее назвали так, чтобы избежать путаницы с Валахией (Угровлахией – *Ουγγροβλαχία*) (Spinei 1982: 42). Как считал П. Панаитеску, Валахия в актах ее господарской канцелярии, написанных на славянском языке, называлась *Угровлахия* (иногда *Влашка Земля*) после образования 1359 г. новой митрополии в Арджеше. Константинопольская патриархия знала другую Влахию – на Балканском полуострове. Поэтому новую епархию назвали *Угровлахия*, т. е. «Влахия в стороне (составе) Венгрии». Когда была создана митрополия в Сучаве, то обозначили ее *Росовлахия (Русовлахия)*, то есть «Влахия в стороне (составе) русских» (Panaitescu 1994: 77).

В церковном плане территория Молдавского княжества вначале канонически относилась к Галицкой митрополии и граничила с Галицкой

Русью, которая к тому времени стала частью Польского королевства. В составе княжества оказалась часть галицкого Понизья. Выявлено не только большое количество восточнославянских топонимов и гидронимов, но и их повторяемость на территории не только исторической Молдавии, но и в других частях бывшего Галицкого княжества. На это в свое время обратил внимание молдавский историк А. Городенко: «Ушица (в уезде Ботошань и в Черновицкой области), Бакота (в той же области) и Бохотин (в уезде Яссы), Теребне – Теребовль и др.» (Городенко 2005: 88–89). Сюда же можно добавить и гидронимы: реки Сирет (Серет) – левый приток Дуная (протекает по территориям Украины и Румынии), Серет (протекает по Львовской и Тернопольской областям), Малый Сирет (Серет) – правый приток Сирета (протекает по территориям Сторожинецкого и Глыбокского районов Черновицкой области) и Серет Правый (протекает по Зборовскому району Тернопольской области и Бродовскому Львовской области Украины).

Венгерский король, называя в 1360 г. Молдавию «страной нашей молдавской», не внес дополнения в свой титул (венгерские короли с 1205 г. именовались и титулом «король Галиции и Лодомерии» (лат. Rex Galiciae et Lodomeriae). – *С.С.*). Хотя самого Галицкого княжества к тому времени уже не существовало, под Галицией подразумевалась северо-западная часть Карпато-Днестровских земель, ядро Молдавского княжества (Городенко 2005: 89).

Скорее всего, название *Росовлахия* указывало на существование к концу XIV в. в Карпато-Днестровских землях двух стран: Росовлахии (Цара де Сус / Țara de Sus) на русинском севере и Мавровлахии (Молдовлахии) на юге (Цара де Жос / Țara de Jos) (Gorodenco 2008: 86).

Позже в иерархии думных бояр ворники (правители) Нижней и Верхней Молдавии занимали место после великого логофета (главы господарской канцелярии и хранителя государственной печати, исполнявшего функции господаря в его отсутствие). Ворники, по словам Д. Кантемира, вершили при княжеском дворе все дела, касавшиеся своих областей (Кантемир 2011: 229).

Ряд районов, населенных русинами, долгое время обладал автономией. Говоря о русском Долгополье (Кымпулунг Русинский в Сучавском уезде), Д. Кантемир упоминает, что жители пятнадцати сел пользовались своими законами и судами. «Порой они даже допускают двух ворников (представителей уездной администрации. – *С.С.*), присланных господарем, нередко же, когда те оскорбляют чувства поселян, опираясь на свои природные убеждения, они изгоняют их». Они платили налоги, которые обещали прежним господарям, и через своих представителей возобновляли эти соглашения с новыми правителями. «Если же господарь надумает быть строже и возложить на

них новое обременение, они не теряют на переговоры и дня, но вовсе отказываются платить и скрываются в самые неприступные горы; поэтому господари никогда и не требовали от них больше положенного. Подчас, подстрекаемые иными мятежниками, они изменяли господарям и искали поддержки поляков: проявление такого покровительства дало повод некоторым польским историкам утверждать, что Молдавия платила дань Польше» (Кантемир 2011: 262–263). Долгое время автономной была Шипинская земля (в ее состав входили Северная Буковина и Хотинщина) (Жуковський 1991: 30–31).

Русскому (русинскому) населению княжества посвящен еще один летописный эпизод. Он, как, впрочем, и некоторые из приведенных выше, никогда полностью не переводился на русский язык. В то же время часто цитируемые вне контекста фрагменты (отдельные фразы или предложения) летописей не только совершенно искажают первоначальный смысл, но и свидетельствуют о слабом знании истории Молдавии.

Вот перевод отрывка «Летописи страны Молдавской, отколь образовалось государство, о течении годов и жизни господарей от Драгоша-воеводы до Арона-воеводы» Г. Уреке в изложении **А. Урикарула**:

«Как опустошил Штефан-воевода Страну ляхов
в 7006 (1498) году, за 22 дня июня

В том же году Штефан-воевода, желая возместить себе ущерб, нанесенный ляхами, собрал войско и вошел в Подолию и к русским (в румынской публикации: *rusi*. – *С.С.*), прошел и через Львов, город Канцуг, реку Вислоку, подвергая все села опустошению и оставляя после себя пожарища. Поджег города Премишлия (Перемышль. – *С.С.*), Радумня, Преворска, Канцуг и крепость Терябул и много добра взял оттуда, и многих жоймиров (наемных солдат. – *С.С.*) вывел и зарубил, а еще больше сжег крепости. И крепость Бучач много бед претерпела, и Подхаец тоже был предан огню. И много людей – мужчин, женщин, детей – было угнано в рабство, больше 100 000, многие из которых осели в стране Штефана-воеводы, и до сих пор жив русский язык (в румынской публикации: *limba rusască*. – *С.С.*) в Молдове, прежде всего там, где они обосновались, так что треть говорила по-русски (в румынской публикации: *grăiescu ruseşte*. – *С.С.*). А Штефан-воевода, предав страну огню и опустошив ее, вернулся назад с большой военной добычей, без всякого ущерба перешел Днестр в этой части Галиции, опустошив и ее. И так он вернулся на свой трон, в Сучаву, с великой радостью и победой» (Letopiseţul 1990: 55).

Об этом же пишет **Н. Костин**:

«А Штефан-воевода, желая отплатить за несправедливость ляхов и возместить убытки своей страны, на второй год, весной, вторгся в

Землю Ляшскую, имея в своем войске татар и турок, разорив Подолию и [вошел] в Землю Русскую, до местечка под названием Камчуга, выше Львова, и до реки Вислока, разоряя все вдоль и поперек. И много ужаса и страха нагнал на все Ляшское королевство, так что никого не было, кто бы осмелился пойти против Штефана-воеводы; все были готовы к бегству, не только по городам и крепостям, но и в горы, и в кодры сбегали, и взял Штефан-воевода много рабов: мужчин, женщин и детей, сколько их, пустившихся в бегство, оказывалось на дорогах. Многих взяли татары и турки в рабство.

Но и Штефан-воевода около 100 000 рабов привел и поселил их в стране. Много отар овец и стада другого скота привел он из Земли Ляшской. Сжег тогда Штефан-воевода Перемышль, Радомну, Ярослав, Преворский и Бучеч, и много бед имел и Подхаец, и многие более малые местечки и села без числа были разорены и сожжены. Только одно сделали ляхи себе на пользу и на страх Штефана-воеводы: укрепили они Краков к югу бастионами и стенами, и рвами и пустили по рвам вокруг крепости реку Рудаву, добавив много места для убежища около стен. Штефан-воевода же с миром вернулся на свой трон, в Сучаву, и с радостью от победы. Альбрехт (так в тексте. – *С.С.*), король ляшский, увидев разорение и уничтожение своей земли, причиненное Штефаном-воеводой, не пожелал сдаваться, а собрал войско и вторгся в страну и разорил ее до Ботэшень. Штефан-воевода, тоже собрав войско и выйдя против ляхов, вступил с ними в сражение у местечка Ботэшень и разгромил ляхов. Так пишется в летописи страны, а ляшские составители хроник об этом не упоминают» (Costin Nicolae 1990: 165).

За 136 лет до похода Стефана Подолье было освобождено от «отчичей и дедичей» Подольской земли – татарских «князей» Хачибея, Кутлубуги и Дмитрия в битве на Синей воде (1362), которую выиграл великий князь литовский Ольгерд. Подольская земля не была освоена татарским князьями, там отсутствовали «города» (крепости). В то же время существовала сельская администрация – атаманы (как и на территории Карпато-Днестровских земель до основания Молдавского княжества и в первое время его существования). После победы великого литовского князя Кориатовичи идут с санкции Ольгерда в Подольскую землю, заканчивают освобождение Подолья от татар и по соглашению с атаманами начинают здесь княжить и осваивать территорию, строя «города» (Полехов 2014: 49–50).

Федор Кориатович, князь Подолии, земли которой не так давно были освобождены от татар, поссорившись с великим литовским князем Витовтом, ушел в 1393 г., после поражения, вместе с 40 тыс. подольских селян и множеством православных священников в Угорскую Русь. Он получил от венгерского короля в управление

город Мукачев с окрестностями (Павленко 1999: 96; Данюлюк 1997: 26–27). В достоверности этих данных усомнился закарпатский историк М.М. Лучкай (настоящая фамилия Поп (1789–1843)). Витовт не позволил бы побежденному им Федору Кориатовичу обезлюдить Подолье. А якобы основанные им 300 поселений в Угорской Руси существовали до его прихода (Поп 2006: 224).

В 1498 г. еще 100 000 чел. из Подолья вывел Штефан Великий. Для сравнения: Л.Л. Полевой установил, что в середине XIV в. в Молдавии проживали ок. 53 000 чел., в первой трети XV в. – ок. 154 000 чел., в конце XV в. – ок. 218 тыс. чел. (Полевой 1979: 116). То есть, если верить летописцам, население страны выросло на треть (!), что явно неправдоподобно. Вряд ли такую массу населения, если такое множество людей и проживало на данной территории, можно было бы оперативно привести в княжество. А их расселение на его территории стало бы еще одной проблемой. Интересно, что ранние источники, к примеру «Анонимная летопись» (Славяно-молдавские летописи 1976: 33–34), «Молдавско-польская летопись» («привел в свою землю также людей немало») (Славяно-молдавские летописи 1976: 120), которые писали современники этого события, о численности выведенных из Подолья жителей не упоминают.

Дмитрий Кантемир писал что «переселенцы из Польши в Центральную Молдавию, утратив за долгое время язык отечества, восприняли молдавский; обитающие же на границе с Подолией говорят еще на русинском (Ruthenis (Кантемир 2011: CCCXVI). – *С.С.*) и польском» (Кантемир 2011: 261).

Населенные пункты с русинскими названиями упоминаются с момента основания молдавского государства. Еще в 70-е гг. XX в. молдавский историк-медиевист Л.Л. Полевой на основе анализа названий сельских населенных пунктов средневековой Молдавии пришел к выводу, что в XIV–XV вв. 73,8% названий было восточнороманского происхождения, а 24,5% – славянского (в основном русинского). Наиболее распростанены названия с русинскими суффиксами *-овцы / -евцы, -инцы / -енцы*. Они составляли 12,5% (Полевой 1979: 103). Эти названия упоминаются с конца XIV в., например Чюрсачевцы, Владимировцы, Букуровцы, Марышевцы, Добриновцы в грамоте Романа Воеводы от 30 марта 1392 г. В этой грамоте говорится о принадлежности Пруто-Днестровского междуречья Молдавскому княжеству: господарь Роман I называет себя владетелем всей Земли Молдавской «от планины (горные пастбища в Карпатах) до моря» (DRHA: 3).

Ко второй половине XV в. древнерусский суффикс *-овцы* эволюционировал в русинский *-оуцы*. Позже часть названий изменят суффикс на производный от него молдавский *-эуць* (Раевский 1988: 244).

В свое время молдавский исследователь А.И. Еремия насчитал в Молдавской ССР 55 населенных пунктов с русинскими суффиксами *-эуць (-еуць)* (Еремия 1967: 180). Сегодня их в Молдове насчитывается 56 (Закон).

Изучение молдавских летописей имеет важное значение для разработки истории русинов Карпато-Днестровского региона. Хотя в них этноним *русин* не употребляется, летописцы называли русинское население *рус* в единственном числе и *рушь* во множественном, что является важным показателем этнической идентичности этого населения. Древняя молдавская легенда передает сведения об основном этническом составе Молдавского княжества и регионах его компактного расселения. Эта информация подкрепляется упомянутыми в летописях топографическими и антропологическими данными. Также летописи дают представление о этническом составе феодальной верхушки княжества, которая была смешанной – славяно-волошской (молдавской), и русины играли в ней важную роль. По различным оценкам, в средние века русины составляли от четверти (Руссев 2005: 99) до двух третей (Однороженко 2011: 178–179) молдавской знати.

ЛИТЕРАТУРА

Городенко 2005 - *Городенко А.* Галицко-волошские связи в XIII–XIV веках // Русин. 2005. № 2 (2). С. 88–89.

Грекул 1976 - *Грекул Ф.А.* Историография славяно-молдавского летописания XV–XVI вв. // Летописи и хроники. М.Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С. 172–188.

Данюлюк 1997 - *Данилюк Д.Д.* Історія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку XX ст. Ужгород: Патент, 1997. 287 с.

Еремия 1967 - *Еремия А.И.* Топониме славе ку суфиксул -эуць, (-еуць) // Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Кишинев, 1967. II. С. 180–189.

Жуковський 1991 - *Жуковський А.* Історія Буковини. Чернівці, 1991. Частина перша до 1774 р. 120 с.

Закон - Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова: Закон № 764 от 27.12.2001 // Monitorul Oficial. 2002. № 16. 29.01. Ст. № 53.

История 2015 - История Республики Молдова: с древнейших времен до наших дней / В.Е. Андрущак, П.А. Бойко, П.П. Бырня и др.; Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Милеску Спэтару. 3-е изд., уточн. и доп. Кишинэу: Tipografia Centrală, 2015. 384 с.

Кантемир 2011 - *Кантемир Дмитрий.* Описание Молдавии. Факсимиле,

латинский текст и русский перевод Стурдзовского списка / Сост. и общ. ред. Н.Л. Сухачева; предисл. А. Ешану и П. Балмуша. СПб., 2011. 434, + VI с. CD

Костин Мирон 1989 – *Костин Мирон.* Опере / Селекц., постфацэ, ноте ши комент. П. Балмуш, С. Королевски; Кувынт ынаинте де В. Бешлягэ; През. граф. де И. Кырму. Кишинэу: Литература артистикэ, 1989. 432 с.

Мохов 1978 - *Мохов Н.А.* Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1978. 132 с.

Одностороженко 2011 - *Одностороженко О.А.* Українська (руська) еліта доби средньовіччя і раннього модерну: структура та влада. Київ, 2011. 422 с.

Павленко 1999 - *Павленко Г.В.* Діячі історії, науки і культури Закарпаття. Малий енциклопедичний словник. 270 біо-бібліогр. Ужгород: [б.в.], 1999. 196 с.

Полевой 1979 - *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. 204 с.

Полехов 2014 - *Полехов С.В.* Летописная «Повесть от Подолье» (окончание) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 49–62.

Поп 2006 - *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: П.П. «Повч Р.М.», 2006. 412 с.

Раевский 1988 - *Раевский Н.Д.* Контактеле романичилор рэсэритень ку славий: Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу: Штиинца, 1988. 288 р.

Рубцов 1955 - *Рубцов Б.Т.* Гуситские войны (Великая крестьянская война XV века в Чехии). М.: Политиздат, 1955. 323 с.

Руссев 1982 - *Руссев Е.М.* Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии. Кишинев: Штиинца, 1982. 372 с.

Руссев 2005 - *Руссев Н.Д.* Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии // Русин. 2005. № 2 (2). С. 93–105.

Славяно-молдавские летописи 1976 - Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / Сост. Ф.А. Грекул; отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1976. 152 с.

Стати 2016 – *Стати В.Н.* Культурные достижения XV–XVI веков – фактор утверждения Молдовы и молдаван в истории // История Молдовы. Кишинев: Tipografia Centrală, 2015. Т. 1: Страна Молдова в эпоху средневековья (XI–XVII века). С. 228-267.

Федорук, Кубай 2013 - *Федорук А.В., Кубай И.М.* Гуситы и военное дело Молдавии в XV в. // Stratum plus. 2013. № 6. С. 255–273.

Costin Miron 1958 - *Costin Miron.* Opere: Letopiseţul Ţării Moldovei de la Aron Vodă încoace; Cronica polonă; Poema polonă; De neamul moldovenilor / Ed. P.P. Panaitescu. Bucureşti: Editura de Stat pentru Literatură şi Artă, 1958. 531 p.

Costin Nicolae 1990 - *Costin Nicolae.* Scrieri: În 2 vol. Vol. 1: Letopiseţul Ţării Moldovei de la zidirea lumii și pînă la 1601. Letopiseţul Ţării Moldovei (1709-1711) / Ed. Îngrij. de S. Korolevschi; prez. graf. de I. Cârmu. Chișinău: Hyperion, 1990. 480 p.

DRHA - Documenta Romaniae Historica: A. Moldova. Bucureçti: Editura

Academiei Republicii Socialiste Române, 1975. Vol. 1 (1384–1448). 605 p., il.

Fontes Historiae 1982 - Fontes Historiae Daco-Romaniae. Scriptores et acta Imperii Byzantini saeculorum IV–XV = Scriitori şi acte bizantine secolele IV–XV. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1982. Vol. IV. 598 p.

Gorodenco 2008 - *Gorodenco A.* Moldova de sud în a doua jumătate a secolului XIV // Tyragetia [Chişinău]. 2008. Vol. II (XVII), № 2. P. 83–88.

Letopiseţul 1990 - Letopiseţul Ţării Moldovei. Grigore Ureche. Miron Costin. Ion Neculce. Chişinău: Hyperion, 1990. 638 p.

Panaitescu 1994 - *Panaitescu P.P.* Numele neamului şi al ţării noastre // Interpretări romîneşti. Studii de istorie economică şi socială. Ed. a 2-a. Bucureşti: Editura Enciclopedică, 1994. P. 65–82.

Spinei 1982 - *Spinei V.* Moldova în secolele XI–XIV. Bucureşti: Editura ştiinţifică şi enciclopedică, 1982. 384 p.

REFERENCES

Gorodenko, A. (2005) Galitsko-voloshskie svyazi v XIII–XIV vekakh [The Halych-Voloch ties in the 13th–14th centuries]. *Rusin*. 2 (2). pp. 88–89.

Grekul, F.A. (1976) Istoriografiya slavyano-moldavskogo letopisaniya XV–XVI vv. [Historiography of the Slavic-Moldovan Chronicles of the 15th-16th centuries]. In: Rybakov, B.A. & Tikhomirov, M.N. (1976) *Letopisi i khroniki. M.N. Tikhomirov i letopisevedenie* [Annals and Chronicles. M.N. Tikhomirov and chronicle studies]. Moscow: Nauka. pp. 172–188.

Danilyuk, D.D. (1997) *Istoriya Zakarpattya v biografiyakh i portretakh (z davnikh chasiv do pochatku XX st.* [History of Transcarpathia in biographies and portraits (from ancient times to the beginning of the twentieth century]. Uzhgorod: Patent.

Eremiya, A.I. (1967) Toponime slave ku sufiksul -euts', (-yeuts') [Slavic toponyms with the suffix -euts', (-yeuts')]. In: *Vostochnoslavyano-moldavskie yazykovye vzaimootnosheniya* [East Slavic-Moldovan language relations]. Chişinău: Kartya moldovenyaske. pp. 180–189.

Zhukovskiy, A. (1991) *Istoriya Bukovini* [History of Bukovina]. Chernivtsi: Chernivets'ki oblpoligrafvidavo.

Moldova. (2002) Administrativno-territorial'nom ustroystve Respubliki Moldova: Zakon Nr. 764 ot 27.12.2001 [On the administrative and territorial structure of the Republic of Moldova: Law Nr. 764 of December 27, 2001]. *Monitorul Oficial*. 16. Art. Nr. 53.

Andrushchak, V.E., Boyko, P.A., Byrnya, P.P. et al. (2015) *Istoriya Respubliki Moldova: s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the Republic of Moldova: from ancient times to our days]. 3rd ed. Chişinău: Tipografia Centrală.

Kantemir, D. (2011) *Opisanie Moldavii. Faksimile, latinskiy tekst i russkiy perevod*

Sturdzovskogo spiska [Description of Moldova. Facsimile, Latin text and Russian translation of Sturdz's list]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Costin, M. (1989) *Opere* [Works]. Chișinău: Literatura artistike.

Mokhov, N.A. (1978) *Ocherki istorii formirovaniya moldavskogo naroda* [Essays on the history of the formation of the Moldovan people]. Chișinău: Kartya moldovenyaske.

Odnorozhenko, O.A. (2011) *Ukraïns'ka (rus'ka) elita dobi sredn'ovichchya i rann'ogo modernu: struktura ta vlada* [Ukrainian (Russian) elite of Middle Ages and early modernity: structure and power]. Kyiv: Tempora.

Pavlenko, G.V. (1999) *Diyachi istorii, nauki i kul'turi Zakarpattya: maliy entsik. slovnik* [Figures of history, science and culture of Transcarpathia: A Brief Encyclopedic Dictionary]. Uzhgorod: [s.n.].

Polevoy, L.L. (1997) *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII–XV vv.* [Essays on the historical geography of Moldavia in the 13th – 15th centuries]. Chișinău: Shtiintsa.

Polekhov, S.V. (2014) Letopisnaya "Povest' ot Podol'e" (okonchanie) [Chronicle "A Tale from Podillya" (ending)]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2 (56). pp. 49–62.

Pop, I. (2006) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhgorod: P.P. Povch R.M.

Raevskiy, N.D. (1988) *Kontaktele romanichilor reseriten' ku slaviy: Pe baze de date lingvistiche* [Contacts of Eastern Romanians with Slavs: based on linguistic data]. Chișinău: Shtiintsa.

Rubtsov, B.T. (1955) *Gusitskie voyny (Velikaya krest'yanskaya voyna XV veka v Chekhii)* [Hussite wars (Great peasant war of the 15th century in the Czech Republic)]. Moscow: Politizdat.

Russev, E.M. (1982) *Moldavskoe letopisanie – pamyatnik feodal'noy ideologii* [The Moldavian chronicle as a monument of feudal ideology]. Chișinău: Shtiintsa.

Russev, N.D. (2005) Volokhi, russkie i tatary v sotsial'noy istorii srednevekovoy Moldavii [Volokhs, Russians and Tatars in the Social History of Medieval Moldavia]. *Rusin*. 2 (2). pp. 93–105.

Grekul, F.A. (1976) *Slavyano-moldavskie letopisi XV–XVI vv.* [Slavic-Moldavian Chronicles of the 15th – 16th centuries]. Moscow: Nauka.

Stati, V.N. (2016) Kul'turnye dostizheniya XV–XVI vekov – faktor utverzhdeniya Moldovy i moldavan v istorii [Cultural achievements of the 15th – 16th centuries as a factor of establishment of Moldova and Moldovans in history]. In: Stati, V.N. (ed.) *Istoriya Moldovy* [History of Moldova]. Vol. 1. Chișinău: Tipografia Centrală.

Fedoruk, A.V. & Kubay, I.M. (2013) Gusity i voennoe delo Moldavii v XV v. [Hussites and the military affairs of Moldova in the 15th century]. *Stratum plus*. 6. pp. 255–273.

Costin, M. (1958) *Opere: Letopisețul Țării Moldovei de la Aron Vodă încoace; Cronica polonă; Poema polonă; De neamul moldovenilor* [Works: The Moldavian Letopise of Aron Vodă; Polish chronicle; Polish Poem; The Moldovans]. Bucharest: Editura de Stat pentru Literatură şi Artă.

Costin, N. (1990) *Scrieri: În 2 vol.* [Writings: In 2 vol]. Vol. 1. Chișinău: Hyperion.

Berza, M. et al. (1975) *Documenta Romaniae Historica: A. Moldova*. Vol. 1. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste Române.

Mihaescu, H. (ed.) (1982) *Fontes Historiae Daco-Romaniae. Scriptores et acta Imperii Byzantini saeculorum IV–XV*. Vol. 4. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Gorodenco, A. (2008) Moldova de sud în a doua jumătate a secolului XIV [Southern Moldova in the second half of the 14th century]. *Tyragetia*. 2. pp. 83–88.

Ureche, G., Costin, M. & Neculce, I. (1990) *Letopisețul Țării Moldovei* [The Chronicle of Moldova]. Chișinău: Hyperion.

Panaitescu, P.P. (1994) *Interpretări romîneşti. Studii de istorie economică şi social* [Romanian interpretations. Economic and social history studies]. 2nd ed. Bucharest: Editura Enciclopedică. pp. 65–82.

Spinei, V. (1982) *Moldova în secolele XI–XIV* [Moldova in the 11th – 14th centuries]. Bucharest: Editura științifică și enciclopedică.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sulyak Sergey – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Приложение 1

Мирон Костин

История в польских стихах о Молдове и Валашском княжестве[1]

[Польская поэма]

ЧАСТЬ III[2]

О втором основании Молдовы и Мунтении после изгнания татар

После столь великого поражения в битве у города Роман татарские орды отступили повсюду, и, не встречая более никаких препятствий с их стороны, на освобожденных от них землях произошло второе основание – сначала Мунтении, а затем вскоре и Молдовы: здесь – воеводой Драгошем[3], а там – воеводой Негрулом с мунтенскими пехотинцами. Отныне одна часть будет молдаванами, а другая – мунтянами, и выше показано, откуда появились эти наименования. При этом втором основании двух стран перестали именовать их румынами, но, ведя свое происхождение из Рима, не утратили это наименование совсем. Румын означает *romanus*, и когда один спрашивает другого о языке, то говорит по сей день: знаешь румынский? Или похоже: *«seis romanice?»*, он не говорит «молдавский». И только те, кто перешли в эти две страны, изменили свое название на мунтян и молдаван, но те, кто остался в Ардяле[4], сохранили неизменным свое старое имя и гордятся и сегодня именем румын, а венгры их называют «олахи», это название происходит от Wlochy (Италия). Они не пользуются названиями «молдаван» и «мунтян», поскольку эти названия происходят от здешних рек, а те подчинены венграм. И по сей день они более многочисленные, чем венгры, начиная с Бачки[5] сербов-тимишорян, через весь Муреш,

---

[1] В румынском переводе: Istorie în versuri polone despre Moldova şi Ţara Romînească. – *С.С.*

В оригинале на польском языке: «Historya polskimi rytmami o Woloskiey ziemi i Moltanskiey» («История польскими рифмами о Волошской земле и Мунтянской»). Все примечания, кроме обозначенных автором статьи, даны П.П. Панаитеску.

[2] Переведено на русский язык из: Costin Miron. Poema polonă // Costin Miron. Opere: Letopiseţul Ţării Moldovei de la Aron Vodă încoace; Cronica polonă; Poema polonă; De neamul moldovenilor / Ed. P.P. Panaitescu. Bucureşti: Editura de Stat pentru Literatură şi Artă, 1958. P. 228–236. – С.С.

[3] Драгош - первый вайда, по-румынски domn (господарь).

[4] Румыны Земли Ардяла (Трансильвании).

[5] Бачка (серб. Бачка, венг. Bácska, рум. Bacica) – историко-географический район в Центральной Европе, расположенный на Среднедунайской низменности, между реками Тиса и Дунай. Сегодня бóльшая часть региона входит в состав сербского

в Херцеге, вокруг Бэлграда[1], где живут князья, в земле Олта[2] и во всем Марамуреше; и так сильно увеличился народ, как будто и не покидал никто ни Марамуреша, ни Олта. И язык у них намного красивее и ближе к итальянскому, особенно у марамурешцев; они не подчинены никому, свободны, не служат до сих пор ни одному хозяину. Только когда князь лично садится на коня, идут они с ним на войну и содержат за свой счет гарнизон крепости Хуст. У них особые привилегии, и до сих пор они непревзойденные в воинском деле.

Те же изменения произошли с их собственными именами: Богдан, Драгош у молдаван, Стан и Влад у мунтян, а также Драгомир и Станомир. Эти и другие уже не римские, а сербские, откуда видно, что славянский язык распространился в этих землях, поскольку такие имена есть только у славян. Все эти изменения не должны удивлять, причина кроется в долгом периоде времени. Каковы места, таковы и обычаи предков у каждого.

В земле Марамурешской есть село, именуемое Куха[3]. Там жил Драгош, сын Богдана, вместе с ним. Богдан гордился, что происходит от древних господарей[4], а его сын сгорал от желания показать, на что он способен. Долгое время его мать запрещала ему уходить, чтобы не потерять его в тех местах, которые столь опасны. Но однажды зубр появился рядом с селом; юноша устремился по его следам. Драгош посчитал это благоприятным знаком и выбрал триста вооруженных молодых людей, привыкших делить с мужчинами любой труд. Идя по следам зубра в глубь гор, он достиг реки, неизвестной доселе. Надеясь найти след, они пошли вдоль реки, куда бы ни вело ее русло. А собака Молда[5] помогала им своим нюхом, потому что, где бы ни прятался зубр, даже в узких расщелинах между скалами, чтобы скрыться, пропуская загонщиков вперед, она, чуя ноздрями запах животного, лаяла, призывая своим лаем, как колоколом, рассеявшихся воинов, пока труба не сообщила о спрятавшемся животном. Молодые люди тут же бросились туда, но зубр, увидев, что обнаружен своими неустанными преследователями, с трудом вырвался от загонщиков, и они снова начали преследовать его.

Как только они преодолели Карпатские горы[6], с вершин высоких гор[7]

автономного края Воеводина, меньшая – в состав Венгрии.

[1] Столица князей Ардяла (Трансильвании). Сегодня – Алба-Юлия.

[2] Terra Olti.

[3] Куха – село в Марамуреше.

[4] В Марамуреше есть акты о привилегиях этого Богдана. Мне их показали.

[5] Собака Молда ищет зубра.

[6] Молдаване называют их Венгерскими горами.

[7] Гора Чахлэу, с которой можно увидеть Днестр, настолько высока, что ниже ее идут дожди с молниями и громом, а над вершиной горы – солнце.

увидели будущую Молдову. Глазам открылись поймы Прута, в которых отражаются прозрачные луга, простирающиеся до Днестра, обширные поля, которые выглядят как пространства, затянутые дымом, и по размерам подобны океану. Великий Днестр имеет свои истоки в странах польской короны, и даже там, где делит Подолию на две части, он течет среди скал, вылепленных природой, как если бы они были сотворены рукой человека; он красивее Нила[1], хотя прославлен Нил, текущий в окружении тростника. Днестр превосходит даже Дунай, воды которого непокорны руслу[2]. Волны Днестра в тени увлажняют крутые берега, а река борется с Фебом, чтобы поймать его лучи, ибо наклонные скалы скрывают небо. Комаров, врагов сна человеческого, здесь нет. И когда, наконец, открываются взору низкие берега, они похожи на лабиринты садов на воде или на величественные брови на веселом лбу славного короля, со лбом таким же ясным, как небо! Если бы богини из греческих легенд узнали об этих краях, они, конечно, пришли бы со своего Олимпа. Повсюду плодородные поля, огромные пастбища; какие другие земли в мире могут сравниться с этими? И Прут[3] проистекает из этого царства, богатая река, извилистая на равнинах, с плодородными полями на берегах. Так что зря ты хвалишься, Египет, что в своей стране обгоняешь Прут в богатстве. Здесь половина копейки производит семь мер[4] пшеницы, что вряд ли можно увидеть на твоих песчаных границах. В плодородные годы овес, рожь, пшеница дают одиннадцать мер, а просо – более двенадцати[5]. Ты можешь иметь больше, хвастаясь под защитой Цереры, что в твоей стране выращивают сахар? Здесь кобыла часто приносит двух жеребцов, а овца – трех ягнят за один раз, а молодая корова в три года – теленка. И тебя, Бырлад[6], плодородная река, не могу не вспомнить: трудно забыть, как ты течешь в изобильном богатстве, неся со своей волной мед и молоко, восхитительные, как в раю. Дальше они увидели и леса, и откуда текут реки, бесконечные равнины, и, когда они опустили глаза, то увидели страну, как цветущий сад, выросший между ее границами с четырех сторон. Глядя на восток, они удивлялись этой стране с полями, полными цветов, как в раю. Теперь надежда поймать богатую добычу сменилась другим желанием, наполнившим их души.

Смотрели на эти места, а затем двинулись дальше вдоль реки и теперь, выйдя из тумана гор, увидели чистые поля. Вдруг собака залаяла, как обычно, и они поспешили на знакомый лай. На левом берегу реки

[1] Нил имеет неприятный облик.

[2] Дунай течет, разделенный на потоки, редко соединяющиеся; Дунай больше, чем Нил.

[3] Прут – это река, берущая истоки в Покутии.

[4] Молдавская мера, 18 ок (примерно 27 литров).

[5] Правда.

[6] Бырлад – река меньше, чем Прут, но с плодородной долиной.

находится очень холмистый лес, окруженный оврагами, там усталый и обессиленный преследованием зубр отдыхал, но ноздри собаки не потеряли его след. Там молодые люди, мечтавшие о добыче, окружили его, направив против него все свое оружие. Животное инстинктивно почувствовало, что пришло последнее мгновение его жизни, и не выходило из чащи в поле. Тогда молодежь навалилась на него с железным оружием, некоторые с венгерскими топорами, другие с рогатинами, и убили зубра.

«О, молодые люди, – воскликнул Драгош, – это наша родина, больше нам не нужны ничьи советы, я не вернусь отсюда. Я восстановлю жилища наших предков. Клянусь, я это сделаю и пошлю весть домой об этом. А кто из вас думает иначе, пусть возвращается немедленно». Все закричали: «Клянемся, что и мы остаемся здесь жить с тобой навсегда!».

Голову зубра водрузили на столб как знак, приносящий благополучие, и Боурень[1] стало первым селом новой земли, поскольку зубр называется по-молдавски «боур» («тур»). По этой причине на печати страны изображена голова зубра, и на этом месте основано первое село, которому дали название Боурень, от слова «боур» («тур»). Собака, усталая или раненная в чаще ослабленным зверем, после такого долгого бега бросилась, разгоряченная, к воде, но, напившись, околела, истомленная. Эта река навсегда была названа Молдова, от Молда, она и сегодня сохранила это название. Ее исток находится в Марамуреше, в Карпатских горах, а впадает она в Сирет, недалеко от города Роман. Река Молдова навечно дала название как стране, так и народу: от слова Молдова происходит и слово молдаване.

Драгош назначил место каждому и обследовал все окрестности, пока не увидел серый дым, подымающийся утром на рассвете, как колонна, до облаков. Они удивились: кто живет в таком безлюдье? Без огня нет дыма даже в пещерах, поэтому они бесстрашно направились туда. Направляясь в сторону дыма, они обнаружили вторую реку и на ее берегу увидели веселую кудрявую рощу. Одни окружили рощу, из которой шел дым от угольков; а другие, войдя в нее, обнаружили старика, работавшего на пасеке. Он накрывал ульи и бродил вокруг них, чтобы что-то поправить, посмотреть, не увела ли какая-то матка своих пчел, или выпрямить соты, взять воск, похожий на янтарь[2], и побудить пчел к более прилежному труду, пока они не закричали: «Бинец, человече!»[3]. Старик кивнул. Ему начали задавать вопросы; он: «Я не понимаю, ради Бога!»[4]. Они еще пытались объясниться с ним знаками, но он, смущен-

[1] Боурень - первое село в Земле Молдавской, от «боур» (тур, зубр).

[2] В Земле Молдавской в ульях есть воск с запахом янтаря.

[3] *Bineț – bene tibi*, вместо «Помоги тебе Бог».

[4] В оригинале на русинском языке: «Neznaiu, bohme».

ный такими гостями, совершенно неизвестными ему с тех пор, как он жил здесь, не знал, что сказать. Они привели его к своему вождю, и он спросил его через переводчика: с каких пор он живет здесь и откуда он? Он отвечает: «Я Яцко из Снятина, живу здесь несколько лет, и у меня есть маленькая пасека. Кроме вас, я никого не видел». Драгош рассказал ему об основании новой страны, которому теперь не препятствуют татары. Если у него есть люди, если он хочет привести своих родственников, то он наделяет его в то же время правом наследовать все земли во всех окрестных местах. Старик благодарит его за доброжелательные слова и обещает привести сюда всех своих родственников. И он сдержал свое слово: весь свой род из Снятина в Покутье[1] привел в эту страну, в новые поселения. От них осталось второе самое древнее поселение после Боурень, село Яцкань[2], которое названо в честь их предка Яцко. И сегодня это название сохраняется, хотя село слилось с городом Сучава. Судьба не хотела, чтобы город носил самое старое название. Несколько скорняков пришли из Венгрии и поселились там (скорняк по-венгерски называется «соч»), и, таким образом, получилось так, что город и река называются Сучава. Однако имя Яцкань не погибло, сохранившись за частью города.

Драгош, теперь видя, что эта область, где он нашел старика Яцко, расположена ближе к населенным частям, а земля – более равнинная, выезжает из Молдовы направо; там он видит поля и третью реку, более быструю, чем предыдущие. Из-за быстроты течения он дает ей название Репеде[3] («Быстрая»), а другой, находящейся поблизости, – Лимпеде («Чистая») из-за очень чистой воды, от латинского *limpida* (и первая тоже из этого языка, *rapida*). Но теперь русины[4] Богдана из Покутья[5] изменили название реки Репеде, назвав ее Бистрица. Драгошу понравилось это место, и он осел там, дав свое имя всей округе, которая до сегодняшнего дня называется Кымпий луй Драгош («Поля Драгоша»), что означает Campi Dragossi. И отсюда новые жители потекли со всех сторон, как воды, если верить простым людям, которые сохранили традицию[6]. Простой человек, который не задумывается, скорее говорит правду, он не ищет слова, а рассказывает то, что знает[7]. Не всегда истине нужна утонченная речь, она довольствуется самым простым рассказом.

---

[1] Покутье (рум. Pocuția) – историческая область между реками Прут и Черемош, ныне в составе Ивано-Франковской области Украины – С.С.

[2] Яцкань - второе старейшее село, от имени Яцко.

[3] Река Бистрица, и вторая рядом с ней – Лимпедя.

[4] В оригинале Ruż. – *С.С.*

[5] Имя Богдана написано на Галицких воротах во Львове.

[6] Ее хранят анналы в монастырях.

[7] Простая речь – это правда.

Нет ни одной другой страны, которая была бы так быстро колонизирована в своих границах. И как достойный корабль сразу поднимает свои паруса или как ливень, низвергаясь в горы, превращается в потоки, но так же быстро иссякает, так и эта страна, основанная таким образом, началась сразу, а через несколько десятилетий остановилась в своих границах. Через несколько лет они заселили все места и поля до Дуная и Днестра, и они заняли все равнины, рассеченные реками, до Черного моря. Драгош, полный рвения, расселил румын на полях, саксонских ремесленников и русинов[1] поселил рядом с горами, своих слуг – на равнины внизу. Поселил и русинов[2]-крестьян из Покутья и Подолии; они заселили Черновцы, Хотин[3] и всю область Днестра, уезды Оргеевский, Сорокский и вдоль Прута половину Ясского уезда, а также половину Сучавского уезда. В Нижней Стране не было крепостных, все из них назывались лучниками и кавалеристами[4] и работали только на себя, а на богатых работали купленные цыгане[5]. Все города были основаны саксонцами, они вместе с венграми вырастили и виноградники.

Страна в ее первоначальных границах[6] простиралась от Венгерских гор на восток, до берегов Днестра. С севера на юг страна опоясана Днестром, от Хотина вдоль всей реки и до Черного моря, до того места, где в этот океан вливаются воды Дуная. Сегодня Прут – это граница с Буджаком, и даже Галац и Хотин не раз были объяты страхом: сегодня они – турецкие таможни. Господи! Если язычник не перережет теперь последнюю нить жизни жителей, он, конечно же, превратит эту страну в пашалык, поскольку давно это подготавливает. Тогда ты увидишь, поляк, каких соседей ты приобретешь на своих границах, какое несчастье жить рядом с таким соседом. Если потеряешь нынешнюю возможность, которую Бог показывает тебе через воинственную руку твоего великого короля, то не скоро увидишь другую подобную.

Мунтяне с их Негрулом несколько раньше, чем остальные, основали свое государство. Дунай опоясывает их страну по всей южной границе[7] и отделяет ее от Мизии. На севере и западе она окаймлена горами, а на востоке Сирет отделяет ее от Молдовы. Они насчитывают почти четыреста лет своей истории со времен их Негрула, в то время как молдаване – более трехсот восьмидесяти. Дай Боже, чтобы нынешние времена не были последними! Не теряй надежды, о, страна, ни ты, Подолия; вы спасете от бездны Иоанна Великого, короля Польши.

[1] В оригинале: Ruś. – *C.C.*.

[2] В оригинале: Ruś. – *C.C.*

[3] Черновцы, Хотин, половина Ясс, половина Сучавы – полностью русинские.

[4] Лучники – пехотинцы с луком, кавалеристы – всадники.

[5] И сегодня там работают цыгане.

[6] Первоначальная граница Молдовы.

[7] Граница Мунтении.

Мунтяне используют другую печать, с вороном[1]. А о своем воеводе Негруле они сами рассказывают так: в то время, когда люди все еще жили на водах Олта, князь Ардяла (Трансильвании) взял в любовницы прекрасную романоязычную девушку. Женщина вскоре забеременела и рассказала об этом князю. Он дал ей кольцо со знаком на нем как символ доверия и отправил ее к родителям, пообещав жить с ребенком, как только он родится. Она родила сына Негрула[2]. Взяв ребенка, она отправилась в путь вместе со своим братом к тому, кто был причиной этого ребенка. По пути, уставшие и измученные ходьбой, они сели возле рощи. Мать дает ребенку кольцо поиграть перед сном, чтобы он не плакал. Но, как чудесная молния, ворон, видя с дуба, что что-то сверкает в руке ребенка, по-видимому, мучимый голодом, приняв это за кусок мяса, выхватывает золотое кольцо и глотает его с жадностью. Ребенок кричит, оцарапанный когтями ворона, мать вскакивает на ноги, а брат просыпается. Видит, что кольцо потеряно, а с ним и доказательство доверия. Оба сетуют, но ворон сидит на месте, отягощенный необычной едой. Брат поднимает лук, натягивает тетиву, приближается, отягощенный золотом ворон представляет собой неподвижную цель. Сраженный, падает с кольцом в горле. Убив ворона, брат, теперь уже успокоенный, не достает кольцо из ворона, а, взяв сестру и ребенка, повеселев, ищет князя в его стране. Добравшись до него, отдают ему ребенка и кольцо в вороне, как чудо. Отсюда печать Мунтении – ворон. А ребенка князь вскоре сделал *вайдой,* так по-венгерски называют воевод[3]. Позже он начал носить сербский титул «господарь», но по-венгерски у венгров он звался «вайда», так на их языке называют правителей. Негрулу, когда он вырос, князь дал воеводство Фагарашское и от имени короля отправил его туда. Этот Негрул осуществил второе основание государства у мунтян, как у молдаван – Драгош. В результате этого и венгры, саксы и сербы с большим успехом поселились колониями на берегах Дуная.

Драгош недолго радовался стране, основанной с таким большим трудом. После шести лет правления он умер. О, сколь много пророчествовало это короткое правление и короткие правления его потомков! После его смерти правителем стал его брат Роман. При нем был построен город Роман, который носит его имя[4] и расположен у впадения Молдовы в Сирет. Но он ненадолго пережил своего брата: через четыре года он распрощался с миром. В течение сорока трех лет правили семь правителей. Что было сделано в эти времена, на протяжении сорока трех лет? Они основывали поселения, или об этом нет записей? Соседние страны

[1] Печать Земли Мунтенской – ворон.

[2] Негрул - первый мунтенский *вайда*.

[3] *Вайда* на венгерском языке означает «воевода».

[4] Роман - первый город.

ничего не знали о них? Даже если они сделали что-то, это осталось во тьме, неизвестно всем, до старого Александра[1], который, подобно королю, был назван первым господарем, прославлен именно как монарх. Его называют Старым и Добрым, и по сей день жители прославляют его память. Он одел эту страну в более очаровательные одеяния. Сначала он заставил создать здесь клир и направил для этого своих посланников в Стамбул. Но это посольство потерпело неудачу, потому что император Палеолог уехал из своего стольного города Стамбула вместе с патриархом на Флорентийский собор[2]. Посланники сообщили, что никого не нашли в Царьграде; все – император, патриарх и все священнослужители – уехали на собор. Они спросили тогда, что им делать, чтобы выполнить поручение: отправиться в Италию во Флоренцию или дождаться императора? Александр советуется со своими высшими боярами, издает указ отправиться в столицу болгар Охриду вместе с монахами, выбранными за духовные достоинства. Охрида – город в Сербии, которому Юстиниан даровал большие привилегии, потому что этот император греков был родом оттуда. Юстиниан назначил самым первым епископом своего родственника, которого он поставил выше всех митрополитов, самым близким к патриархам. И сегодня этот церковный сан стоит над архиепископами[3] и является главой всех сербских епископов. Посланники отправились в Охрид, там посвятили монахов[4], и с тех пор молдаване, приняв посвящение от сербов, служат литургию на сербском языке, этот язык они используют и в актах о привилегиях. С тех пор появился и титул «господарь и воевода Земли Молдавской от гор и до моря». Тогда страна была сильной, в лагерях было пятьдесят тысяч человек[5], пехотинцы назывались лучниками, а всадники – кавалеристами. Лучники напоминают пехотинцев, которые по-турецки называются solaci, потому что они воевали пешком с луками, без доспехов, только с колчаном стрел и луком в руке. Этот господарь восстанавливал крепости из старых руин и поднял свою страну к порядку и процветанию. И его царствование заняло тридцать лет.

С этого момента, доброжелательный читатель, я беззаботно отсылаю тебя к твоим авторам[6], к Кромеру, Бельскому, литвину Стрыковскому и к

---

[1] Александр Старый и Добрый - первый господарь и воевода.

[2] Флорентийский собор. Ферраро-Флорентийский собор – собор христианских церквей (1438–1445). На соборе рассматривались разногласия между западной (католической) и восточной церквами. Была заключена Флорентийская уния. Однако она так и не вошла в силу. – *С.С.*

[3] Первый архиепископ после патриарха.

[4] Молдавская митрополия сначала находилась в городе Роман.

[5] Это точно.

[6] Про этого Александра у польских историков есть все факты.

Пясецкому, плодовитому писателю. Молдаване очень признательны их душам, потому что часто упоминаются в их великих писаниях. Есть там и о войнах, и о самых значительных деяниях, в чем каждый преуспел или что потерял и каким образом. Однако о менее важных делах они не знали и о малых внутренних боях тоже. А до Александра, как они признаются, у них нет известий о ранних началах этого народа[1]. Только Кромер считал, что молдаване – из Италии, и если это так, что нам делать только с этим?

Это начало, ибо для происхождения этого народа у нас есть доказательство – историки, достойные доверия.

Источник: Costin Miron. Opere: Letopiseţul Ţării Moldovei de la Aron Vodă încoace; Cronica polonă; Poema polonă; De neamul moldovenilor / Ed. P.P. Panaitescu. Bucureşti: Editura de Stat pentru Literatură şi Artă, 1958. P. 218–236.

Приложение 2

Николай Костин

Летопись земли Молдавии от сотворения мира и до 1601 года

Глава XVI
Второе заселение Земли Молдавской, в какие годы это произошло

С трудом можно полностью подтвердить, хотя я изучал историю многих земель, расположенных вокруг нашей страны, и русских, и ляшских, очень подробно; правдоподобнее всего из того, что я узнал, как заселение страны [происходило] во второй раз после опустошения ее болгарами и татарами, в 6860 году от сотворения мира, или после Рождества Христова в 1352[2], когда правил в Земле Ляшской король Владислав Локетек, отец Казимира Второго, а в Царьграде был императором Михаил Палеолог. Это подтверждается тем, о чем пишет и Уреке-ворник в своей летописи, что два сына Штефана-воеводы, а

[1] Не следует удивляться полякам, венгры тоже сами признаются, что не знают, когда эта страна была колонизирована до Днестра.

[2] В примечаниях к книге указано: «Добавлено другими чернилами».

именно Штефан и Петру, вступили в раздор из-за господства здесь, в стране; Петру-воевода с помощью венгров сверг своего брата Штефана-воеводу с трона страны, и сбежал Штефан к ляшскому королю Казимиру Великому, сыну Владислава Локетека. Так, тот король Казимир правил 33 года, также от Драгоша-воеводы до Штефана-воеводы, у которого было два упомянутых сына – Петру и Штефан, как пишет Уреке-ворник, получается 46 лет. Если вычесть тридцать три года правления Казимира, ляшского короля, к которому направился Петру-воевода, чтобы тот помог ему стать господарем страны, остаются еще 13 прошедших лет. Во времена этого короля Владислава у нас здесь правил Роман-воевода, сын Петру-воеводы, внук Мушата-воеводы. Также то, что пишет Уреке-ворник – что был 6807 год во время заселения страны Драгошем-воеводой, не сходится, так как в эти времена Земля Молдавская была еще пустынной.

Также Бомфин, венгерский историк, так говорит о вторичном заселении страны: во время правления венгерского короля Людовика на престол взошел один господарь, а именно Богдан, который был жителем Марамуреша, с румынами. Он собрал валахов и вошел в страну, в свое имение, где они расселились, так как ее покинули соседствующие татары. А потом увидел Людовик, как много стало валахов, которые вышли из Марамуреша с Богданом – господарем той земли, и, не имея возможности вывести их из страны, определил их под свое правление, чтобы они платили подати венгерским королям.

А Уреке-ворник пишет, что заселил страну Драгош-воевода; считаем, что это мог быть Драгош-воевода, сын того Богдана из Марамуреша, который, как пишет венгерский историк Бомфин, заселил страну вторично. Подговорили Драгоша-воеводу, говорит он, некоторые его люди из Марамуреша, и, перейдя через горы, пришли они под видом охотников и нашли зверя, и гнали его со своими гончими, и поймали выбившегося из сил зверя в водах реки Молдова, в местности под названием Буорены. Но есть и латинское предание, о котором надо рассказать (не напрасно дается название), – зверь этот называется быком, может быть, это был зубр; по имени этого зверя называется та местность Буорены; голову зубра изобразили и на печати правителей страны, что мы видим и до сих пор.

Зайдя глубже в степь, эти охотники оказались в том месте, где сейчас находится монастырь Ецканы, и там была пасека с ульями, а при ульях – русский, по имени Яцко; они его спросили, кто он и почему живет в столь пустынном месте, а также о том, кто владеет этими землями. Он ответил, что он русский из Земли Ляшской, и, как он слышал от стариков, эти земли простираются до Дуная и до моря, и по Днестру вверх до того места, где начинается Страна ляхов.

И по имени Яцко это место было названо Ецканы, а реке, в которой, как упоминалось выше, они убили зверя, дали название Молдова, по имени одной гончей – Молда, которая после погони, добежав до реки, где убили зверя, утонула в ее водах, очень прозрачных.

Увидел Драгош со своими людьми, что земли там плодородные и обширные, есть и степь, и леса, и хорошие речки, посоветовались они и решили, что места эти подходят им для жизни, и вернулись в Марамуреш, и после этого они вновь пришли сюда и осели на этой земле, которую назвали Степь Драгоша; до сего дня там есть их дома. Все они покинули Марамуреш. И был Драгош в наибольшей чести среди других правителей и военачальников; они все его возвысили, и сделали своим господарем, и назвали Драгошем-воеводой.

Есть в Земле Венгерской боярский род Ванда (Вайда). И так поселились они, когда пришли сюда и другие марамурешцы, по тем местам, где им понравилось, у подножия гор: румыны, саксы и венгры. В торговом городе Сучава осели кожухари (скорняки); по-венгерски soci – это значит кожухарь, скорняк, а sociava – кожухарское дело, скорнячество. Также и в торговом городе Байя обосновались гончары-саксы; гончарное дело на языке саксов называется bae.

Увидев, что пришел Драгош-воевода со своими людьми из Земли Венгерской и что осели они тут, также и Яцко отправился в Землю Ляшскую и позвал своих русских, и пришли они, и расселились вверх по реке Сучава; и со временем собралось их множество, и они заполнили эту местность: румыны с саксами внизу, до Дуная, а русские вверху, до границы Земли Ляшской, от гор до Днестра, и внизу до Белгорода и Килии, по старым границам Дакии и земель, на которых обосновался, в свою очередь, Траян, как упоминалось выше.

Теперь, после того как мы рассказали о вторичном заселении страны, как было написано выше, в 6860 году, Драгошем-воеводой, вышедшим из Марамуреша, пришел черед написать о правлении Драгоша-воеводы, так как он был первым господарем страны, и далее последовательно будем описывать также жизнь и других господарей.

Источник: Costin Nicolae. Scrieri: În 2 vol. Vol. 1: Letopiseţul Ţării Moldovei de la zidirea lumii şi pînă la 1601. Letopiseţul Ţării Moldovei (1709–1711) / Ed. îngrij de S. Korolevschi; prez. graf. de I. Cârmu. Chişinău: Hyperion, 1990. 97–99.

УДК 93/94
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/3

ПОТЕРИ РУССКОЙ АРМИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ В РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ (1828–1829 гг.): ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А.А. Черкасов[1, 2, 3], С.Н. Братановский[4], А. Валлоу[5]

[1] Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
Россия, 354000, г. Сочи, ул. Горького 89, оф. 23

[2] Восточноевропейское историческое общество
Россия, 354000, г. Сочи, ул. Горького 89, оф. 23

[3] Американская ассоциация историков
США, 20003, г. Вашингтон ДС, ул. СЕ, 400а
E-mail: sochi003@rambler.ru

[4] Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Россия, 113054, Москва, Стремянный пер., 36
E-mail: bratfoot@mail.ru

[5] Университет г. Женева
Швейцария, 1211, г. Женева 4, ул. Генерала Дефура, 24
E-mail: Annick.Valleau@unige.ch

Авторское резюме

В статье рассматриваются потери русской армии на территории Закавказья в период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Уделено внимание театру военных действий, а также противоэпидемиологической ситуации в регионе. Важными материалами при подготовке статьи стали архивные документы Центрального государственного исторического архива Грузии и статистические данные о потерях из других источников. Были использованы мемуары участников конфликта, а также научные труды по теме исследования, опубликованные в новейшее время. Авторы отмечают, что Кавказский отдельный корпус генерала Паскевича, имевший в своем составе 16 883 военнослужащих, в период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. потерял

4 361 чел., что составляло 25,8 % от общего количества военнослужащих. Конфликт продлился 506 дней. Среднесуточные потери на Кавказском ТВД составили 1,8 чел. убитыми, 6,6 чел. ранеными и 0,1 чел. пропавшими без вести. Общие потери – 8,5 чел. в сутки. Эпидемия чумы 1828–1829 гг. благодаря принятым противоэпидемиологическим мероприятиям не оказала существенного влияния на проведение войсковых операций.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1828–1829 гг., потери, убитые, раненые, русская армия.

THE LOSSES OF THE RUSSIAN ARMY IN TRANSCAUCASIA DURING THE RUSSO-TURKISH WAR (1828–1829): THE HISTORICAL-STATISTICAL STUDY

A.A. Cherkasov[1, 2, 3], S.N. Bratanovskii[4], A. Valleau[5]

[1] International Network Center for Fundamental and Applied Research
89 Gorkii Street, 23 of., Sochi, 354000, Russia

[2] East European Historical Society
89 Gorkii Street, 23 of., Sochi, 354000, Russia

[3] American Historical Association
400 A Street SE, Washington DC, 20003, USA
E-mail: sochi003@rambler.ru

[4] Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanny Lane, Moscow, 113054, Russia
E-mail: bratfoot@mail.ru

[5] University of Geneva
24 rue du Général-Dufour, Genève 4, 1211, Switzerland
E-mail: Annick.Valleau@unige.ch

Abstract

The paper discusses the losses of the Russian army in Transcaucasia during the Russo-Turkish war of 1828–1829, paying attention to the theatre of military operations as well as the epidemiological situation in the region. The authors study the battles during the Russo-Turkish war of 1828–1829, defining major clashes and average daily losses. The paper is based on the archival documents of the Central State Historical Archives

of Georgia (Tbilisi, Georgia), statistical data on losses from other sources, memoirs of the conflict participants and data of recent academic publications. The authors employ traditional methods of analysis, synthesis, concretisation, generalisation and other methods, of which the statistical method is of great importance, as it is used to calculate the ratio of the killed to the wounded, and average daily losses of Russian troops. The authors conclude that during the Russo-Turkish war of 1828–1829, the Caucasian separate corps of General Paskevich, with 16 883 soldiers, lost 4 361 persons that accounts for 25,8 % of the total number of military personnel. The conflict lasted for 506 days. The average daily losses on the Caucasian military theatre were as follows: 1,8 killed; 6,6 wounded and 0,1 missing. The total loss was 8,5 people per day. Due to the anti-epidemic measures, the plague of 1828–1829 had no significant impact on the military operations.

Keywords: Russo-Turkish war 1828–1829, losses, killed, wounded, Russian army.

Введение

Русско-турецкая война 1828–1829 гг., как известно, проходила на нескольких театрах военных действий (ТВД), а именно на Балканах, в Азии и в Закавказье. В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть только Закавказский ТВД.

Персидская война 1827 г. дала Российской империи Армянскую область, которая была образована 21 марта 1828 г. из присоединенных ханств Эриванского и Нахичеванского. Население области – армяне, персияне и татары – было в большинстве оседлым. К кочующим племенам, сравнительно малочисленным, принадлежали курды[1], иезиды[2] и цыгане. Образ жизни оседлого населения мало чем отличался от жизни туземцев других местностей Закавказья. Так, не было резких отличий между пищевым довольствием бедняков и зажиточных людей. Вследствие жаркого климата преимущественно употреблялась растительная пища, главным образом (помимо, разумеется, хлеба) свежие и сушеные плоды, а затем молочные продукты.

Санитарное благополучие населения представляло большое различие в зависимости от топографических и климатических условий. С этой стороны Армянская область не составляла исключения из общей схемы климатологии Закавказья. Жители гористой и вообще высокой части области обладали более крепким здоровьем и болели несравненно реже, чем население обширной низменной долины Аракса, называемой также Араратской долиной, где эндемическими болезнями были лихорадка, тиф, дизентерия и чахотка. Особенно свирепствовала там малярия летом и осенью. Летне-осенние, или

тропические, лихорадки всегда давали много больных и носили крайне тяжелый характер. Сильное распространение малярии стояло в прямой зависимости от способа орошения культурных полей с плотной и сухой почвой, производившегося с помощью многочисленных оросительных канав, проведенных по разным направлениям. Обусловливая богатые урожаи и превращая голую степь в зеленеющие оазисы, поливная вода, вместе с тем, заболачивала низины и делала из них малярийные очаги.

Эпидемии также захватывали обширные районы бывших ханств Эриванского и Нахичеванского. Чаще всего из-за слабого распространения оспопрививания появлялось это заболевание, хотя на востоке данная процедура была известна с давних времен.

Высокая заболеваемость, по крайней мере, в долине Аракса, вызывала большой спрос на врачебную помощь. И действительно, народная медицина там процветала, хотя, как и везде, была на низком уровне. Странствующие гекимы[3] разъезжали по деревням, лечили и торговали вывезенными из Персии лекарствами. Некоторые из них пользовались репутацией искусных хирургов. В больших многолюдных селениях активно вели врачебное дело цирюльники. Кровопускание у них было универсальным средством против всех болезней. Они же вправляли вывихи, выдергивали зубы и лечили раны (Ermachkov et al. 2017: 837).

Таким был Кавказ до прихода туда русских, таким же он оставался в первое время и после. Немедленная борьба с укоренившимися традициями населения, с беспрерывной работой оросительных канав, с разнообразными санитарными проблемами не входила в план действий русской администрации и могла начаться лишь впоследствии, по водворении в Армянской области русской гражданственности. Прежде всего нужно было акклиматизироваться самим, и нельзя сказать, что акклиматизация обошлась Российской империи дешево. Особенно тяжелы были для русских пришлых людей два первых года – 1828-й и 1829-й. Болели едва ли не поголовно. Осенью 1828 г. в областном правлении оставался здоровым и работал только один канцелярский чиновник, в полиции же и в городовом суде все делопроизводители были больны. Зима принесла некоторое облегчение, и заболевшие стали было поправляться, но лето 1829 г. для многих оказалось роковым – одни погибли, другие окончательно подорвали свое здоровье. Тяжело болели даже чиновники из местных жителей.

В таких условиях размещение войск на постоянные квартиры в Армянской области требовало большой осмотрительности, и первое время число оставленных там войск было незначительным: один

пехотный батальон, Донской казачий полк и рота артиллерии. Но из них только артиллерию по необходимости поместили в Эриванской крепости, пехотный же батальон был расположен в урочище Заках, в 14 км к северо-востоку от города на горной возвышенности при реке Кырхбулари, где климат считался здоровым. В самых плохих условиях оказался казачий полк, который рассредоточили небольшими командами по пограничной линии и по станциям почтового тракта на Тифлис.

Материалы и методы

В качестве материалов привлечены архивные документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси). Также были использованы научные статьи по теме исследования, опубликованные в новейшее время. Не обойдены вниманием и мемуарные произведения участников конфликта (Memories of Russian 2015; Гоков 2012).

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Важное значение в статье имеет статистический метод, благодаря которому были вычислены соотношения убитых к раненым, а также среднесуточные потери русских войск в период войны.

Обсуждение

Тема Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в историографии исследуется либо как самостоятельная, либо в сравнительном контексте с другими военными конфликтами. Рассмотрим эти публикации.

Боевым действиям в период Русско-турецкой войны на Балканском ТВД, а также в Черном море уделили внимание исследователи А. Битис, Х. Касумов и А. Смык (Bitis 2002; Bitis 2005; Касумов 2011; Смык 2012). Вопросами подготовки вооруженных сил к войне, а также дипломатическими переговорами по преодолению конфликта занимались такие исследователи, как А. Желтобородов, А. Рябиков и О. Жидкова (Желтобородов 2012; Рябиков 2015; Жидкова 2006). Малоизвестные страницы конфликта, а именно участие греческих моряков и турецкой кавалерии в боевых действиях на стороне России анализировали Ю. Пряхин и В. Познахирев (Пряхин 2011; Познахирев 2013).

Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. в сравнении с другими конфликтами рассматривали С. Каминский и С. Новосельский, которые обратили внимание на потери вооруженных сил России в период с

1756 по 1918 г. (Каминский, Новосельский 1947). Этой же теме был посвящен сборник сведений о потерях Кавказских войск в период с 1801 по 1885 г. (Сборник сведений о потерях 1901). Болгарским миграционным процессам в период с 1768 по 1830-е гг. уделил внимание А. Робарц (Robarts 2012).

Результаты

Потери от боевых действий. За Русско-персидской войной 1827 г. последовала Русско-турецкая война 1828–1829 гг. Она велась Отдельным Кавказским корпусом под командованием генерала Паскевича при несравненно лучших санитарных условиях, и ситуация с заболеваемостью в его корпусе не имела ничего общего с той, что сложилась годом раньше под Эриванью. Необходимо пояснить, что в июле 1827 г. под Эриванью в 20-й пехотной дивизии в строю было всего 4 тыс. чел., все остальные находились в лазаретах из-за лихорадки (Широкорад 2007: 55). Между тем войскам угрожала большая опасность заболеть чумой, которая появилась в июне 1828 г. после взятия Карса. Но она продержалась всего 16 дней и нисколько не помешала ходу военных операций. Нужно полагать, что причины такого благоприятного санитарного состояния корпуса в ту войну были следующими: во-первых, санитарная часть в войсках действовала должным образом и все подготовительные меры были приняты своевременно, а во-вторых, театром военных действий была наиболее высокая часть армянского плоскогорья, характеризующаяся здоровым климатом. Весьма существенно улучшило военно-санитарное дело снабжение действующих войск подвижным госпиталем, во главе которого как и. д. главного врача стоял дивизионный доктор 21-й пехотной дивизии Ильяшенко, бывший отрядным врачом во время Русско-персидской войны.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. представляет значительный интерес в том отношении, что дает возможность по сохранившимся материалам более точно определить медицинский характер этой «травматической эпидемии» и, следовательно, войн данного периода. Она продолжалась более года, в ней насчитывалось около 20 более или менее крупных сражений. Анализ данных позволяет рассмотреть соотношение процента убыли убитыми и ранеными и отношение числа убитых к числу раненых как в течение всей войны, так и в отдельных боях наступательного или оборонительного характера. Вычисленные данные сгруппированы в табл. 1, в ней наряду со сведениями о потерях русской армии помещены данные о потерях турок.

Таблица 1

Потери убитыми и ранеными в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. на Закавказском ТВД

Время	В каком сражении	Потери, по данным медицинского ведомства, чел.	Общая убыль, %	Отношение убитых к раненым, чел.	Потери, по данным Гизетти[4], чел.	Отношение убитых к раненым, чел.
1928						
С 21 июня по 15 июля 1828 г.	Осада турками креп. Поти	У русских убиты 7 и ранены 14, всего убыл 21	–	1 : 2	Убиты 7, ранены 14	1 : 2
23 июня	Штурм креп. Карса	У русских убиты 34 и ранены 230, всего убыло 264. У турок из 11 тыс. убиты и ранены 2 тыс.	– 18,0	1 : 6,7 –	Убиты 47 и ранены 279[5]	1 : 5,9
24 июля	Штурм креп. Ахалкалаки	У русских убит 1 и ранены 13, а всего убыло 14. У турок из 1 тыс. убиты и ранены 600	– 60,0	1 : 13 –	Убит 1 и ранены 13	1 : 13
9 августа	Сражение под Ахалцихом с турецким вспомогательным корпусом	У русских из 6 546 убиты 80 и ранен 401, всего убыл 481. У турок из 30 тыс. убиты и ранены до 2 500	7,3 8,3	1 : 5 –	Убиты 85, ранены 403	1 : 4,7
16 августа[6]	13-часовой штурм креп. Ахалциха	У русских убиты 128 и ранен 471, всего убыло 599. У турок из 14 тыс. убиты и ранены до 5 тыс.	– 35,7	1 : 3,7 –	129 убиты и 471 ранен	1 : 3,6

Продолжение таблицы 1

Время	В каком сражении	Потери, по данным медицинского ведомства, чел.	Общая убыль, %	Отношение убитых к раненым, чел.	Потери, по данным Гизетти[4], чел.	Отношение убитых к раненым, чел.
17 августа	Битва под Ардаганом с турецкой кавалерией	У русских из 2 тыс. убиты 20, ранены 23 и пропали без вести 12, всего убыло 55. У турок из 4 тыс. убиты и ранены 17 офицеров и много простых всадников	2,75 –	1 : 1,15	Убиты 20, ранены 23, пропали без вести 12	1 : 1,15
27 и 28 августа	Взятие Баязета	У русских из 3 тыс. убиты 2 и ранены 10, всего убыло 12. У турок убиты до 80	0,4 –	1 : 5 –	2 убиты и 10 ранены	1 : 5
Другие потери[7]		–	–	–	78 убиты, 183 ранены	1 : 2,3
Итого за год		Убиты 272, ранены 1 162, пропали без вести 12.		1 : 4,3	Убиты 369, ранены 1 395, пропали без вести 12	1 : 3,8
1829						
С 20 февраля по 4 марта	Осада турками креп. Ахалцих	У русских из 2 тыс. убиты 24, ранены 54 и контужены 16, всего убыло 94. У турок из 20 тыс. убиты и ранены 4 тыс.	4,7 20,0	1 : 3 –	24 убиты и 70 ранены	1 : 2,9

5 марта	Битва под Лимани близ укр. Св. Николая (на Черноморском побережье)	У русских из 2 600 убиты 40 и ранены 170, всего убыло 210. У турок из 8 тыс. убиты и ранены до 1 тыс.	8,0 12,5	1 : 4,2 –	41 убит, 170 ранено	1 : 4,1
1 и 2 июня	Сражение при Дигуре с корпусом Эрзерумского сераскира	У русских из 8 500 убиты 9 и ранены 95, всего убыло 104. У турок из 15 тыс. убиты и ранены до 1 200	1,2 8,0	1 : 10,5 –	9 убиты, 95 ранены	1 : 10,5
13 и 14 июня	Переход через Саганлугский хребет	У русских убиты и пропали без вести 17[8] и ранены 20, всего убыло 37	–	1 : 3,3	11 убиты, 38 ранены, 11 пропали без вести[9]	1 : 3,4
19 июня	Сражение у Бардуса с отрядом Осман-паши	У русских из 1 500 убиты 4, ранены 11 и контужены 6, всего убыл 21. У турок из 1 600 убиты и ранены до 300	1,4 19,0	1 : 4,2 –		
19 и 20 июня	Разгром турецкой армии на Саганлуге – корпуса Эрзерумского сераскира при сел. Каинлы и корпуса Гачки-паши при урочище Миллидюз	У русских из 25 тыс. (общая цифра участвовавших в обоих делах) убиты, ранены и контужены 100[10]. У турок из 50 тыс. (в обоих корпусах) убиты не менее 2 тыс.	0,4 Убитыми 4,0	1 : 4,8 –	17 убиты, 83 ранены	1 : 4,8

Окончание таблицы 1

Время	В каком сражении	Потери, по данным медицинского ведомства, чел.	Общая убыль, %	Отношение убитых к раненым, чел.	Потери, по данным Гизетти[4], чел.	Отношение убитых к раненым, чел.
20 и 21 июня	Нападение ванского паши на занятый русскими Баязет. Бой продолжался 32 часа	У русских из 3 500 убиты 77, ранены 303, контужены 24, пропали без вести 10, всего убыло 414. У турок из 14 200 убиты и ранены до 2 тыс.	11,8 14,0	1 : 4,2 –	77 убиты, 332 ранены, 12 пропали без вести	1 : 4,3
19 июля	12-часовое неудачное сражение в сел. Харт (верстах в 15 от Байбурта)	У русских из 1 500 убит 61 и ранены 235, а всего убыло 296. Турки потеряли до 1 тыс.	19,7 –	1 : 3,8 –	62 убиты, 234 ранены	1 : 3,8
27 и 28 июля	Сражение у того же сел. Харт	У русских из 13 тыс. убиты 6 и ранены 64, всего убыло 70. У турок из 12 тыс. убиты более 300	0,54 Убитыми 2,5	1 : 10,7 –	6 убиты и 64 ранены	1 : 10,7
6 августа	Битва при уроч. Муха-эстатэ близ Кинтриши	У русских из 6 500 убиты 19 и ранены 90, всего убыло 109. У турок из 8 тыс. убиты и ранены более 500	1,5 6,2	1 : 4,7 –	Убиты 19, ранены 90	1 : 4,7

17 сентября	Неудачная атака укр. Цихис-дзири отрядом ген.-м. Гессе	У русских из 5 600 убиты 207, ранен 421, контужены 8 и пропали без вести 25, всего убыл 661	11,8	1 : 2	207 убиты, 435 ранены, пропали без вести 25	1 : 2,1
27 сентября	Поражение турецкого корпуса в Байбурте	У русских убиты, ранены и контужены до 111[11]. У турок из 12 тыс. убиты около 800	– Убитыми 6,6	1 : 3,6 –	Убиты 24, ранены 87	1 : 3,6
Другие потери[12]		–	–	–	Убиты 66, 276 ранены, пропали без вести 2	1 : 4,2
Итого за год		Убиты 475, ранены 1 597, пропали без вести 46		1 : 3,4	Убито 563, ранено 1972, пропало без вести 50	1 : 3,5
Итого за кампанию		Убиты 747, ранены 2 759, пропали без вести 58 человек. Общие потери – 3 564		1 : 3,6	Убиты 932, ранены 3367, пропали без вести 62. Общие потери – 4 361	1 : 3,6

Источники: ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 99–100 об.; Сборник сведений о потерях 1901: 147–152.

Представленная в табл. 1 разница в потерях, по данным медицинского ведомства и сведениям «Сборника потерь», происходит из-за неполноты учета первым целого ряда столкновений, которые представлены в таблице как «другие потери». При оценке же представленных потерь мы можем наблюдать незначительную погрешность. Это означает, что цифры близки к действительным потерям. Что касается соотношения числа убитых к раненым, то здесь мы обнаруживаем идентичность – 1 : 3,6.

Итак, корпус генерала Паскевича, куда входило 16 883 военнослужащих (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 100 об.), понес за ту войну общие потери в 4 361 чел., т. е. 25,8 % наличного состава корпуса. Конфликт длился 506 дней (с 14 апреля 1828 г. по 2 сентября 1829 г.). Среднесуточные потери на Кавказском ТВД составили 1,8 чел. убитыми, 6,6 ранеными и 0,1 чел. пропавшими без вести. Общие потери – 8,5 чел. в сутки.

Потери в боях были различны. Самым неудачным было двенадцатичасовое сражение 19 июля 1829 г. в сел. Харт, когда выбыло из строя до 19,7 %. Затем следуют атака укр. Цихис-дзири отрядом ген.-м. Гессе 17 сентября 1829 г. и 32-часовой бой при обороне занятого русскими войсками Баязета от нападения ванского паши 20 и 21 июня того же года. В обеих битвах потеря составляла 11,8 %. Немало насчитывается сражений с крайне небольшой убылью личного состава, и в этом отношении останавливают на себе внимание взятие Баязета 27 и 28 августа 1828 г. и разгром турецкой 50-тысячной армии на Саганлуге 19 и 20 июня 1829 г. Понесенные потери в 0,4 % крайне малы для таких крупных дел.

Об ожесточенности боев того времени дает возможность судить отношение убитых к раненым, и нужно сказать (приняв, конечно, во внимание состояние огнестрельного оружия), что большинство битв отличалось большим кровопролитием и упорством сражавшихся. В наиболее кровавом сражении под Ардаганом с турецкой кавалерией 17 августа 1828 г. число убитых и раненых было почти одинаково – 1 : 1,15, а при атаке укр. Цихис-дзири 17 сентября 1829 г. один убитый приходился на двух раненых. Самое благоприятное соотношение (1 : 13) было при штурме крепости Ахалкалак 24 июля 1828 г., но тогда все потери русской армии были незначительны и не превысили 14 чел.

В ином положении оказалась побежденная сторона – турки. Упорно сопротивляясь, они несли большие потери, которые при обороне крепости Ахалкалак 24 июля 1828 г. достигли 60,0 %, при защите крепости Ахалциха 16 августа того же года – 35,7 %, а при попытке отвоевать эту крепость у русских обратно, с 20 февраля по 4 марта

1829 г., – 20,0 %. На Саганлуге у сел. Каинлы и при уроч. Миллидюз 19 и 20 июня 1829 г. потери турецкой армии только убитыми достигали 4,0 %, следовательно, общие потери превысили 20,0 %; то же самое было и в Байбурте 27 сентября того же года, когда одних убитых насчитали 6,6 %. Менее 6,2 % общих потерь, как это было в сражении 6 августа 1829 г. при уроч. Муха-эстатэ близ Кинтриши, турки вообще не имели, и если даже допустить некоторое их преувеличение, то все же нельзя не признать резкого различия между потерями победителей и побежденных. Отношение убитых к раненым у турок достоверно неизвестно, но, судя, например, по тому, что в Алхацихе 16 августа 1828 г. лазы из 1 800 потеряли убитыми 1 300, отряд янычар в 100 чел. погиб в полном составе, а из 400 артиллеристов было убито 350 (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 101–101 об.), можно полагать, что отношение это в среднем было далеко не так благоприятно, как для русских войск. Столь большие потери турки могли понести и из-за низкой боевой готовности своих войск. Так, например, в Крымскую кампанию это неоднократно отмечали союзники Турции (Осиповский 2016: 7–8).

Значительного поступления раненых в ту войну не было, так что затруднения с оказанием медицинской помощи, как нам представляется, едва ли могли иметь место. Это возможно допустить (и то предположительно) только в двух случаях: под Ахалцихом в августе 1828 г. и у Цихис-дзири 17 сентября 1829 г. В двух сражениях под Ахалцихом, последовавших одно за другим – 9 и 16 августа, было 872 раненых, а из-под Цихис-дзири отряд ген.-м. Гессе вынес 429 раненых. Исход последнего по своей неожиданности действительно мог создать некоторые проблемы для санитарной службы. Из остальных боев по числу раненых выделяются сражение в сел. Харт 19 июля 1829 г. (235 раненых), штурм Карса 23 июня 1828 г. (230 раненых), битва под Лимани близ укр. св. Николая на Черноморском побережье 5 марта 1829 г. (170 раненых) и защита Баязета 20 и 21 июня 1829 г., когда в течение 32-часового боя выбыло из строя 327 раненых. Во всех других случаях число раненых было менее 100 (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 101 об.).

Потери от эпидемий. Русским войскам в то же самое время грозил более опасный враг, чем турки, – чума, которая вспыхивала в разных местах пограничных турецких пашалыков, когда русские войска еще не вступили в пределы Османской империи. 23 июня 1828 г. был взят штурмом Карс, и спустя три дня в корпусе Паскевича появилась чума. Бесспорно, ее занесли в лагерь вместе с награбленными в Карсе вещами, но тогда она обнаружилась лишь в единичных случаях, массовое же заболевание являлось делом близкого будущего.

В такую критическую минуту командующему корпусом графу Паскевичу кто-то сообщил, что проживавшие в Константинополе греки редко заболевали чумой, поскольку проветривали личные вещи и использовали простую воду, чтобы уничтожить чумную заразу. Недолго думая, Паскевич решил испробовать способ константинопольских греков. Офицерское и солдатское имущество, безразлично – казенное или личное, несли к реке и погружали в воду на одни сутки, там же, где проточной воды не было, – клали в резервуары со стоячей водой на двое суток. Палатки, одежда, оружие, посуда, конская сбруя, обоз и т. д. – все лежало в воде установленное время и затем сушилось на открытом воздухе. Не мыли только хлеб, соль и сахар. Все без исключения, несмотря на погоду, ежедневно купались или обмывались водой, то же делали с лошадьми, рогатым скотом и т. д. Ничто не пропускалось в лагерь без предварительного обмывания водой. Убойный скот и птицы обязательно прогонялись через реку.

Вместе с этим универсальным обмыванием всего и вся простой водой или с небольшим количеством поваренной соли в лагере были приняты следующие меры: 1) палатки расставлены просторно, и отдельные войсковые подразделения – роты, батальоны и полки – удалены друг от друга на большое расстояние; 2) все, начиная от командующего и до нижнего чина, ежедневно два раза осматривались лекарями; 3) солдатам раздали кожаные или холщовые, смазанные маслом или жиром перчатки и строго приказали ни к чему не прикасаться голыми руками; 4) были совершенно исключены из употребления за обедом, даже у командующего, скатерти и салфетки (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 102–102 об.).

За лагерем устроили из госпитальных палаток чумное и подозрительное отделения. Туда немедленно отправляли любого больного или подозрительного, а палатку, в которой оказался такой, удаляли со всеми вещами и оставшимися в ней людьми также за черту лагеря и подвергали изоляции на две недели, если больной оказывался действительно чумным, и на одну неделю, если подозрение не оправдывалось. Само собой разумеется, что такая палатка и все ее содержимое снова подвергались процедуре вымачивания в воде и обмывания, только работа в таком случае выполнялась самими жильцами палатки.

Обращалось внимание также на моральное состояние войск корпуса. Для поддержания в людях бравого духа по всему лагерю звучали музыка и песни, а грузины целые ночи проводили в пении и плясках. Места лагерных стоянок часто менялись и всегда, если было возможно, вверх по течению реки. На оставленном месте все ненужное – шалаши, старые вещи и т. п. – сжигалось.

В результате принятых мер чума в лагере под Карсом через 16 дней после ее появления совершенно прекратилась. За это время ею заболело не более 60 чел., и многие из заболевших выжили (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 103).

По официальным донесениям Паскевича, избранный им способ борьбы с чумой, в котором главную роль играла вода, особенно проточная, оказывался эффективным, если только он применялся с самого начала болезни и проводился педантично. Чума прекращалась в лагерях не ранее чем через две недели, а в городах – через два месяца и не приносила большой смертности. Но там, где допускались хотя бы малейшие отступления от указанных правил или ослаблялся строгий надзор, борьба становилась крайне затруднительной, и эпидемия разгоралась с новой силой.

Однако в Карсе среди жителей и занимавших Карскую крепость русских воинов чума держалась довольно долго, до ноября. Особенно сильной эпидемия была в августе, когда ежедневно умирало до 70 местных жителей. В войсках заболели за три месяца 146 чел., и умерло из них около половины, тогда как жителей умерло 2 600 и только 46 выздоровели. Разница в смертности была значительной: в войсках – около 50 %, среди жителей Карса – 98 % (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 103–103 об.). В ноябре и декабре в Карсе чумы уже не было, но в конце 1828 г. там был зафиксирован случай: заболел 27 декабря казак Федор Сухарев, только что возвратившийся из Ардогана, куда он ездил в составе конвоя, сопровождавшего дивизионного доктора Шуллера. Очевидно, случай был завозной. Казак этот умер в карском госпитале через три дня.

От Карса чума начала распространяться по двум направлениям – на восток к сел. Гумры и на север к Ардагану. В Гумры ее занесли пленные турки, а в Ардагане она появилась вскоре после взятия этой крепости русскими войсками. Таким образом, чума стала угрожать Грузии с двух сторон. Нужно было защищаться, и прежде всего, конечно, обратили внимание на карантины. Со стороны Карса по старой коммуникационной линии были установлены карантины в Гумрах, Цалке и Гергерах, когда же по взятии Ахалциха главная коммуникация с Грузией направилась по Боржомскому ущелью, предписано было открыть сурамский карантин. Готовых помещений для карантина не оказалось, пришлось строить новые здания. К несчастью, нельзя было найти мастеровых для постройки, и начали работу при помощи солдат. Дело подвигалось очень медленно. К концу октября в сурамском карантине почти ничего еще не было готово, в то время как на его долю как раз выпала самая большая работа. Из Ардагана в Грузию возвращался Херсонский гренадерский полк

вместе с пионерными ротами. Им в Сураме надлежало выдержать 14-дневный карантин. Поэтому там сразу скопилось около 2,3 тыс. солдат и обозных аробщиков и более 10 тыс. голов скота (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 103 об.). В таких условиях качественный карантин не мог быть выполнен.

И действительно, выдержавшие установленный карантин войска, проходя из Сурама в Гори, начали распространять чуму. Деревни Саголошени, Земохвити и Брети пострадали первыми. Войска двигались довольно медленно и несли эпидемию к Тифлису. Их опередил штаб-лекарь Лисицын. Он также провел установленный срок в сурамском карантине и поехал в Тифлис через Гори. Переночевав в сел. Дзегви, что в 26 верстах от Тифлиса, Лисицын 29 октября 1828 г. в полночь приехал в город тяжелобольным. Первую медицинскую помощь ему оказал сам корпусный штаб-доктор Зубов и тотчас же отправил его в госпиталь, где тот на другой день умер от чумы. Случай этот переполошил Тифлис. Прежде всего разыскали аробщика, который привез Лисицына из сел. Дзегви, а затем всех лиц, общавшихся с больным. Их оказался 71 чел., в том числе и корпусный штаб-доктор Зубов. Арбу и все вещи Лисицына сожгли, упряжной скот самым тщательным образом вымыли, людей же подвергли строгому карантину. Тифлисский госпиталь был оцеплен воинским кордоном, и на 14 дней с ним было прекращено сообщение. Палаты флигеля, где умер Лисицын, окурили по правилам карантинного устава, проветрили и затем ежедневно обмывали водой в течение двух недель, после чего их вновь побелили и выкрасили. Чуму удалось локализовать, и случаев заражения ни в Навтлуге, где располагался госпиталь, ни в самом городе впоследствии не было.

В Гумрах карантин имел место еще до начала Русско-турецкой войны, когда же в нем появилась необходимость, то оказалось, что существует он лишь на бумаге. Не нашлось даже сколько-нибудь пригодных помещений – хотя бы временных. Чума без всякой задержки миновала Гумры и начала распространяться по двум большим дорогам – в сторону Грузии через Джаджурский и Безобдальский перевалы к Гергерам и в сторону Персии мимо Алагёза на Аштарак и Эривань. Гергерский карантин можно было легко обойти, и пробравшиеся в обход его армяне принесли чуму в селения, расположенные по реке Каменке. Жители моментально разбежались оттуда по горным ущельям, бросив на произвол судьбы зачумленные семьи. Единичные случаи болезни вскоре стали обнаруживаться в войсках. 13 декабря 1828 г. в Джелал-Оглинском военно-временном госпитале умер от чумы рядовой Тифлисского пехотного полка Ефим Козлов, а неделей позже в гергерском карантине – урядник Донского казачьего Молча-

нова 1-го полка Начальницкий, прибывший из Эривани с арестантом. Однако эпидемия в этом направлении дальше не пошла и ограничилась несколькими селениями Борчалинской района.

По Армянской области чума распространялась сначала довольно медленно и осенью 1828 г. проникла только в сел. Аштарак. К декабрю она достигла Кульп, а в феврале 1829 г. появилась в Эривани. В Аштараке заболели чумой 13 чел., и из них выздоровели 5. Эпидемия держалась там три недели. В Кульпах в декабре заболели чумой 44 жителя, умерли из них 28. По просьбе кульпинских зажиточных армян[13] из Эчлиадзина к ним отправилась торжественная процессия с иконой св. Копия. Навстречу святыне вышли и здоровые, и больные, так что в Кульпе собралось практически все окрестное население. После этого эпидемия резко усилилась и разнеслась по всей области. Это обстоятельство побудило Паскевича обратиться к армянскому патриарху Ефрему с протестом против церковных церемоний, собирающих громадные толпы народа и способствующих распространению болезни во время эпидемий.

В Эривани чумная эпидемия значительно распространилась. Гражданская администрация прежде всего поспешила изолировать себя от населения. У дверей областного правления поставили заграждение, дальше которого никого не пускали. У заграждения стоял служитель в кожаной одежде с длинными железными щипцами. Ими он брал от просителей бумаги, окуривал их и затем уже подавал в правление. Служивших там татарских мирз и переводчиков, которые жили за городом, где особенно свирепствовала чума, поместили в отдельной комнате, изолированной от помещений, где работали русские чиновники, а написанные ими бумаги поступали в правление после окуривания.

В течение всего 1829 г. чума опустошала Армянскую область. Многие семьи погибли, в других уцелели только маленькие дети, которые начали скитаться по селам. Таких детей было настолько много, что потребовались административные меры для облегчения их участи. Граф Паскевич предписал Армянскому областному правлению возложить заботу о них на старшин тех сел и деревень, к которым принадлежали их отцы. Летом 1830 г., когда чумы уже не было в остальном Закавказье, в Армянской области она все еще держалась, хотя и в слабой степени. Так, например, в сел. Аймалу к 23 июня было 27 чумных (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 105–105 об.).

В Ахалцихе чума появилась летом 1829 г. и сразу широко распространилась, поражая не только местных жителей, но и русский гарнизон. Чтобы избежать скученности из-за тесноты Ахалцихской крепости, войска были выведены на открытую местность и расположены на бивуаке. В городе к тому времени оставалось около 300 семей, но

это были самые бедные жители, питавшиеся кореньями, травой и тем, что бросали им с крепостных стен солдаты. Боясь изоляции, которая для них была равносильна голодной смерти, они тщательно скрывали своих чумных и хоронили их тайком. Тем не менее население это заметно сокращалось с каждым днем, и для прекращения чумы среди них пришлось прибегнуть к следующим мерам. 24 июля команда солдат нарубила лес, свезла его на противоположенный (правый) берег реки Посхов-чай, за 3 км от старого города, и построила там две группы шалашей. На другой день привезли туда же всех жителей из зачумленных кварталов города, и врач распределил их по шалашам; одна группа составила чумное отделение, а другая – сомнительное. Оставшиеся в городе жители три дня пекли хлеб про запас, а 27 июля они также были выведены в особое третье отделение – наблюдательное. Устроенным таким образом эвакуационным лагерем заведовали два комиссара из казачьих офицеров: один – наблюдательным, а другой – чумным и сомнительным отделениями. К населению лагеря применили те же меры, что в лагере под Карсом в 1828 г. В городе же все зачумленные дома сожгли, остальные несколько раз помыли, проветрили и побелили известью. В чумном отделении лагеря находился 51 чел., из которых 21 поступил из наблюдательного отделения (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 106).

Вскоре чума появилась в Ацхури и распространилась почти по всему Ахалцихскому пашалыку. Эпидемия была сильная, с большим процентом смертности.

Вступившие в Баязетский пашлык русские войска также не избежали чумы. Раньше всего она появилась в Козловском пехотном полку, потерявшем в две недели, с 15 по 29 декабря 1828 г., 12 чел. Пострадал и полковой лазарет. В Баязете эпидемия стала свирепствовать в 1829 г., особенно после осады города ванским пашой в июне. Жестоко пострадал от нее тогда русский гарнизон.

Таблица 2

Потери русской армии от эпидемии чумы

Место	Время	Заболело	Умерло
Лагерь под Карсом	Лето 1828 г.	60	~15
Карский гарнизон	Лето 1828 г.	146	73
Тифлис	Октябрь 1828 г.	1	1
Карский гарнизон	Декабрь 1828 г.	1	1
Сел. Гергеры	Декабрь 1828 г.	2	2
Итого	Лето–зима 1828 г.	210	92

Табл. 2 демонстрирует высокую эффективность противоэпидемиологических мероприятий, предпринятых русским командованием

на Закавказском ТВД. Для сравнения можем привести следующие цифры потерь от чумы на Балканском ТВД: с мая 1828 г. по июль 1830 г. в русских войсках умерли от чумы 23 098 чел., а были убиты и умерли от ран около 20 тыс. (Каминский, Новосельский 1947: 21).

Заключение

Кавказский отдельный корпус генерала Паскевича, в составе которого было 16 883 военнослужащих, в период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. потерял 4 361 чел., что составляло 25,8 % от общего количества военнослужащих.

Конфликт длился 506 дней. Среднесуточные потери на Кавказском ТВД составили 1,8 чел. убитыми, 6,6 чел. ранеными и 0,1 чел. пропавшими без вести. Общие потери – 8,5 чел. в сутки.

Эпидемия чумы 1828–1829 гг., благодаря принятым противоэпидемическим мероприятиям, не оказала существенного влияния на проведение войсковых операций. Профессионализм и активные действия, начатые вовремя, два раза тушили чумные очаги – первый раз в лагере под Карсом, а второй – при занесении чумы в Тифлис. Они показали возможность успешной борьбы с эпидемией. Однако причины этой эффективности, как нам представляется, необходимо искать в накопленном опыте медицинской службой на Кавказе.

Примечания

1. Курды исповедуют магометанскую религию – шииты.

2. Иезиды происходят от халдеев и говорят на халдейско-сирийском языке, на котором написаны также их священные книги. В количестве 1 тыс. чел. они перешли из Баязетского пашалыка. *Пашалык* – область, управляемая пашой.

3. Геким – туземный лекарь.

4. В сборнике отражены только русские военные потери.

5. В сборнике представлены потери во всех столкновениях с 20 по 24 июня во время осады и штурма Карса.

6. У Гизетти 15 августа.

7. Другие потери, представленные в сборнике Гизетти за 1828 г.: 5 августа во время рекогносцировки – 14 убиты и 35 ранены, в остальные дни осады Ахалциха – 6 убиты и 12 ранены, 17 октября близ дер. Пантос – 3 убиты и 24 ранены, 19 октября у дер. Гракум – 44 убиты и 60 ранены, 29 октября у дер. Сулейман-Кумбат – 2 убиты и 19 ранены, в иных стычках – 9 убиты и 33 ранены.

8. Если согласиться с Гизетти, что пропали без вести 11 чел., тогда число убитых составит 6 чел.

9. У Гизетти это сражения от 14 и 17 июня.

10. В распределении потерь согласимся с Гизетти.

11. В распределении потерь согласимся с Гизетти.

12. Другие потери, представленные в сборнике Гизетти за 1828 г.: 1 мая при мысе Цуркабе – 9 убиты и 49 ранены, 19–20 сентября в Аджарии – 30 убиты и 129 ранены, в разных иных столкновениях – 27 убиты, 98 ранены и 2 пропали без вести.

13. В Кульпах имелись значительные соляные копи, снабжавшие солью все Закавказье.

ЛИТЕРАТУРА

Гоков 2012 - *Гоков О.А.* Отражение личностей офицеров в их мемуарах на примере воспоминаний о Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 189–212.

Желтобородов 2012 - *Желтобородов А.Н.* Подготовка вооруженных сил к Русско-турецкой войне 1828–1829 годов // Дриновський збірник. 2012. Т. 5. С. 322–329.

Жидкова 2006 - *Жидкова О.В.* Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и дипломатия России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2006. № 3. С. 74–78.

Каминский, Новосельский 1947 - *Каминский С., Новосельский С.Л.* Потери в прошлые войны (1756–1918). М., 1947.

Касумов 2011 - *Касумов Х.А.* Взятие Анапы: Черкесия в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 19. С. 29–33.

Осиповский 2016 - *Осиповский С.Н.* Вооруженные силы Османской империи в Крымской войне: оценки в прошлом и настоящем // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 6 (21). С. 7–11.

Познахирев 2013 - *Познахирев В.В.* Турецкая конница на русской службе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 2. С. 64–67.

Пряхин 2011 - *Пряхин Ю.Д.* Участие греков-моряков в боевых действиях Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., их боевые заслуги перед Россией // Клио. 2011. № 5. С. 111–115.

Рябиков 2015 - *Рябиков А.Н.* Кавказ в международной политике периода Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 4 (44). С. 14–18.

Сборник сведений о потерях 1901 - Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в

Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Сост. А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.

Смык 2012 - *Смык А.А.* Черноморский флот в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов // Дриновський збірник. 2012. Т. 5. С. 330–336.

ЦГИАГ - Центральный государственный исторический архив Грузии.

Широкорад 2007 - *Широкорад А.* Каспий – русское озеро. Великий волжский путь. Большая нефть и большая политика. М., 2007.

Bitis 2002 - *Bitis A.* The Russian army's use of Balkan irregulars during the 1828–1829 Russo-Turkish war // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 2002. Vol. 50, is. 4. P. 537–556.

Bitis 2005 – *Bitis A.* The 1828–1829 Russo-Turkish war and the resettlement of Balkan peoples into Novorossiia // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 2005. Vol. 53, is. 4. P. 506–525.

Ermachkov et al. 2017 - *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* The Traditional Medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801–1804 years) // Bylye Gody. 2017. Vol. 45, is. 3. P. 836–846.

Memories of Russian 2015 - Memories of Russian officers as a source on the history of Russian-Turkish war of 1828–1829 (On an example of A.I. Mikhailovsky-Danilevsky and F.F. Tornau) // Canadian-American Slavic Studies. 2015. № 49 (1). P. 1–82.

Robarts 2012 - *Robarts A.* Imperial confrontation or regional cooperation? Bulgarian migration and Ottoman-Russian relations in the Black Sea region, 1768–1830s // Turkish Historical Review. 2012. № 3 (2). P. 149–167.

REFERENCES

Gokov, O.A. (2012) Personalities of officers in their writings: The memoirs on the Russo-Turkish war of 1828–1829. *Dialog so vremenem – Dialogue With Time*. 38. pp. 189–212. (In Russian).

Zheltoborodov, A.N. (2012) Podgotovka vooruzhennykh sil k Russko-turetskoy voyne 1828–1829 godov [Training of the armed forces to the Russo-Turkish war of 1828–1829]. *Drinovs'kii zbirnik*. 5. pp. 322–329.

Zhidkova, O.V. (2006) Russko-turetskaya voyna 1828–1829 gg. i diplomatiya Rossii i Frantsii [The Russo-Turkish war of 1828–1829 and diplomacy of Russia and France]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii – Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Russian History*. 3. pp. 74–78.

Kaminskiy, S. & Novosel'skiy, S.L. (1947) *Poteri v proshlye voyny* (1756–1918) [The losses in past wars (1756-1918)]. Moscow: Gos. izd-vo meditsinskoy literatury.

Kasumov, Kh.A. (2011) Vzyatie Anapy: Cherkesiya v Russko-turetskoy voyne 1828–1829 gg. [The taking of Anapa: Circassia in the Russo-Turkish War of 1828–1829]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki*. 19. pp. 29–33.

Osipovskiy, S.N. (2016) The Armed Forces of the Ottoman Empire in the Crimean War: Evaluating in the Past and in the Present. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Atudies. International relations*. 6(21). pp. 7–11. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.6.1

Poznakhirev, V.V. (2013) Turetskaya konnitsa na russkoy sluzhbe [The Turkish cavalry on the Russian service]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2. pp. 64–67.

Pryakhin, Yu.D. (2011) Uchastie grekov-moryakov v boevykh deystviyakh Russko-turetskoy voyny 1828–1829 gg., ikh boevye zaslugi pered Rossiey [The participation of Greek sailors in the fighting of the Russo-Turkish war of 1828–1829, their combat merits in front of Russia]. *Klio*. 5. pp. 111–115.

Ryabikov, A.N. (2015) Kavkaz v mezhdunarodnoy politike perioda Russko-turetskoy voyny 1828–1829 gg. [The Caucasus in international politics during the Russo-Turkish war of 1828–1829]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. 4 (44). pp. 14–18.

Gizetti, A.L. (1901) *Sbornik svedeniy o poteryakh Kavkazskikh voysk vo vremya voyn Kavkazsko-gorskoy, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiyskom krae 1801–1885 gg.* [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the the Caucasian, Persian, Turkish and in the Transcaspian wars in 1801–1885]. Tiflis: [s.n.].

Smyk, A.A. (2012) Chernomorskiy flot v Russko-turetskoy voyne 1828–1829 godov [The Black sea fleet in the Russo-Turkish war of 1828–1829]. *Drinovs'kii zbirnik*. 5. pp. 330–336.

Shirokorad, A. (2007) *Kaspiy – russkoe ozero. Velikiy volzhskiy put'. Bol'shaya neft' i bol'shaya politika* [The Caspian is a Russian lake. The Great Volga route. Big oil and big policy]. Moscow: Khranitel', Neoclassic, AST, AST Moskva.

Bitis, A. (2002) The Russian army's use of Balkan irregulars during the 1828–1829 Russo-Turkish war. *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 50 (4). pp. 537–556.

Bitis, A. (2005) The 1828–1829 Russo-Turkish war and the resettlement of Balkan peoples into Novorossiia. *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 53 (4). pp. 506–525.

Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V. & Gut, J. (2017) The Traditional Medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801–1804 years). *Bylye Gody*. 45 (3). pp. 836–846.

Gokov, O.A. (2015) Memories of Russian officers as a source on the history of Russo-Turkish war of 1828–1829 (a case study of A.I. Mikhailovsky-Danilevsky and F.F. Tornau). *Canadian-American Slavic Studies*. 49(1). pp. 1–82. DOI: 10.1163/22102396-04901002

Robarts, A. (2012) Imperial confrontation or regional cooperation? Bulgarian migration and Ottoman-Russian relations in the Black Sea region, 1768–1830s. *Turkish Historical Review*. 3(2). pp. 149–167. DOI: 10.1163/18775462X00302004

Черкасов Александр Арвелодович – доктор исторических наук, директор Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований (Россия).

Cherkasov Aleksandr – International Network Center for Fundamental and Applied Research (Russia).

E-mail: sochi003@rambler.ru

Братановский Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Россия).

Bratanovskii Sergei – Plekhanov Russian University of Economics (Russia).

E-mail: bratfoot@mail.ru

Валлоу Анник – аспирант Университета г. Женева (Швейцария).

Valleau Annick – University of Geneva (Switzerland).

E-mail: Annick.Valleau@unige.ch

УДК 930:39(=16)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/4

АНАЛИЗ ИДЕИ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАБОТЕ В.М. ФЛОРИНСКОГО «ПЕРВОБЫТНЫЕ СЛАВЯНЕ ПО ПАМЯТНИКАМ ИХ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ»

И.А. Дунбинский[1], С.А. Меркулов[2]
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
[1] E-mail: dunbinskiy@mail.ru
[2] E-mail: sermeral@yandex.ru

Авторское резюме

В.М. Флоринский - один из первых отечественных ученых, кто начал изучать славянскую цивилизацию не только через призму общей духовной жизни славян, но и обосновывая славянскую идентичность через общее историческое прошлое, выраженное в археологических памятниках и лингвистических особенностях языка. По результатам своих сорокалетних исследований он опубликовал двухтомную монографию «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни», которая стала одной из фундаментальных работ отечественных ученых в области исследования славянской идентичности. Целью данной статьи является анализ вышеупомянутой монографии для того, чтобы выявить и изучить те структурные элементы славянской цивилизации, которые, по мнению Флоринского, отделяли славянский мир от западных и восточных цивилизаций на заре их существования. Для решения поставленной задачи авторы статьи проанализировали описанные В.М. Флоринским разнообразные славянские культуры, расположенные на обширной территории от Болгарии до Сибири. Затем были выявлены и изучены определенные маркеры славянского мира, которые ученый использовал, чтобы продемонстрировать единство славян. В завершении исследования выделенные маркеры были подвергнуты верификации на предмет правомерности их употребления. В качестве основы источниковой базы была использована монография ученого «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни», а также ряд со-

временных статей и монографий, посвященных изучению идентичности славянской цивилизации. В ходе проведенного исследования авторы пришли к выводу, что В.М. Флоринский основывает концепцию единого славянского мира на трех фундаментальных аспектах: общих языковых корнях, схожей материальной культуре, а также едином менталитете славянских народов.

Ключевые слова: идентичность славян, славянский мир, культурогенез славян, первобытные славяне, архетипы славян, археологические памятники, археологические артефакты.

THE IDEA OF SLAVIC IDENTITY IN *EARLY SLAVS IN THE MONUMENTS OF THEIR PREHISTORIC LIFE* BY V.M. FLORINSKY

I.A. Dunbinskiy[1], S.A. Merkulov[2]

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
[1] E-mail: dunbinskiy@mail.ru
[2] E-mail: sermeral@yandex.ru

Abstract

V.M. Florinsky is one of the first Russian scientists who began to study the Slavic civilisation not only through the prism of the Slavs' common spiritual life, but also by substantiating the Slavic identity through a common historical past expressed in archeological monuments and linguistic features of the language. Drawing on the results of his forty-year research, he published a two-volume *Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life*, which became one of the fundamental Russian works focused on the Slavic identity. This paper analyses the book to identify and study those structural elements of the Slavic civilisation, which, according to Florinsky, distinguished the Slavic world from Western and Eastern civilisations at the dawn of their existence. The authors have analysed the diverse Slavic cultures on a vast territory from Bulgaria to Siberia that were described by V.M. Florinsky and identified and studied certain markers of the Slavic world used by Florinsky to demonstrate its unity. The selected markers were verified for their validity. The main sources for this research were Florinsky's Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life as well as a number of modern studies devoted to the analysis of the Slavic civilisation identity. The authors have come to the conclusion that V.M. Florinsky based his concept of a united Slavic

world on three fundamental aspects: common linguistic roots, similar material culture and united mentality of the Slavic peoples.

Keywords: Slavs identity, Slavic world, Slavic culture genesis, early Slavs, Slavic archetypes, archaeological monuments, archaeological artifacts.

Постоянно увеличивающиеся темпы развития общества, новые политические и экономические вызовы, которые из года в год возникают перед славянскими народами на всей территории их проживания, требуют от современных исследователей новых подходов и точек зрения на факторы, объединяющие славян.

В настоящее время существует широкий круг иностранных исследователей, занимающихся проблемами идентичности западных и восточных цивилизаций, а также славянского мира (Nisan 1999; Plokshy 2006; Hall, Jackson 2007). Однако большинство из этих деятелей науки выступают с позиции внешних наблюдателей и зачастую переносят опыт западных цивилизаций на славянскую почву.

В это же время отечественные ученые сосредоточились на изучении идентичности славян в эпоху глобализации (Михаличенко 2009; Климов 2010; Петрушак 2014) и нередко пренебрегают исследованием тех фундаментальных элементов, которые позволяли отделить славянскую культуру от других цивилизаций.

В этой связи становится полезным и значимым опыт дореволюционных ученых, тех, кто первыми стали искать ключевые элементы, которые должны были объединять весь славянский мир в единую цивилизацию. В своих работах они не только рассматривали единство славянского мира через призму общей духовной жизни, как это делали ранее религиозные деятели, но и обосновывали славянскую идентичность через общее историческое прошлое, выраженное в археологических памятниках, опираясь на методы исторического, научного познания, а не духовного (Гильфердинг 1853).

Одним из первых таких исследователей был В.М. Флоринский. Будучи профессором Императорского Казанского университета (1877–1885) (НАРТ), затем членом Строительного комитета по возведению зданий Сибирского университета в городе Томске от Министерства народного просвещения (1880–1888) (НБ ТГУ: № 1), а после попечителем Западно-Сибирского учебного округа (1885–1898) (НБ ТГУ: № 390), он постоянно занимался археологическим изучением памятников на европейской и азиатской территории Российской империи.

Результатом его деятельности стало, во-первых, создание им Археологического музея (1882) (Флоринский 1898) при Императорском Томском университете, большая часть изначальных коллекций кото-

рого была собрана самим ученым. Во-вторых, он опубликовал цикл научных работ, посвященных славянским археологическим памятникам, которые были извлечены из различных курганных захоронений (Флоринский 1889; Флоринский 1890). В-третьих, В.М. Флоринский написал и издал двухтомную монографию «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни», второй том которой был завершен за два года до его смерти (Флоринский 1894; Флоринский 1896a; Флоринский 1896b).

В этих книгах ученый, систематизировав все накопленные им материалы и подведя итог своим сорокалетним изысканиям, отразил единство славянского мира, обосновав его как через изучение разнообразных археологических памятников славянских культур, так и посредством сравнительно-лингвистического исследования индоевропейской языковой семьи.

В этой связи можно утверждать, что анализ работы В.М. Флоринского дает возможность выделить ряд структурных элементов, которые характерны для всей славянской общности, независимо от мест расселения. Выделенные компоненты будут являться теми цивилизационными маркерами, которые были определены дореволюционными отечественными исследователями в качестве рамок, отделявших славян от представителей прочих культур на заре их существования. При этом В.М. Флоринский в своей работе не разделяет этноним *славяне* на русских, русинов, поляков и т.д., рассматривая их как единый народ с общим историческим прошлым, проживающий на огромной территории от Сибири и до Карпат (Флоринский 1894: 13).

В работе В.М. Флоринского в качестве первого элемента, являющегося системообразующим фактором славянской цивилизации, можно выделить язык. Поскольку ученый относил славян к арийской расе (подробнее об этом можно прочитать в статье «Славянский мир в работе В.М. Флоринского “Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни”» (Меркулов, Дунбинский 2016)), то их праязыком являлся санскрит. При этом исследователь подчеркивал, что славянский и литовский языки имеют наибольшее родство с санскритом по сравнению с языками более древних европейских народов, таких, как греки, латиняне, кельты.

Это утверждение доказывалось тем, что, во-первых, лингвистически эти языки «имеют наибольшее сходство с санскритом», особенно в «наименованиях злаков и терминах земледелия, [которые] у нас принадлежат к числу древнейших слов». Так, слово *орать* (пахать), лат. *arare*, произошло от санскритского глагола *ar* (поднимать); слово *молоть*, лат. *molare*, восходит к индийскому слову *malana* и указывает на древнейшее его происхождение. Более того, например,

сохранившееся только в славянском языке слово *амбар* заимствовано от индийского слова *амбара-м*, которое означает покров, хранилище (Флоринский 1894: 23–24). Во-вторых, эта идея находила свое подтверждение в последовательности исторических событий, поскольку славяне «вышли на историческую сцену» позже остальных европейских народов, и, следовательно, они были дольше остальных западных цивилизаций в близости к своей исторической прародине (Флоринский 1894: 12–13).

Таким образом, общие языковые корни формировали для славян единое семантическое поле, в рамках которого они говорили схожим образом, используя одинаковые значения слов, употребляя их в общем, едином для них контексте.

Следующим элементом, отделяющим славянскую цивилизацию от других, в работе В.М. Флоринского нужно назвать единство материальной культуры среди народов, объединенных славянским миром. Условно ее можно разделить на две части: общий архитектурный стиль построек и схожие вещественные артефакты. Рассмотрим их по отдельности.

Так, несмотря на то, что величина славянских городищ была разнообразной, Флоринский выделил два типа земляных укреплений: городки и настоящие города. К первым он отнес небольшие полукруглые или неправильной формы цитадели в несколько десятков сажень в диаметре, ко вторым – цитадели размером около версты в ширину и длину. Он также отмечал, что обширные городища чаще встречаются в древней Камской Болгарии, где существовали «цветущие города», в то время как в Пермском крае и Сибири такие обширные городища встречались редко, но было весьма много «городков» того же типа, небольших по размерам[1] (Флоринский 1894: 179).

Кроме того, ученый выделял общие, характерные для большинства славян аспекты при строительстве городов.

Во-первых, он отмечал, что большинство городищ строилось вдоль торговых речных путей. При этом «почти все городища примыкали открытой стороной непосредственно к судоходной реке, вероятно, с расчетом на отступление, в случае крайности, водным путем» (Флоринский 1894: 48, 70).

Во-вторых, он неоднократно обращал внимание на то, что искусственные укрепления городищ всегда состояли из земляных валов и рвов. Очертание их почти никогда не бывало прямолинейным, а обыкновенно представляло собой дугообразную линию. Характеризуя их форму, В.М. Флоринский писал: «Для болгарских городищ в этом отношении придумано довольно удачное выражение "формы кокошника" <…> эта форма встречается весьма часто как в болгар-

ских, так и в сибирских городищах, имеющих небольшие размеры» (Флоринский 1894: 179).

В-третьих, сравнив древнерусский, болгарский и семиреченский (сибирский) кирпичи, Флоринский пришел к выводу, что среди них преобладают квадратные по форме, но их размер представляет некоторое разнообразие не только в разные эпохи, но даже в одно и то же время. Отсюда он сделал заключение, что это разнообразие обусловлено «не столько национальной привычкой, сколько практическими потребностями и частных целей постройки» (Флоринский 1894: 126).

В-четвертых, В.М. Флоринский обращал внимание своих читателей на то, что рядом с городами и городищами часто размещались одиночные или групповые курганные могилы (Флоринский 1894: 179). Наличие курганных групп, отмечал он, было характерно как для Сибири, так и для Северного Кавказа и Новороссии. В этих курганных группах были одинаковые или во многом сходные способы погребения, а также в них хоронили почти тождественные друг другу предметы (Флоринский 1894: VIII–IX, XI).

Еще большую схожесть между различными славянскими народами, по мнению ученого, можно проследить, изучив вещественные источники, найденные в различных курганах на территории от Болгарии до Сибири. Так, он указывал на то, что в большинстве курганов присутствуют бронзовые серпы, «схожие по форме с древними греческими и римскими», бронзовые долота, стамески, бронзовые или медные топоры, близкие по форме к нынешнему европейскому и русскому типам.

Значительное количество гончарных изделий и черепков битой посуды своеобразной формы с нарисованным по сырой глине орнаментом имеет сходство с курганными находками по всей России.

Во многих славянских курганах неоднократно находили боевые бронзовые топоры, секиры, копья, дротики и бронзовые стрелы, которые, по мнению В.М. Флоринского, «вполне напоминают древний общеевропейский стиль». Автор монографии о первобытных славянах подчеркивал, что в Сибири находили аналогичные перечисленным изделия. При этом они не были привозными, а создавались на месте, из местных руд, отливаясь в приготовленных формах (Флоринский 1894: X).

Кроме того, в курганах повторяются не только орудия труда, но и украшения. Так, отмечал Флоринский, шейная грива в форме обруча (византийский маниак), серьги, браслеты, кольца, ожерелья и дорогие пояса встречаются чрезвычайно часто. «Их мы находим в Семиречье, Западной Сибири, Пермском, Вятском, Оренбургском, Донском и Черноморском краях, одним словом, во всей России, где только встречаются курганные могилы» (Флоринский 1894: 99).

Таким образом, материальная культура стала основой для славян при передаче своих представлений об их мире через поколения, помогая им воспроизводить и преумножать свои знания об устройстве окружающего их мира.

В качестве завершающего элемента, определяющего положение славянской цивилизации в мире, нужно выделить славянский менталитет, который обусловливал отношение славян к окружающей действительности. «Славяне усвоили известное народное миросозерцание, положив [его в] основу народного характера, более мягкого и гуманного, нежели у других западных народов. <…> [Славян отличала] покорность Богу, власти и судьбе, смирение при силе и успехе, терпеливость в несчастье, сострадание к слабым и угнетенным, твердые семейные и общественные начала. Вера в светлую будущность народной жизни, развивающейся последовательно и постепенно из самой себя, а не из рабского подражания другим» (Флоринский 1894: 26).

Эти выводы ученый сделал, ссылаясь на работу русского славяноведа А.Ф. Гильфердинга, который, проанализировав такие древнеарийские слова, как *тесть* и *тёща*, *свекор* и *свекровь*, *зять* и *сноха*, *деверь* и *золовка*, пришел к заключению, что общество «первобытного арийского народа» строилось на родовой связи и признавало приоритетной задачей взаимную помощь. Более того, в жизни древних арийцев господствующее положение занимало единобрачие с развитыми внутрисемейными ролями (Флоринский 1894: 27). Исходя из этого, славяне как наиболее близкий к древним арийцам народ, по мнению В.М. Флоринского, полнее переняли у последних вышеописанную структуру общества с обозначенными ценностями (Флоринский 1894: 26).

В результате общая ментальность позволила славянам выстроить отношения с миром в единой парадигме и позиционировать себя и свою идентичность независимо от других цивилизаций.

Таким образом, если проанализировать монографию В.М. Флоринского, можно выделить три системообразующих фактора славянской цивилизации, являющихся фундаментальными аспектами славянской общности, присутствующими в каждой археологической культуре славян. Это общие языковые корни, схожая материальная культура, а также единый менталитет славянских народов.

Флоринский был одним из первых отечественных ученых, кто на основе найденного и изученного на тот момент археологического материала начал исследовать историю древних славян, стремясь показать единство славянского мира.

Однако он относится к числу тех, чьи имена длительное время были преданы забвению или преподносились в негативном свете.

Так,до революции этим отличались идеологи сибирских областников и представители местной региональной элиты, которые, желая подчеркнуть свой вклад в организацию высшего образования в Сибири, критиковали практически все результаты деятельности Флоринского (Мерцалов 1917: 52–53). В советский период историки характеризовали его как «воинствующего монархиста», «властного, честолюбивого до мелочности человека», хотя в то же время признавали его успешную деятельность по организации университета (Томский университет 1980: 14).

В результате этого на долгое время забвению подверглось не только имя В.М. Флоринского, но и его научные работы, в том числе двухтомная монография «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни», которая по праву считается его фундаментальным трудом.

Несмотря на это, ряд современных исследователей, в сфере научных интересов которых лежит идентичность славянских народов, спустя почти столетие пришли к выводам, фактически идентичным высказанным Флоринским. Так, например, М.А. Антипов, рассматривая этническую идентичность древних славян (Антипов 2014: 45–46), указывает на основополагающее значение духовного мира и ментальности в их самоопределении. В.Л. Петрушак в статье «Цивилизационная идентичность восточных славян как феномен евразийского геополитического пространства» существенное внимание уделяет значению общей культуры быта как фактору, объединяющему славян в единую цивилизацию (Петрушак 2014: 98–100). Исходя из этого, можно утверждать, что во многом революционные для своего времени идеи В.М. Флоринского о глубоком, внутреннем историческом единстве славян актуальны до сих пор. «В науке имя Василия Марковича – почетное имя. Оно таково сейчас. Но ни малейше не колеблюсь в своей уверенности сказать, что признательность со стороны русской науки к памяти Василия Марковича возрастет еще более. Она возрастет со временем – тогда, когда его научные труды будут приняты к более пристальному рассмотрению, будут подвергнуты более глубокой оценке», – писала о Флоринском в некрологе газета «Сибирский вестник» (Беликов 1899).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Современные исследователи относят камских болгар к тюркской языковой группе, однако В.М. Флоринский выдвигал гипотезу об их славянском происхождении. Он утверждал, что многочисленные предметы тюркской культуры, найденные в болгарских городищах, относятся к культуре «приемников» изначальных болгар-славян,

которые заняли «их место после выселения болгарского народа». В подтверждение своих слов ученый указывал на кочевой образ жизни татар, а также на то, что «те не многие города их (татар. – *Авт.*), о которых упоминается в летописи, не оставили после себя никаких монументальных зданий» (Флоринский 1894: 289–299).

ЛИТЕРАТУРА

Антипов 2014 - *Антипов М.А.* К вопросу об этнической идентичности древних славян // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 59. С. 44–47.

Беликов 1899 - *Беликов Д.* Речь, сказанная в храме Императорского Томского университета перед панихидою о почившем попечителе Западно-Сибирского учебного округа Василии Марковиче Флоринском, 7 января 1899 г. // Сибирский вестник. 1899. 10 января.

Гильфердинг 1853 - *Гильфердинг А.Ф.* О сродстве языка славянского с санскритским. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1853. 288, IV с.

Климов 2010 - *Климов А.Г.* Славянская идентичность: социальные и социокультурные аспекты // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 181–186.

Меркулов, Дунбинский 2016 - *Меркулов С.А., Дунбинский И.А.* Славянский мир в работе В.М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» // Русин. 2016. № 4 (46). С. 44–55. DOI: 10.17223/18572685/46/4

Мерцалов 1917 - *Мерцалов В.И.* Мимоходом: моя губернская эпопея // Русская старина. 1917. Июль–сентябрь.

Михаличенко 2009 - *Михаличенко Д.Г.* Идентичность славян в условиях глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3. С. 193–195.

НБ ТГУ - Научная библиотека Томского государственного университета (НБ ТГУ). Отдел рукописей и книжных памятников. Журнал Строительного комитета.

НАРТ - Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. медицинского факультета. Д. 1371. О замещении кафедры гинекологии и акушерства проф. Флоринским.

Петрушак 2014 - *Петрушак В.Л.* Цивилизационная идентичность восточных славян как феномен евразийского геополитического пространства // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2014. № 3. С. 96–101.

Томский университет 1980 - Томский университет. 1880–1980 / Под ред. М.Е. Плотниковой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980.

Флоринский 1889 - *Флоринский В.М.* Общая заметка об археологическом значении Семиречья // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1889. Кн. I. С. 50–57.

Флоринский 1890 - *Флоринский В.М.* Двадцать три человеческих черепа Томского археологического музея // Труды Томского общества естествоиспытателей. Томск, 1890. Год 1. С. 46–76.

Флоринский 1894 - *Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. 1: Общая вступительная часть. Томск: Тип. П.И. Макушина, 1894. 390 с.

Флоринский 1896a - *Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. 2, вып. 1: Историко-географический очерк сибирских и туркестанских равнин. О каменных и костяных орудиях и о так называемом каменном веке. Томск: Тип. П.И. Макушина, 1896. 272 с.

Флоринский 1896b - *Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. 2, вып. 2: Предметы религиозного значения. Металлургия древних народов. Боевое оружие и доспехи. Томск: Тип. П.И. Макушина, 1898. 571 с.

Флоринский 1898 - *Флоринский В.М.* Археологический музей Томского университета. Томск, 1898. 276 с.

Hall, Jackson 2007 - *Hall M., Jackson P.T.* Civilizational identity: the production and reproduction of «civilizations» in international relations. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.

Nisan 1999 - *Nisan M.* Identity and Civilization: Essays on Judaism, Christianity and Islam. Lanham, MD: University Press of America, 1999.

Plokshy 2006 - *Plokshy S.* The Origins of the Slavic Nations Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge: University Press, 2006.

REFERENCES

Antipov, M.A. (2014) K voprosu ob etnicheskoy identichnosti drevnikh slavyan [On the ethnic identity of the ancient Slavs]. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera*. 59. pp. 44–47.

Belikov, D. (1899) Rech', skazannaya v khrame Imperatorskogo Tomskogo universiteta pered panikhidoyu o pochivshem popechitele Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga Vasilii Markoviche Florinskom, 7 yanvarya 1899 g. [Speech said in the temple of the Imperial Tomsk University before the requiem about the deceased trustee of the West Siberian educational district Vasily Markovich Florinsky, January 7, 1899]. *Sibirskiy vestnik*. 10th January.

Gilferding, A.F. (1853) *O srodstve yazyka slavyanskogo s sanskritskim* [On the affinity of the Slavic language with the Sanskrit language]. St. Petersburg: The Imperial Academy of Sciences.

Klimov, A.G. (2010) Slavyanskaya identichnost': sotsial'nye i sotsiokul'turnye aspekty [Slavic Identity: Social and sociocultural aspects]. *Sotsiologicheskiy al'manakh*. 1. pp. 181–186.

Merkulov, S.A. & Dunbinskiy, I.A. (2016) The Slavic World in V.M. Florinsky's "Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life". *Rusin*. 4(46). pp. 44–55. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/4

Mertsalov, V.I. (1917) Mimokhodom: moya gubernskaya epopeya [In passing: My provincial epopee]. *Russkaya starina*. July-September.

Mikhalichenko, D.G. (2009) Identichnost' slavyan v usloviyakh globalizatsii [Identity of the Slavs under globalisation]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Regionovedenie – Bulletin of the Adygeya State University. Regional Studies*. 3. pp. 193–195.

Tomsk State University. (n.d.) *Zhurnal Stroitel'nogo komiteta* [Journal of the Construction Committee]. Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Book Monuments.

National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). *O zameshchenii kafedry ginekologii i akusherstva prof. Florinskim* [About appointment of Prof. Florinsky to the Department of Gynecology and Obstetrics]. Fund 977. List of Medical Faculty. File 1371.

Petrushak, V.L. (2014) Tsivilizatsionnaya identichnost' vostochnykh slavyan kak fenomen evraziyskogo geopoliticheskogo prostranstva [The civilisational identity of the Eastern Slavs as a phenomenon of the Eurasian geopolitical space]. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhaunaga universiteta imya Yanki Kupaly. Ser. 1. Gistoryya i arkhealogiya. Filasofiya. Palitalogiya – Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*. 3. pp. 96–101.

Plotnikova, M.E. (ed.) (1980) *Tomskiy universitet. 1880–1980* [Tomsk State University. 1880–1980]. Tomsk: Tomsk State University.

Florinskiy, V.M. (1889) Obshchaya zametka ob arkheologicheskom znachenii Semirech'ya [General note on the archaeological significance of Semirechie]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 1. pp. 50–57.

Florinskiy, V.M. (1890) Dvadtsat' tri chelovecheskikh cherepa Tomskogo arkheologicheskogo muzeya [Twenty-three human skulls of the Tomsk Archaeological Museum]. *Trudy Tomskogo obshchestva estestvoispytateley*. 1. pp. 46–76.

Florinskiy, V.M. (1894) *Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ikh doistoricheskoy zhizni. Opyt slavyanskoy arkheologii* [Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life. Experience of Slavonic archeology]. Part 1. Tomsk: P.I. Makushin.

Florinskiy, V.M. (1896) *Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ikh doistoricheskoy zhizni* [Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life]. Part 2(1). Tomsk: P.I. Makushin.

Florinskiy, V.M. (1898a) *Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ikh doistoricheskoy zhizni* [Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life]. Part 2(2). Tomsk: P.I. Makushin.

Florinskiy, V.M. (1898b) *Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: Mikhaylov i Makushin.

Hall, M. & Jackson, P.T. (2007) *Civilisational identity: the production and reproduction of "civilisations" in international relations*. New York: Palgrave Macmillan.

Nisan, M. (1999) *Identity and Civilisation: Essays on Judaism, Christianity and Islam*. Lanham, MD: University Press of America.

Plokshy, S. (2006) *The origins of the Slavic nations: Premodern identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. Cambridge: University Press.

Дунбинский Илья Александрович – аспирант второго года обучения исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Dunbinskiy Ilya – Tomsk State University (Russia).

E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Меркулов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Merkulov Sergey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sermeral@yandex.ru

УДК 94(47)“1922/39”
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/5

СЛАВЯНСКИЙ МИР И КЛАССОВЫЕ БАТАЛИИ: СЦЕНАРИИ ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В СОВЕТСКОЙ ВОЕННО-УТОПИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 1920–1930-х гг.*

К.Д. Бугров

Уральский федеральный университет
Россия, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Авторское резюме

В статье анализируются образы Восточной Европы в описаниях грядущей войны, публиковавшихся в советской военно-утопической (художественной и публицистической) литературе 1920–1930-х гг. Показано, что Восточная Европа воспринималась советскими авторами как источник угрозы для СССР, в первую очередь Польша и Румыния. Вместе с тем их воспринимали как марионеток империалистических держав Запада. Сценарии грядущей войны в Восточной Европе были связаны с агрессией против СССР с территории Польши либо Румынии и последующей революцией на Западе. Исходом войны советские публицисты видели образование новых пролетарских государств в Восточной Европе, а не расширение границ СССР, несмотря на то, что белорусский и украинский вопросы в Польше и бессарабский вопрос в Румынии были магистральными темами для публицистической и художественной литературы о восточноевропейских странах.

Ключевые слова: революция, большевизм, Коминтерн, мировая война, Румыния, Польша, Бессарабия.

---

* Результаты были получены в рамках гранта РНФ (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

SLAVIC WORLD AND CLASS BATTLES: SCENARIOS OF FUTURE WAR IN EASTERN EUROPE IN SOVIET MILITARY AND UTOPIAN THOUGHT OF THE 1920s–1930s*

K.D. Bugrov
Ural Federal University
51 Lenin Avenue, Ekaterinburg, 620000, Russia
Institute of History and Archaeology of Ural Branch of RAS
16 Sofia Kovalevskaya Street, Ekaterinburg, 620990, Russia
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Abstract

The article analyses the images of Eastern Europe in descriptions of the future war in Soviet military-utopian literature (both fiction and publicist) of the 1920s and 1930s. The author shows that Eastern Europe was seen by Soviet writers as a threat for the USSR, with Poland and Romania as chief enemies. However, most of the Soviet writers refused to recognise Eastern European countries as independent actors, as they were considred economically undeveloped. Such perception was strengthened by the Comintern polemics of the early 1930s about the possibility of revolution in Eastern Europe. Thus, Eastern European countries were depicted as puppets of well-developed, economically powerful Western nations: England and France in the 1920s and Hitler's Germany after 1933. It is important to note that almost all scenarios of war implied aggression against the USSR from the territory of Poland or Romania usually followed by the revolution in Western Europe. A scenario of Slavonic consolidation under the aegis of Russia, traditional for pre-revolutionary Russian literature, was not employed at all. Neither was the concept of restoration of the former Imperial borders. The Soviet writers envisaged the formation of new socialist states as the result of the future war rather than expanding of the USSR borders, even though there were certain conditions for the expansion scenario. This scenario could stem from the issues of Belorussians and Ukrainians in Poland as well as those of Bessarabia in Romania, since they were mainstream in the Soviet literature of the 1920s – 1930s. It can be concluded that the expansion of Soviet borders in 1939–1940 was an ideological improvisation, since the appropriate scenario was almost not discussed in Soviet ideological literature.

* The results were obtained under Grant of the Russian Science Foundation (Project Nr. 16-18-10106 "Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Implementation Mechanisms, Results of Constructing").

Keywords: revolution, Bolshevism, Communist International, world war, Romania, Poland, Bessarabia.

Тема славянского единства для российской утопической литературы и политической публицистики XIX – начала XX в. была одной из магистральных (Бугров Д. 2009: 153–156; Геллер, Нике 2003). Революционная катастрофа октября 1917 г. означала – кроме прочего – и смену парадигмы в данном отношении. Мечта о всеславянском единстве, игравшая столь важную роль в политической и военно-утопической литературе дореволюционной России, уступила место чаяниям мировой революции (Кулешова 2002; Гуларян 2013).

Однако хотелось бы задаться вопросом: какую роль в интеллектуальных построениях советских авторов, рассуждавших о грядущем мироустройстве, занимал славянский мир, мир Восточной Европы, бывший до 1917 г. столь важной частью геополитического (если можно употребить такое слово) мышления отечественной интеллигенции? Проявляла ли себя культурная и политическая связь между Россией и другими славянскими странами?

Ситуация после 1917 г. для отечественных авторов, желавших попробовать себя в военно-утопическом жанре прогноза, оказалась необычной. Литературный канон описания «грядущей войны» складывался в условиях, когда Россия была империей, активно участвовавшей в глобальной политике блоков и передела сфер влияния вместе с ограниченным количеством таких же массивных, многонациональных держав. Теперь же Советской России предстояло иметь дело с миром эпохи национального самоопределения: исчезла Австрийская империя, долгое время считавшаяся антагонистом славянского мира; но одновременно возникли и лимитрофы, бывшие части Российской империи, настроенные по отношению к СССР достаточно враждебно. А с другой стороны, советская публицистика о войне следовала, как представляется, общему тренду: решительному противопоставлению старой «имперской» политики новому курсу на открытую и честную дипломатию, ориентированную на неизбежную мировую революцию.

Эпицентром советской постреволюционной военно-утопической мысли оставалась именно мировая революция. Сюжет о великом последнем выступлении всех угнетенных мира, обладавший своей утопической логикой, имел для Советской России вполне прагматическую окраску: «первое в мире государство рабочих и крестьян», будучи в тисках изоляции, считало грядущую революцию избавлением от угрозы интервенции (Бугров К. 2017: 269–282). Теоретическая мысль большевистских вождей и лидеров Коминтерна выделяла два важнейших очага, способных подтолкнуть мировую революцию:

Германию (где революция едва не произошла в 1923 г.) и восточные страны, Китай и Индию.

И уже в 1922 г. свои силы попробовал в военно-утопическом жанре один из влиятельнейших идеологов большевизма – Е.А. Преображенский, совсем недавно (в 1919 г.) издавший вместе с Н.И. Бухариным «Азбуку коммунизма». Описание грядущего военного столкновения между социалистической Россией и капиталистическим миром Преображенский дал в работе 1922 г. «От нэпа к социализму», представлявшей собой курс лекций, будто бы прочитанных в будущем 1970 г. «профессором русской истории и в то же время слесарем железнодорожных мастерских Минаевым» – в социалистическом грядущем противоположность между физическим и умственным трудом, конечно же, была изжита. Заключительная часть этого курса, озаглавленная «Крах капитализма в Европе», содержала детальный военно-политический прогноз.

По мнению Преображенского, Европа в недалеком будущем окажется охваченной революционной волной. Застрельщиками европейской революции выступят Германия, Австрия и… Болгария! Пытаясь остановить революционную волну, Франция и Польша с двух сторон атакуют Германию, одновременно на советскую Болгарию нападает Румыния. Объединенным силам капиталистов из-за океана оказывают поддержку США, а на помощь силам революции приходит Советская Россия. Несмотря на усилия капиталистов, революция оказывается победоносной: восстания рабочих и крестьян в Польше и Франции (особенно удачные, подчеркивает Преображенский, в «Белоруссии, Волыни и Западной Галиции») ослабили военную мощь этих государств, а Красная армия наносит могучий удар: «Конница Буденного прокатилась лавиной по степям Румынии и, разбив оккупационную румынскую армию на севере Болгарии, установила связь Советской Болгарии с Советской Россией в то время, как правое крыло юго-восточной армии через Восточную Галицию проникло в Венгрию и помогло победить восставшему венгерскому пролетариату, провозгласившему вторую венгерскую Советскую Республику» (Преображенский 1922: 163). Удачи операций Красной армии в воображаемой войне Преображенского неслучайны, они определяются тем социальным ландшафтом, на котором развертываются боевые действия, – успех сопутствует СССР на территориях Западной Белоруссии, Украины, Бессарабии, испытывающих национальный гнет.

Одержанные Красной армией победы имеют решающее значение: вспыхивает пролетарская революция в Италии, разваливается на части под давлением внутренних противоречий враждебная революционерам Югославия… Цитаделью сопротивления в Восточной

Европе остается Польша, уже сведенная к своим «этнографическим» границам, но подпитываемая изнутри «взрывом шовинизма». Наконец, и в Польше власть берет пролетариат, силы СССР и Красной Германии объединяются. Франция вынуждена заключить с советскими республиками Европы мир. По Рейну прошла новая граница между Западной (капиталистической) и Восточной (социалистической) Европой (Преображенский 1922: 165).

Как видим, у Преображенского славянские страны Восточной Европы играют важную роль в военно-утопическом сценарии. Болгария выступает застрельщицей революционного процесса, а Польша, напротив, главным его противником. Если роль Польши как главного врага революционных сил легко объяснима травматическим для большевиков опытом советско-польской войны, то в отношении Болгарии Преображенский оказался провидцем: уже осенью 1923 г. страну и впрямь потрясло мощное восстание.

Прогноз Преображенского был вполне серьезной попыткой изложить – правда, в игровой форме – социально-политический прогноз на будущее. Проблема будущей войны занимала большевистских лидеров. Так, один из виднейших большевистских лидеров, экс-руководитель Коминтерна Г.Е. Зиновьев в 1928 г. изложил свои взгляды на мировую политику на страницах трактата «Учение Маркса и Ленина о войне». Здесь он уделил изрядное внимание и положению в Восточной Европе, говоря преимущественно о Польше. Зиновьев обрисовывал и грядущий маршрут польской агрессии против СССР – толчком к такой войне должна была стать, по его мнению, попытка захвата Украины. Оценивая Польшу как безусловного противника СССР, Зиновьев подчеркивал, что еще большей угрозой для Союза будет сближение между Польшей и Германией: «Над этой задачей "работают" серьезнейшие силы враждебного нам мира» (Зиновьев 1931: 318). Перечисляя на последних страницах своего трактата важнейшие очаги напряженности в мире, Зиновьев включил в них и целый ряд тлеющих конфликтов в Восточной Европе. Тем не менее внимание Зиновьева в наибольшей степени привлекали великие державы: США, Великобритания, Япония, Франция и, конечно же, Германия.

Аналогичные идеи получат развитие в военно-авантюрных сочинениях советских авторов 1920-х гг., где картина конфликта служит фоном для развертывания приключенческой фабулы. Ярким примером подобного сплава военно-политической прогностики и авантюрно-детективной интриги стала книга под интригующим заглавием «Трест Д.Е. История гибели Европы» (1923) авторства И.Э. Эренбурга. Здесь поработительницей континента выступает фашистская Франция,

движимая, правда, интригами американского капитала. Страны Восточной Европы выступают трамплином для удара по стране Советов (Эренбург 1923: 94). Французское правительство развернуло в Польше и Румынии «центрифуги "Дивуар Эксельсиор"», и с помощью этого дальнобойного «чудо-оружия» стерло с лица земли западные города СССР. Впрочем, Польша с Румынией погибли следующими: когда на их территорию прорвались двинувшиеся в контратаку советские войска, французы опустошили Восточную Европу искусственной эпидемией «скоротечной проказы» (Эренбург 1923: 106–107).

Другая панорамная картина мировой войны была нарисована Вяч.Вс. Ивановым и В.Б. Шкловским в авантюрном романе «Иприт» (1925). В этом произведении мировая революция вспыхивает в Индии и Китае, затем перекидывается в Европу; застрельщиком европейской революции выступает… Польша! Советское радио сообщает об этом в следующих выражениях: «Варшава наполнена повстанцами. Бои на улицах Варшавы. Пилсудский разорван толпой. Совет министров погиб в своем дворце. Товарищи, в Польше коммунистическое восстание! Товарищи, власть в Варшаве взята пролетариатом!» (Иванов, Шкловский 2005: 129). Английские империалисты наносят ответные удары по Советскому Союзу и Индии, сбрасывая с аэропланов бомбы с ядовитым газом; сюжет о польской революции в «Иприте» так и остался единственной строчкой о Восточной Европе посреди созданной Ивановым и Шкловским фантасмагории войны, приключений и революций. Строчкой, впрочем, показательной: как видим, восточноевропейская тема становилась расхожим местом для сценариев грядущей войны – не только в геополитическом планировании, но и в массовой литературе. Интересно, что сюжет с польской революцией в «Иприте» является единственным известным нам сюжетом такого рода в советской военно-утопической литературе – редчайшее описание польской революции.

Повесть-буффонада Б.А. Лавренева «Крушение республики Итль» (1925) редко рассматривается как сочинение о грядущей войне. А между тем посвящено оно именно ей. Лавренев описывает вымышленную республику, возникшую после крушения империи Ассор. Республика Итль – аграрная, нищая страна, но она располагает богатыми нефтяными месторождениями, на которых трудится жестоко угнетаемый пролетариат; столица же республики, приморский город Порто-Бланко, населена богемой, «интеллектуальными люмпенами». Итль хочет прибрать к рукам могущественная морская держава Наутилия: дрожащие под угрозой вторжения «коммунаров» из Ассора трусливые правители Итля охотно склоняются перед иноземными солдатами. Однако рабочее восстание сметает разложившуюся

армию Итля, на помощь восставшим приходят крестьяне и горцы, а с севера уже спешат «железные дивизии» коммунаров (Лавренев 1928: 257–260).

Если в Ассоре легко узнать Россию-СССР (анаграмма!); если Наутилия – это, конечно, Великобритания, то у Итля нет единого прототипа: здесь смешаны черты приморских городов Одессы и Баку и типичной восточноевропейской страны. Ближе всего Итль, пожалуй, к Румынии; Ассор располагается к северу от республики, две страны разделены рекой. Об этом же говорят и имена жителей Итля: Антоний Баст, Богдан Адлер, Коста, Атанас, президент Аткин.

В повести видного писателя-коммуниста Б. Ясенского «Я жгу Париж» (1928) мировая битва между капитализмом и социализмом вспыхивает именно в Восточной Европе, и провоцируют ее экспансионистские замыслы польского правительства в отношении советской Украины: «На территории Польши, откуда ни возьмись, появился новый, наскоро сработанный гетман, задумавший поход на Украину с целью освободить ее из-под большевистского ига. В обильно раздаваемых интервью гетман возвещал возрождение самостийной Украины, соединенной с Польшей исторической унией. С молчаливого ведома польского правительства свежеиспеченный гетман вербовал на территории Польши освободительную украинскую армию. Польские газеты трубили сбор. Они громко напоминали об исторических, неустаревших границах и туманно намекали на возможную автономию Восточной Галиции» (Ясенский 1957: 44). Франция отправляет в Польшу оружие и боеприпасы. Однако военная авантюра обернулась против самих капиталистов: в Париже вновь разыгрываются события коммуны, всеобщая забастовка выливается в вооруженное восстание. Но – как и в «Иприте» Иванова и Шкловского – повествование Ясенского затем переходит к описанию классовых баталий в столице Франции. Конфликту же в Восточной Европе особого внимания Ясенский не уделяет.

Итак, в 1920-е гг. в советской политической прогностике Восточной Европе не отводилось крупной, самостоятельной роли. И если Преображенский, размышляя в 1922 г. о путях мировой революции, все же ставил Болгарию рядом с Германией и Австрией в качестве форпоста социализма, то уже спустя шесть лет, в 1928 г., Зиновьев оценивал восточноевропейскую политику преимущественно как клубок противоречий между второстепенными державами, подстрекаемыми к агрессии против СССР могущественными капиталистическими государствами Запада. Восточная Европа представала шахматной доской великих держав.

Впрочем, все эти авторы – будь то серьезные аналитики-марксисты или авторы авантюрно-детективных, едва ли не пародийных романов –

сходились в одном: в грядущей неизбежной войне противником СССР выступят именно восточноевропейские страны. О Польше постоянно заходила речь в контексте внешней угрозы границам СССР, и ей стабильно уделяли внимание. Нарком обороны К.Е. Ворошилов в 1927 г., говоря о подготовке капиталистических стран к конфликту с СССР, упоминал не только великие державы, но и Польшу с Румынией (Ворошилов 1927: 9). А в политическом отчете И.В. Сталина XVI съезду ВКП(б) в 1930 г. в таблицу развития тяжелой промышленности, характеризовавшую сравнительную экономическую мощь стран, были включены данные по СССР, США, Франции, Великобритании, Германии и… Польше (Сталин 1949b: 239).

Разрабатывая в 1928 г. на страницах труда «Будущая война» вопросы стратегии и тактики, советские военные специалисты под руководством М.В. Тухачевского приходили к сходным выводам. Война начнется на польской либо румынской границе, причем за агрессорами будут стоять англо-французские империалисты. В затяжной перспективе Союз борьбы не выдержит, если только на помощь не придет мировая революция (Самуэльсон 2001: 34–37). Вопрос о революции оказывался неотделим от вопроса о войне. А потому и страны Восточной Европы интересовали советских авторов мало: куда более важным представлялось внутреннее положение развитых капиталистических стран.

На рубеже 1920–1930-х гг. в оценках грядущей войны в советской публицистике происходит своеобразный перелом. Хотя саму мировую революцию советские теоретики – и лично Сталин! – продолжали считать реальной перспективой (коминтерновская теория «третьего периода»), все чаще и чаще речь заходила о том, что гарантом безопасности СССР является прежде всего военно-техническая мощь Советского Союза, а восстание пролетариата в капиталистических странах станет пусть и важным, но все же вспомогательным фактором. «Военная тревога» 1927 г. оказала большое влияние на советское руководство, укрепив большевистскую элиту в мысли о близости войны (Симонов 1996).

В 1929 г. В.А. Колесинский (заместитель начальника сектора обороны Госплана СССР) в книге, посвященной расстановке сил перед надвигающейся бурей, декларировал: «Нет надобности говорить подробно об отношениях СССР с западными соседями. Эти последние не играют самостоятельной роли в международной политике и целиком находятся под влиянием главных империалистических государств Европы – Англии и Франции. Вопрос о войне против СССР будет, разумеется, решаться не в Варшаве и Бухаресте, а в Париже и в Лондоне, политика которых имеет в этом вопросе первостепенное

значение. <…> Как авангард капиталистического мира, наши соседи будут, конечно, серьезно влиять на исход предстоящего боя, но вопрос о начале похода против СССР будет решаться не авангардом, а главными силами империализма» (Колесинский 1929: 144).

А на XI пленуме Исполнительного комитета Коминтерна (1931 г.) видный французский коммунист М. Кашен облек советский взгляд на Восточную Европу в чеканную форму: «Всеми антисоветскими политическими комбинациями руководит Польша, главный вассал французского империализма. Финляндия находится под ферулой Польши. Румыния связана с Польшей военным договором. Польша располагает широко развитой военной промышленностью, которая работает с усиленной нагрузкой. Но выполнять крупные военные поставки для Польши и Румынии – это задача другого вассала французского империализма – Чехословакии» (Стенографический отчет 1931: 15).

«Врагом номер один» продолжала считаться Польша: после переворота Ю. Пилсудского в 1926 г. советские публицисты однозначно рассматривали ее как фашистскую страну. Представитель польской компартии Ю. Братковский (Е. Чешейко-Сохацкий) на XI пленуме Исполнительного комитета Коминтерна декларировал: «Фашистская Польша является форпостом империализма в борьбе против СССР. Она исполняет роль антисоветского плацдарма и организатора контрреволюционного блока буржуазных государств от Балтийского до Черного моря» (Стенографический отчет 1931: 40). В 1932 г. на страницах книги с характерным названием «В борьбе с фашизмом (Крестьяне Польши)» публицист З. Лисовский констатировал: «Курс на соглашение с Германией стимулируется и тем, что польская буржуазия, испуганная нарастающим революционным движением рабоче-крестьянских масс, видит в германском фашизме желательного союзника в борьбе с революцией. Одновременно польский империализм ищет союзника против СССР в лице японского империализма» (Лисовский 1932: 4). Остальным славянским странам военно-политические прогнозы уделяли куда меньше внимания, хотя выходившие по линии политической пропаганды и клеймившие фашистов и социал-демократов издания упорно подчеркивали опасность, которую «Малая Антанта» несет Советскому Союзу. Чехословакия, например, характеризовалась публицистом Б. Ковачем как арсенал интервенции (Социал-фашизм 1932: 79).

Любопытно отметить: на VI съезде Коминтерна, провозгласившем в 1928 г. наступление «третьего периода капиталистической реконструкции» и быстрое приближение момента мировой революции, некоторые польские делегаты старались выделить Польшу из череды других восточноевропейских стран, объединенных как «страны сред-

ней ступени капиталистического развития» и нуждающихся вначале в буржуазной, а потом уже в социалистической революции. Однако польские коммунисты Ю. Ринг и Бранд (Г. Лауэр), а также германский коммунист Ф. Денгель настаивали на том, что подобная характеристика верна для Румынии либо Югославии, но никак не для Польши (Стенографический отчет 1929: 47, 61). В то же время болгарский коммунист В. Коларов заявил о том, что из восточноевропейских стран лишь Болгария готова напрямую перейти к социалистической революции, тогда как Польша и Румыния к этому пока что не готовы. С болгарскими заявлениями солидаризировались и греческие коммунисты (Стенографический отчет 1929: 155). Зато И.В. Сталин на пленуме ЦК ВКП (б) подверг эти предположения критике (Сталин 1949а: 154–155).

Для коминтерновских теоретиков тема Восточной Европы представляла громадный интерес: от характеристики социальных отношений в этом регионе зависели судьбы грядущей войны. Готовы восточноевропейские страны к революции или нет? Этот вопрос занимал теоретиков Коминтерна, и в 1931 г. под эгидой Коммунистической академии вышла толстая книга С.С. Тимова (член компартии Румынии, активный участник движения в Бессарабии и один из создателей Молдавской АССР в составе советской Украины), посвященная детальному анализу экономики восточноевропейских государств. Тимов пытался показать, что восточноевропейские страны являются «наиболее слабым звеном» империалистической цепи и что экономическая слабость вкупе с национальным вопросом делают их положение шатким (Тимов 1931: 242–243). Главной угрозой СССР признавалась тут Румыния, экономическое положение которой будет, по мнению Тимова, толкать ее к захвату криворожской руды и донского угля (Тимов 1931: 68).

Перелом в военно-утопической литературе завершился с приходом к власти нацистов в Германии: основным врагом СССР теперь стала считаться Германия, а не Британия с Францией (Минц 2007: 78). Чем более устрашающим выглядел гитлеровский режим, тем больше военных прогнозов появлялось в советской публицистике. Это, казалось бы, открывало богатый арсенал средств выразительности, построенных на противопоставлении германизма и славянства, в совершенстве освоенный дореволюционной российской военно-утопической мыслью. Но и в 1930-е гг. тема славянского единства в противовес германской военной угрозе не пережила ренессанса.

При этом после 1933 г. отношения между СССР и странами Восточной Европы начали постепенно нормализовываться; с большинством этих стран Союз подписал пакты о ненападении, а ожидания миро-

вой революции уходили в прошлое по мере новой стабилизации глобального капитализма. Уже на XIV съезде ВКП(б) в 1934 г. Сталин констатировал улучшение отношений с Польшей: «На Польшу рассчитывали все и всякие империалисты, как на передовой отряд, в случае военного нападения на СССР. <…> И вот эти нежелательные отношения начинают постепенно исчезать. Они заменяются другими отношениями, которые нельзя назвать иначе, как отношениями сближения» (Сталин 1951: 300–301).

Однако в целом отношение к восточноевропейским странам в советской идеологии оставалось прежним. Декларированная Сталиным в 1934 г. опора СССР исключительно на собственные силы закрепляла видение международной политики в категориях политического реализма. Восточноевропейские страны (за вычетом, быть может, Польши) расценивались как неразвитые аграрные государства, из-за своей слабости оказывающиеся пешками в руках могущественных капиталистических держав. Соответствующим образом строились и военно-политические прогнозы.

Вот, к примеру, сочинение Э. Генри (под этим псевдонимом скрывался советский разведчик и коминтерновский активист С.Н. Ростовский) «Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями» (1937). По ходу повествования вся Восточная Европа у Генри оказывается сферой проникновения агентов «коричневого Интернационала», ареной фашистских путчей, движущихся волнами к советской границе. Этническая и культурная неоднородность стран Восточной Европы превращается в источник уязвимости, которым и пользуются фашистские организации, зависящие от Гитлера. Шаг за шагом фашисты подрывают «Малую Антанту» изнутри, образуя «фашистские региональные лиги» (Генри 1937: 163).

Исторические экскурсы в глубь прошлого Восточной Европы помогают Генри нарисовать мрачную картину архаичного хаоса и насилия – картину, согласующуюся с представлением о Восточной Европе как о полуцивилизованной пограничной территории контрастов, которое современный исследователь Л. Вульф выводит из западноевропейских сочинений XVIII в. (Вульф 2003: 37–51). Как видим, большевистские теоретики и пропагандисты охотно конструировали Восточную Европу «с другого берега». Ведь царство фашизма и «аграрной контрреволюции» выглядит особенно контрастно рядом с высокоразвитым, индустриализированным Советским Союзом, который Генри описывает в восторженных тонах.

Заканчивая свое описание Восточной Европы, Генри все же подходит близко к германо-славянскому противостоянию: ведь если «фашистская лига» сокрушит СССР, то завершающим деянием Гитлера

будет уничтожение Польши, которое автор описывает, используя зловещий нацистский язык расовой ненависти: «Он вдребезги разобьет "поляков", "польскую свинью", этих "наследственных врагов германской расы", которые беспрерывно в течение восьми столетий не переставали враждовать с ним, которые в 1410 г. покончили с первым тевтонским орденом и с тех пор вызывают отвращение в каждом истинном германце <…> Тогда действительно будет "Finis Poloniae". Конец "полковникам", конец Радзивиллам, конец всем этим жадным и жалким лилипутам, которые думают, что они могут объединиться с тигром, чтобы напасть на льва. Но лев жив, и когти его крепки как никогда» (Генри 1937: 183). Эта воинственная фраза показательна. Генри предсказывает нападению Гитлера на СССР крах, который обернется сокрушительным контрнаступлением Красной армии и волной революций по всей Европе. Хотя Генри коротко отмечает, что подходящим очагом для этого является угнетенное Прикарпатье (т. е. территории Западной Украины, угнетаемой Польшей, и Бессарабии, оккупированной Румынией), основной для него все же является грядущая революция в Германии, которая навсегда покончит с фашистскими «неонаполеонами» (Генри 1937: 336–337).

В пьесе В.М. Киршона «Большой день» (1936) упоминаются волнения в Чехословакии, но главная роль вновь отведена Германии (Гуларян 2013: 661). В рассказе Н.В. Томана «Мимикрин доктора Ильичева», опубликованном в 1939 г., описано нападение германской армии на СССР с польской территории и в союзе с Польшей (Танк смерти 2015: 191–193). Последняя, впрочем, в процессе войны сама оказывается (словно бы по Генри!) жертвой гитлеровского коварства. Наконец, в пользовавшейся большой популярностью повести Н.Н. Шпанова «Первый удар» (1939) Советский Союз атакуют «германо-поляки». Правда, Польша (как и Румыния с Латвией) оказывается «подневольным союзником» гитлеровской Германии, и советская авиация, нанося по гитлеровцам сокрушительный ответный удар, щадит польские города, бьет лишь по железнодорожным узлам Львова, Тарнополя, Ровно… Бомбовый удар красного воздушного флота вызвал цепную реакцию в самой Германии: в Нюрнберге вспыхивает восстание против фашистов. Один из героев книги, советский летчик Павел Гроза, сбит над польской территорией, и двое польских крестьян помогают ему спастись (Шпанов 1939: 121–122).

Советская политическая публицистика 1930-х гг. вполне могла развивать военно-утопический прогноз и в ином ключе, перерабатывая дореволюционные идеологические конвенции. Рост военной угрозы со стороны гитлеровской Германии отсылал к старой концепции борьбы германизма и славянства, одновременно открывая возможность

для описания Восточной Европы в категориях не только классового, но и национального угнетения. Однако в сценариях грядущей войны эти описания практически не находили отражения.

Разумеется, в СССР не было недостатка в художественных описаниях страданий национальных меньшинств на территориях, этнически либо исторически связанных с Россией (Сохацкий 1932; Шварц 1932). Вот, например, как описывали публицисты Коминтерна национальное угнетение в Польше: «Политика, проводимая польским правительством на окраинах, населенных не польским населением, носит характер хищническо-колониального грабежа и угнетения. <…> Если трудящиеся Польши под тяжким игом, наложенным на них буржуазией, влачат поистине горькое, полное всяческих лишений существование, то крестьяне не польских национальностей обречены существующим положением вещей на медленное, но несомненное вымирание» (Белый террор, 1924: 13). Упомянутый уже З. Лисовский также описывает аграрный кризис и крестьянские восстание, кратко останавливаясь на проблеме национального гнета. Вместе с тем Лисовский не акцентирует проблемы Западной Украины и Белоруссии, подчеркивая равномерность социальных язв польского капитализма, единого как для поляков, так и для национальных меньшинств (Лисовский 1932: 4).

Другой пропагандист, Е. Явленский, писал о Польше: «Польша – страна, до 40 проц. населения которой составляют национальные меньшинства: украинцы, белорусы, евреи и др. Империалистическая польская буржуазия установила в Западной Украине и Западной Белоруссии режим неслыханного национального гнета. "Инородец"-трудящийся – "внутренний враг", бесправный парий. Он предмет бешеной шовинистической травли» (Явленский, 1934: 6). Впрочем, «массовые стачечные бои польского пролетариата, революционная борьба крестьян, нарастание национально-освободительного движения, лихорадочная подготовка польским фашизмом войны показывают, что в Польше создалась исключительно напряженная обстановка». При этом Явленский вовсе не отводил национальному фактору главной роли: сценарий грядущих битв для Польши – это «путь Октября», вооруженного восстания, к которому должна готовиться польская компартия (Явленский, 1934: 105–106). Итак, пролетарская революция во всей Польше, в первую очередь, в промышленных центрах, расположенных на великопольской территории, а не восстание на восточных окраинах – таким был советский политический прогноз.

Прогноз этот был подтвержден и в книге Б. Кузнецова о Польше, вышедшей в 1938 г. в серии «Помощь агитатору». Здесь упоминалось о подготовке фашистами войны против СССР: «Руководитель поль-

ской внешней политики полковник Бек выдвигает идею создания «нейтрального блока» от Балтийского до Черного моря (Прибалтийские страны – Польша – Румыния). Таким образом, он расчищает фашистским агрессорам путь к войне. <…> "Нейтральный блок" стран от Балтийского до Черного моря должен облегчить, по мысли его берлинских инициаторов, подрывную работу германского фашизма и стать военно-политическим и экономическим плацдармом для наступления на СССР» (Кузнецов 1938: 31).

Конечно, Кузнецов уделил внимание и национальному угнетению в Польше. Книга сообщала об угнетении белорусов и украинцев (их земли, согласно автору, польская буржуазия старается, подобно царизму, превратить в «колонии»), о преследованиях польских евреев. Кузнецов пришел к тому же выводу, что и другие авторы: «Трудящиеся массы национальных меньшинств видят свое единственное спасение в совместной с польским пролетариатом и крестьянством борьбе за свержение ненавистного ига фашистской диктатуры» (Кузнецов 1938: 23).

Несколько отличалась риторика советской публицистики в отношении Румынии, контролировавшей Бессарабию. В отличие от Западной Украины и Белоруссии, Бессарабию в СССР считали оккупированной территорией. Количество литературы об угнетении Бессарабии «румынскими боярами» едва ли не превышало количество аналогичной литературы о Польше (Колосов 1926; Дембо 1932; Татару 1932).

Однако и в литературе о Бессарабии хорошо видно то же стремление избежать упреков в империализме под маской коммунизма. В книге Л.Н. Александри, посвященной бессарабскому вопросу, этой проблеме был отведен специальный раздел: «Нам кажутся нелепыми доводы царских чиновников <…> в которых они пытаются сослаться на исторические права России на владение Бессарабией. Они построены на аргументации от истории, в которой не нуждается Советская Россия». В перепечатанной в приложении к книге Александри декларации советской делегации на Венской конференции от 2 апреля 1924 г. говорилось, что всякие доводы об «исторических правах» по бессарабскому вопросу СССР считает недействительными, настаивая на плебисците, и до того времени рассматривает Бессарабию как оккупированную территорию (Александри 1924: 101). А в исходе плебисцита Александри не сомневался: «Гарантией неприкосновенности права на самоопределение народов послужат три с лишним десятка равноправных, разноплеменных и разноязыких голосов Союза Советских Социалистических Республик. Такой гарантии ни одно государство в мире не даст бессарабскому трудовому населению» (Александри 1924: 74). В Большой советской энциклопедии

в обширной статье «Бессарабский вопрос», где повторяются основные идеи упомянутой выше декларации, сухо замечается: «Национальный гнет… является одним из источников, питающих энергию населения Бессарабии, без различия национальностей, в его борьбе против румынской оккупации» (БСЭ 1927: 34). Но о воссоединении с СССР речь не шла, хотя и отмечалось, что Молдавская АССР в составе советской Украины должна служить порабощенной Бессарабии «образцом».

Итак, судьба Восточной Европы (и с ней – славянского мира) под пером советских публицистов довоенной поры следовала примерно одним и тем же паттернам. Основными противниками считались Польша и Румыния. Вместе с тем противник этот был в известной степени несамостоятельным: в 1920-х гг. им манипулировали Британия и Франция, а в 1930-х гг. этих империалистов сменила фашистская Германия. Другие восточноевропейские страны упоминались походя: исключением здесь остается почетная роль, которую отвел «советской Болгарии» Е.А. Преображенский в своем прогнозе 1924 г. На пролетарскую революцию в этих странах советские публицисты и теоретики не рассчитывали, а военную мощь их ценили не очень высоко.

И когда в 1939 г. грянула мировая война, сценарий ее оказался не таким, как рисовало большинство советских сочинений. Оно и понятно: советских авторов волновал в первую очередь тот сценарий, при котором первый удар агрессоров обрушивался на СССР. Поход Красной армии в Западную Белоруссию и на Украину хотя и не был описан в военно-утопических сочинениях, но хорошо соответствовал общему тренду – относительно бескровное быстрое продвижение советских войск, доброжелательное отношение населения, крах буржуазного правительства при первых же сполохах конфликта (правда, в данном случае причиной краха выступало не возмущение рабочих войной, а удар с запада). Однако сам сценарий, при котором итогом войны оказывается не мировая революция, а воссоединение разделенных народов в составе СССР, был для советской публицистики инновацией, и авторам, работавшим в политическом жанре, приходилось импровизировать.

ЛИТЕРАТУРА

Александри 1924 - *Александри Л.Н.* Бессарабия и бессарабский вопрос. М.: Гос. изд-во, 1924. 104 с.

Белый террор 1924 - Белый террор в Польше. М.: Изд. И.К. МОПР, 1924. 35 с.

БСЭ 1927 - Большая советская энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1927. 416 с.

Бугров Д. 2009 - *Бугров Д.В.* Балканский вопрос в русской социально-культурной утопии конца XVIII – начала XX в. // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 5, ч. 2. С. 153–156.

Бугров К. 2017 - *Бугров К.Д.* Работа Г.Е. Зиновьева «Учение Маркса и Ленина о войне» (1929) и дебаты о будущем советского социального проекта // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 269–282.

Ворошилов 1927 - *Ворошилов К.Е.* Оборона СССР. М.: Военный вестник, 1927. 164 с.

Вульф 2003 - *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2003. 548 с.

Геллер, Нике 2003 - *Геллер Л., Нике М.* Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. 312 с.

Генри 1937 - *Генри Э.* Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями. М.: Соцэкгиз, 1937. 338 с.

Гуларян 2013 - *Гуларян А.Б.* «Грядущая война» как жанр литературы // Культура и искусство. 2013. № 6. С. 653–664. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.6.11425

Дембо 1932 - *Дембо В.О.* Под гнетом румынских бояр. М.: Военгиз, 1932. 48 с.

Зиновьев 1931 - *Зиновьев Г.Е.* Учение Маркса и Ленина о войне. М.; Л.: Гос. социально-экон. изд-во, 1931. 355 с.

Иванов, Шкловский 2005 - *Иванов Вяч.Вс., Шкловский В.Б.* Иприт. СПб.: Ред Фиш; Амфора, 2005. 400 с.

Колесинский 1929 - *Колесинский В.* Угроза новых войн. Экономические, политические и военные предпосылки. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 162 с.

Колосов 1926 - *Колосов А.И.* Под лютым боярином (В Бессарабии). М.: Изд-во ЦК МОПР, 1926. 15 с.

Кузнецов 1938 - *Кузнецов Б.* Польша. М.: Молодая гвардия, 1938. 52 с.

Кулешова 2002 - *Кулешова Н.Ю.* «Большой день»: грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191.

Лавренев 1928 - *Лавренев Б.А.* Крушение республики Итль. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 264 с.

Лисовский 1932 - *Лисовский З.* В борьбе с фашизмом (Крестьяне в Польше). М.: Изд-во ЦК МОПР, 1932. 22 с.

Минц 2007 - *Минц М.М.* Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2007. 283 с.

Преображенский 1922 - *Преображенский Е.А.* Крах капитализма в Европе // Красная новь. 1922. № 5. С. 151–165.

Самуэльсон 2001 - *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. 294 с.

Симонов 1996 - *Симонов Н.С.* «Крепить оборону страны Советов» («военная тревога» 1927 г. и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–161.

Сохацкий 1932 - *Сохацкий Ю.* Польский фашизм – форпост интервенции. М.; Л.: Парт. изд-во, 1932. 110 с.

Социал-фашизм 1932 - Социал-фашизм – организатор интервенции. М.: Партиздат, 1932. 108 с.

Сталин 1949a - *Сталин И.В.* Сочинения. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 11. 381 с.

Сталин 1949b - *Сталин И.В.* Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 12. 397 с.

Сталин 1951 - *Сталин И.В.* Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 13. 423 с.

Стенографический отчет 1929 - Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. М.: Гос. изд-во, 1929. Вып. 3. 192 с.

Стенографический отчет 1931 - Стенографический отчет. XI пленум ИККИ. Вып. II. 1. Военная опасность и задачи Коминтерна. 2. Заключительные работы пленума. М.; Л.: Гос. социально-экон. изд-во, 1931. 255 с.

Танк смерти 2015 - Танк смерти: Советская оборонная фантастика 1928–1940. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. 221 с.

Татару 1932 - *Татару А.* Бессарабия под пятой румынских окупантов. М.: Партиздат, 1932. 32 с.

Тимов 1931 - *Тимов С.С.* Экономика Восточной Европы. Аграризация или индустриализация? Т. I: Балканские страны. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. 244 с.

Шварц 1932 - *Шварц И.Г.* Колония польского фашизма. М.: ЦК МОПР СССР, 1932. 32 с.

Шпанов 1939 - *Шпанов Н.Н.* Первый удар. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1939. 253 с.

Эренбург 1923 - *Эренбург И.* Трест Д.Е. (История гибели Европы). Харьков: Гос. изд-во Украины, 1923. 208 с.

Явленский 1934 - *Явленский Е.* Жизнь и борьба рабочих Польши. М.: Профиздат, 1934. 105 с.

Ясенский 1957 - *Ясенский Б.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. Т. 1. 440 с.

REFERENCES

Aleksandri, L.N. (1924) *Bessarabiya i bessarabskiy vopros* [Bessarabia and Bessarabian question]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Borovskiy, A. (ed.) (1924) *Belyy terror v Pol'she* [White Terror in Poland]. Moscow: I.K. MOPR.

Shmidt, O.Yu. (ed.) (1927) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Bugrov, D.V. (2009) Balkanskiy vopros v russkoy sotsial'no-kul'turnoy utopii kontsa XVIII – nachala XX v. [The Balkan question in Russian social and cultural utopia of the late 18th – early 20th centuries]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 151 (5-2). pp. 153–156.

Bugrov, K.D. (2017) Soviet Social Project and the Military Threat in Grigory Zinoviev's Treatise 'The War Doctrine of Marx and Lenin' (1929). *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. 17. pp. 269–282.

Voroshilov, K.E. (1927) *Oborona SSSR* [Defense of the USSR]. Moscow: Voennyy vestnik.

Wollf, L. (2003) *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Translated from English by I. Fedyukin. Mosocw: NLO.

Heller, L. & Niqueux, M. (2003) *Utopiya v Rossii* [Utopia in Russia]. Translated from English by I. bulatovskiy. St. Petersburg: Giperion.

Henri, E. (1937) *Gitler protiv SSSR. Gryadushchaya skhvatka mezhdu fashistskimi i sotsialisticheskimi armiyami* [Hitler vs. the USSR. The coming battle between the fascist and socialist armies]. Moscow: Sotsekgiz.

Gularyan, A.B. (2013) "Gryadushchaya voyna" kak zhanr literatury [Future war as a genre of literature]. *Kul'tura i iskusstvo*. 6. pp. 653–664. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.6.11425

Dembo, V.O. (1932) *Pod gnetom rumynskikh boyar* [Under the yoke of Romanian boyars]. Moscow: Voengiz.

Zinoviev, G.E. (1931) *Uchenie Marksa i Lenina o voyne* [Marx' and Lenin's Doctrine of war]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.

Ivanov, Vyach.Vs. & Shklovskiy, V.B. (2005) *Iprit* [Mustard Gas]. St. Petersburg: Red Fish; Amfora, 2005. 400 s.

Kolesinskiy, V. (1929) *Ugroza novykh voyn. Ekonomicheskie, politicheskie i voennye predposylki* [Menace of new wars. Economic, political and military preconditions]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Kolosov, A.I. (1926) *Pod lyutym boyarinom (V Bessarabii)* [Under the evil boyar (In Bessarabia)]. Moscow: TsK MOPR.

Kuznetsov, B. (1938) *Pol'sha* [Poland]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Kuleshova, N.Yu. (2002) "Bol'shoy den'": gryadushchaya voyna v literature 1930-kh godov [The Big Day: future war in literature of the 1930s]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 181–191.

Lavrenev, B.A. (1928) *Krushenie respubliki Itl'* [Collapse of the Itl Republic]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Lisovskiy, Z. (1932) *V bor'be s fashizmom (Krest'yane v Pol'she)* [Fighting fascism (Peasants in Poland)]. Moscow: TsK MOPR.

Mints, M.M. (2007) *Budushchaya voyna v predstavleniyakh voenno-politicheskogo rukovodstva SSSR v 1927–1941 gg.* [Future war in perception of military and political leadership of the USSR in 1927–1941]. History Cand. Diss. Moscow.

Preobrazhenskiy, E.A. (1922) Krakh kapitalizma v Evrope [Collapse of capitalism in Europe]. *Krasnaya nov'*. 5. pp. 151–165.

Samuelson, L. (2001) *Krasnyy koloss. Stanovlenie voenno-promyshlennogo kompleksa SSSR. 1921–1941* [Red Colossus. The emergence of military-industrial complex of the USSR. 1921–1941]. Translated from English by I. Davidyan. Moscow: AIRO-XX.

Simonov, N.S. (1996) "Krepit' oboronu strany Sovetov" ("voennaya trevoga" 1927 g. i ee posledstviya) ["Strengthen the Soviets defense" ("military alarm" of 1927 and its consequences]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 155–161.

Sokhatskiy, Yu. (1932) *Pol'skiy fashizm – forpost interventsii* [Polish fascism as a outpost of intervention]. Moscow; Leningrad: Partiynoe izdatel'stvo.

Varga, E. et al. (1932) *Sotsial-fashizm – organizator interventsii* [Social-fascism as an organiser of intervention]. Moscow: Partizdat.

Stalin, I.V. (1949a) *Sochineniya* [Works]. Vol. 11. Moscow: OGIZ.

Stalin, I.V. (1949b) *Sochineniya* [Works]. Vol. 12. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Stalin, I.V. (1951) *Sochineniya* [Works]. Vol. 13. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Comintern. (1929) *Stenograficheskiy otchet VI kongressa Kominterna* [Stenographic report of the Sixth Congress of Comintern]. Issue 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Comintern. (1931) *Stenograficheskiy otchet. XI plenum IKKI* [Stenographical report. The 11th Plenum of Comintern Executive Committee]. Issue 2. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.

Dinze, V. et al. (2015) *Tank smerti: Sovetskaya oboronnaya fantastika 1928–1940* [Tank of Death: Soviet defense fiction, 1928–1940]. [s.l.]: Salamandra P.V.V.

Tataru, A. (1932) *Bessarabiya pod pyatoy rumynskikh okupantov* [Bessarabia under the heel of Romanian occupants]. Moscow: Partizdat.

Timov, S.S. (1931) *Ekonomika Vostochnoy Evropy. Agrarizatsiya ili industrializatsiya?* [Economics of Eastern Europe. Agrarisation or industrialisation?]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.

Shwartz, I.G. (1932) *Koloniya pol'skogo fashizma* [A Colony of Polish Fascism]. Moscow: TsK MOPR.

Shpanov, N.N. (1939) *Pervyy udar. Povesti i rasskazy* [First Strike. Short tales]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

Erenburg, I. (1923) *Trest D.E. (Istoriya gibeli Evropy)* [D.E. Trust. (History of Europe Destruction]. Kharkov: Gos. izd-vo Ukrainy.

Yavlenskiy, E. (1934) *Zhizn' i bor'ba rabochikh Pol'shi* [Life and struggle of Polish workers]. Moscow: Profizdat.

Yasenskiy, B. (1957) *Izbrannye proizvedeniya: V 2 t.* [Selected Works. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

Бугров Константин Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия).

Bugrov Konstantin – Ural Federal University, Institute of History and Archaeology of Ural Branch of RAS (Russia).

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

УДК 37.014.5 (571.6)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/6

УКРАИНИЗАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР (1922–1930 гг.)*

Н.И. Наумова

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: tomnin@yandex.ru

Авторское резюме

В последние десятилетия значительное внимание в исследованиях российских и зарубежных историков (в том числе украинских) уделялось политике советской власти в решении национального вопроса в 1920-е гг. Составной частью исследований стали украинский вопрос, формирование украинской государственности, государственная политика в области национальной культуры. В национальной политике советской власти по отношению к украинцам можно выделить два направления. Первое направление – украинизация в экономической, социальной, административной и культурной сферах на территории Украины как метод нациестроительства и создания советской национальной государственности. Второе направление – украинизация за пределами страны украинского национального меньшинства в республиках и областях Советского государства. Необходимо дальнейшее изучение содержательной части политики в сфере управления национальными процессами, удовлетворения интересов национальных меньшинств на разных этапах существования СССР. Большой исследовательский интерес представляет изучение механизма воплощения принципов национальной политики Советского государства и особенностей ее реализации в отдельных регионах. В статье рассматривается политика большевиков в 1920-е гг. на региональном уровне – на территории Дальнего Востока – в сфере образования, статуса украинского языка, реализации принципа равенства украинского населения при обучении в школах на родном языке. Анализируются процесс украинизации, его нормативная база, организационные структу-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П220 № 14.B25.31.0009.

ры, особенности учета интересов дальневосточных украинцев, кадровая политика в подготовке педагогов для украинских школ.

Ключевые слова: украинцы, Дальний Восток, образование, национальная политика, советская власть, украинизация.

UKRAINISATION IN THE SOVIET EDUCATIONAL POLICY IN THE FAR EAST OF THE USSR (1922–1930)*

N.I. Naumova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: tomnin@yandex.ru

Abstract

Over the last decades Russian and international historians (including Ukrainian) have been paying significant attention to the Soviet national policy in the 1920s. The Ukrainian issue, the formation of the Ukrainian statehood and the national culture policy have become an integral part of research. The Soviet national policy towards Ukrainians had two directions. The first was the Ukrainisation of the economic, social, administrative and cultural spheres in the territory of Ukraine as a method of formation of the nation and creation of Soviet national statehood. The second was the Ukrainisation of the Ukrainian national minority in republics and regions of the Soviet state and outside Ukraine. Further studies are needed regarding the policy in the sphere of national processes management and inclusion of interests of the national minorities during different stages of the USSR. It is of great scientific interest to study the mechanism for implementation of principles of Soviet national policy in different regions. The paper considers the regional policy of the Bolsheviks in the 1920s in the territory of the Far East from the perspective of education, the status of the Ukrainian language and implementation of equality of the Ukrainian population through teaching at schools using the Ukrainian language. The author analyses the process of Ukrainisation, its regulatory framework, organisational structures, inclusion of interests of the Ukrainians from the Far East and personnel policy in the preparation of teachers for Ukrainian schools.

Keywords: Ukrainians, Far East, education, national policy, Soviet rule, Ukrainisation.

* The research is supported by Grant of the Government of the Russian Federation P220 Nr. 14.B25.31.0009.

Дальний Восток в начале 1920-х гг. представлял собой многонациональный регион, где одной из самых больших по численности этнических групп являлись украинцы – 350 тыс. чел. (Нам 2009: 383). В середине 1920-х гг. количество украинцев в разных уездах варьировалось от 30 до 67 % (РГИА ДВ 1: 52; РГИА ДВ 2: 41), что определяло специфику политики местных властей в период процесса украинизации, включая школьное образование.

После окончания гражданской войны и утверждения советской власти в регионе стали реализовываться основные направления создания социалистического общества. Составной частью этого процесса была образовательная политика, основанная на ряде важных доктринальных установок. Они предполагали реформу школьного образования и содержания учебных планов, изменение организационных структур по его управлению. Образование стало объектом целенаправленной деятельности со стороны государства для интеграции национальных меньшинств в новую систему. Школы Дальнего Востока были включены в государственную сеть, в том числе национальные и религиозные (накануне 1917 г. в крае имелось около 200 церковно-приходских школ, где обучалось более 9 тыс. детей) (Стрюченко 1998: 123).

Реформу школьного образования обусловили экономические и политические факторы, которые определили развитие народного образования в соответствии с целями национальной политики. В этот процесс был включен Наркомпрос, создав свои структуры в центре и на местах.

Несмотря на трудности, стала формироваться единая система образования во всех регионах государства. Процессом школьного образования руководил Наркомпрос со специальным Советом по просвещению национальностей нерусского языка при коллегии Наркомпроса, созданный в 1921 г. На территории Дальнего Востока были сформированы свои управленческие структуры: национальные отделы всех уровней – от краевого до уездного, а также национальные секции в отделах образования. 1920-е гг. были особым периодом, когда Советское государство уделяло большое внимание процессам коренизации в национальных республиках и решению вопросов национальных меньшинств.

Одной из целей власти являлась реализация идеи равенства этносов в культурной, языковой жизни. Политика в национальном образовании основывалась на тех принципах, которые были провозглашены в Декларации прав народов России (равенство всех народов России, отмена национальных и религиозных ограничений, равенство языков), а также в Постановлениях Наркомпроса «Основные

принципы единой трудовой школы» от 16 ноября 1918 г., «О школах для национальных меньшинств» от 31 ноября 1918 г. и ряде других документов (Национальное 2002: 21–22). В законодательном акте впервые вводилось понятие «школа национальных меньшинств». Предполагалось, что принципы воспитания и обучения на родном (литературном) языке станут обязательными для всех, включая национальные меньшинства. Одновременно ставилась задача освобождения школы от влияния церкви. В соответствии с этим в регионах стала формироваться структура школ национальных меньшинств. Этот процесс сопровождался большими сложностями. На Дальнем Востоке, как свидетельствуют документы, целью украинизации являлось не только обучение родному языку, но и расширение его использования в различных сферах общественной жизни – в печати, в политико-просветительской работе.

Школы национальных меньшинств должны были открываться там, где имелось «достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы». Количественная норма устанавливалась в 25 учащихся для одной и той же возрастной группы (Национальное 2002: 32–33). Трудно решался вопрос создания основ для собственной национальной культуры через родной язык. Об этом свидетельствуют документы, где раскрываются сложности украинизации на Дальнем Востоке. Особое внимание к школе определялось еще и тем, что она не только давала знания, но и формировала лояльность к государственной власти, ее политике. Составной частью процесса стала и ликвидация неграмотности украинского населения на Дальнем Востоке (РГИА ДВ 3: 79–80).

Местное партийное и советское руководство определило свою политику по отношению к национальным меньшинствам края. В августе 1923 г. состоялось совещание представителей губисполкомов и секретарей губкомов РКП(б) по вопросу о советском строительстве и партийной работе среди нацменьшинств и туземцев советского Дальнего Востока. Основная линия определялась как внимательное отношение к национальному вопросу, в сфере партийной и воспитательной работы – создание в местах с компактным проживанием нацменьшинств школ политграмоты на родном языке, в области «поднятия культурного состояния нацменьшинств и туземного населения – реорганизация национальных школ 1-й ступени в трудовые школы с учетом национально-бытовых особенностей» (Пак 2004: 188).

Для обеспечения украинизации школьного образования требовались помещения, учебники. Быстрому решению вопроса подготовки педагогических кадров должны были способствовать краткосрочные курсы. При Дальневосточном краевом отделе народного образова-

ния действовали в начале 1930-х гг. курсы по изучению украинского языка, на которых обучались не только украинцы, но и евреи, поляки, владевшие украинским языком в минимальной степени (вполне владеют украинским языком, говорят на украинском языке, немного говорят, как было записано в одном из документов) (РГИА ДВ 4: 79). К началу 1930 г. действовал ряд учебных заведений по изучению украинского языка и подготовке кадров народного образования. В частности, в Благовещенске родному языку обучалось 90 учащихся (60 из них были зачислены в пединститут), в Никольск-Уссурийске – 40, в Спасском – 120 (РГИА ДВ 5: 46).

Власть предъявляла особые требования к педагогам: проявлять лояльность, иметь минимум политических знаний. Все это содержалось в специальной «карточке просвещенца», которая включала более 60 вопросов. Кандидаты в педагоги отвечали на вопросы о том, где они работали до 1914 г., в 1914 г., перед Октябрьской революцией, после Октябрьской революции, с 7 ноября по июнь 1918 г., с июля 1919 г. по январь 1920 г., с февраля 1920 г. по май 1921 г., с июня 1921 г. по октябрь 1922 г., с ноября 1922 г. по июль 1923 г. Требовалось ответить, служили ли они в царской армии, Красной армии, Белой армии или какой-либо другой армии, являлись ли членами профсоюза, общественной организации, политической партии, какую религию исповедовали. Одновременно они должны были продемонстрировать знания в рамках политграмоты. Часть вопросов была посвящена раскрытию отношения к советской власти, религии, методам работы в советской трудовой школе, целям и методам воспитания. Кроме того, следовало ответить на вопрос о сущности диктатуры пролетариата, революции, гражданской и империалистической войн. Судя по ответам, будущие педагоги демонстрировали классовый подход к оценке общественной жизни, новой системе ценностей. Знакомство с ними происходило в таких работах, как «Азбука коммунизма» и «Учебник политграмоты». Ответы свидетельствовали об усвоении преподавателями «основ коммунизма». В одной из карточек, в частности в ответе о сущности диктатуры пролетариата, было сказано, что «диктатура пролетариата – особый способ управления», «чтобы подавить всякие попытки буржуазии к эксплуатации, жить за чужой счет, чтобы произвести экономический переворот» (РГИА ДВ 6: 44–47).

Местные органы народного образования контролировали деятельность учителей, требовали от них участия в мероприятиях, посвященных революционным событиям (РГИА ДВ 7: 5). В политизированное воспитание включались ученики. Этому способствовало учреждение новых праздников: дня памяти Ленина (24 января); дня рождения Ленина, вождя пролетарской революции (22 апреля); Февральской

революции; Парижской коммуны; Ленским событиям 1912 г., которые стали толчком к пролетарскому движению. От учащихся требовалось знание и пение «Интернационала» (РГИА ДВ 7: 7 об.).

Процесс украинизации школ включал изучение национального состава населенных пунктов края с тем, чтобы затем приступать к формированию украинских школ. Проблемы необходимо было решать в конкретной этнокультурной ситуации края, где велико было значение русского языка, образования на нем. Все это влияло на сроки выполнения решений Наркомпроса по украинизации школьной и просветительской деятельности.

Перевод на украинский язык оказался достаточно медленным даже на самой Украине, поскольку не все население и руководство республики приветствовали это. Тем более что требовалась дополнительная работа по языковой стандартизации украинского правописания. Только в сентябре 1928 г. Совет народных комиссаров Украинской республики издал постановление об утверждении правил украинского правописания, которые были разработаны на основе компромисса между центральноукраинской и западноукраинской лингвистическими школами (Борисенок 2006: 191). Неопределенность норм украинского языка создавала свои сложности в обучении украинцев, в том числе и на Дальнем Востоке.

В августе 1925 г. Совет по просвещению национальностей нерусского языка при коллегии Наркомпроса в письме в Приамурский отдел народного образования подвел некоторые итоги деятельности и отметил, что процесс создания просветительных учреждений нацменьшинств «не закончился», непрерывно шел перевод школ на родной язык. Но было отмечено неблагополучие с «сетью школ украинских, мордовских, белорусских», которые в силу ряда обстоятельств «позже других перешли к родному языку». Подчеркивалась сложная ситуация с культурно-просветительными учреждениями, поскольку «большое количество их не переведено на материнский язык». Совет определял перспективы деятельности. 1925/1926 учебный год был «должен пройти под знаком подготовки к построению пятилетнего перспективного плана развертывания дела просвещения национальностей нерусского языка». Чтобы этот процесс не был сорван, от губоно совет требовал «точных сведений об учреждениях национальных меньшинств по всем видам работы» (виды организаций каждой из групп национальных меньшинств, отдельно по каждой школе, все виды кружков, секций, отделений) (РГИА ДВ 8: 1–1 об.).

Украинизация школ была предметом обсуждения в Далькрайкоме ВКП(б), Далькрайисполкоме, краевом отделе народного образования, на конференциях представителей отделов народного образования.

Во всех документах отмечалось значение воли и желания населения по введению украинского языка обучения. В октябре 1925 г. 5-е Дальневосточное краевое совещание заведующих отделами народного образования в резолюции по работе среди украинского населения наметило следующий план: приступить «к всестороннему изучению вопроса о целесообразности и возможности перевода в некоторых районах школьной и политико-просветительной работы на украинский язык». Предполагалось разработать вопрос о продолжительности курса обучения в школах нацменьшинств и организации при отделе народного образования совета национальных меньшинств» (РГИА ДВ 9: 66).

Дальневосточный краевой исполнительный комитет в июне 1926 г. рассматривал проект постановления по вопросу о работе по народному образованию среди украинского населения. В нем содержался анализ проделанной работы и делался вывод о недостаточной изученности украинизации всех частей края. Опыт организации 22 украинских школ в Хабаровском уезде и 9 школ в Амурской губернии, созданных в 1921 г., показал, как было сказано в документе, что «эти школы, открытые без достаточно глубокого изучения всех условий их существования, не могли пустить крепких корней в населении». В результате здесь «перешли на русский язык сами собой, как только были упразднены украинские рады, насаждавшие сверху школы на украинском языке». Указывалось на те обстоятельства, которые усложняли переход на украинский язык: большое количество украинцев живет «чересполосно с другими народностями», некоторая часть украинцев «в значительной степени утратила украинский язык». А это означало, как было сказано в проекте постановления, «невозможность и нецелесообразность немедленного и сплошного перевода преподавания в школах для украинского населения на украинский язык» (РГИА ДВ 10: 38). Но не исключалась возможность «в некоторых отдельных случаях для отдельных селений, сохранивших целиком все украинское, разрешить вопрос о переводе школ на украинский язык положительно». Условием должно было стать «тщательное обследование украинского населения на местах, выявление условий его быта, языка, желаний». Указывалось, что решение зависело от конкретной ситуации. В проекте постановления изучение вопроса об украинизации школы возлагалось на парткомы и отделы народного образования. Руководить изучением украинского вопроса должен был один из ответственных партийных работников Дальоно. Одновременно выдвигалось требование о согласовании «руководящих указаний» по этому вопросу. И к 1 августу 1926 г. необходимо было представить «конкретный план перевода некоторых школ уже с

начала 1926–1927 г. на украинский язык». Рекомендовалось при разработке плана учитывать новых переселенцев-украинцев и учителей, которые могли преподавать на украинском языке (РГИА ДВ 10: 38).

В докладной записке Дальревкому в феврале 1926 г. заведующий Дальоно Л. Лобов перечислил мероприятия по изучению украинизации школ. Губернским и уездным инспекторам отделов народного образования были определены следующие задачи: изучить степень сохранения языка, быта, других национальных особенностей украинцев и отношение населения к этому вопросу. Инспектор Дальоно и уездный инспектор Никольск-Уссурийского отдела народного образования, знавший украинский язык, обследовали 10 деревень Михайловской и Черниговской волостей. Взрослое население в беседах отрицательно отнеслось к вопросу украинизации школ, назвав себя «перевертнями» и заявив: «Нас 20–40 лет переделывали, переделывать же снова нет смысла». Никто не изъявил желания обучать детей на украинском языке. В качестве инспектора Наркомпроса Л. Лобов побывал в украинских селах в Приморской губернии, опросил учителей, учащихся, крестьян, руководителей Приморского губоно, президиума Никольск-Уссурийского рика, представителей губкома, работников-украинцев. В результате он сделал вывод о том, что масса украинцев «в значительной мере обрусела и для нее не только нет необходимости в украинизации, но это практически нецелесообразно». Но не исключал «возможность в некоторых отдельных случаях для отдельных селений, сохранивших целиком все украинское, разрешать вопрос положительно» (Национальное 2002: 144–145).

В апреле 1927 г. Л. Лобов отправил секретный доклад Далькрайкому ВКП(б) о проделанной работе во исполнение постановлений Далькрайисполкома. Заведующих трех окружных отделов народного образования обязали под личную ответственность провести выборочное обследование 10–15 школ в местах компактного проживания украинцев.

К выявлению проблемы украинизации школ был привлечен Владивостокский окружной отдел народного образования для опроса населения Шмаковского, Шкотовского, Сучанского, Градовского районов, где компактно проживали украинцы. Материалы были представлены в органы народного образования. В них содержались школьные доклады, сообщения и беседы с делегатами съезда советов. На основании этого Владивостокский окружной отдел народного образования сделал заключение, что эти деревни имеют смешанное население с преобладанием выходцев из Украины. Но население говорило преимущественно «на великорусском наречии с примесью украинских слов, оборотов, предложений». В отчете было подчерк-

нуто стремление населения «к более свободному обладанию чисто великорусского наречия». Делался вывод о том, что украинизация школы «была бы искусственно навязана».

Амурский окружной отдел народного образования через 11 районных исполнительных комитетов выявил следующее. Шесть районных исполнительных комитетов (Ивановский, Хангано-Архаринский, Амуро-Зейский, Селемджино-Бурейский, Завитинский, Екатерино-Никольский) сделали вывод о нецелесообразности украинизации школ. Пять районных исполнительных комитетов не ответили. Итоги опросов (во время поездок на выборы сельских советов) заведующего округом Сенекина и инспектора Соснина выявили возможность украинизации школ на общих собраниях жителей, на заседаниях сельских советов. В селе Средне-Белом Ивановского района на заседании вновь избранного сельского совета, где были «исключительно украинцы», Соснин сделал доклад по украинизации школ. Сельсовет (34 члена и 5 кандидатов) вынес такое постановление: «После обмена мнениями решили, принимая во внимание, что почти все выходцы из Украины связи с таковой не имеют, переселились давно, дети же говорят смешанно на русско-украинском языке, украинизацию школ первой ступени нашего села считать невозможной». Аналогичное постановление по докладу Соснина внесло общее собрание граждан хутора Гусино-Озерского Ивановского района, где присутствовали 34 украинца. Коллегия Амурского окружного отдела народного образования, «заслушав доклад по украинизации школ в Амурском округе, принимая во внимание все данные по этому вопросу, постановила: украинизацию школ в Амурском округе считать невозможной и нецелесообразной».

Хабаровский окружной отдел народного образования (ОНО) обследовал несколько сел, входивших в состав трех районов (Покровка, Гоголевка, Звенигородка, Лермонтовка, Новокаменка, Дежневка, Екатеринославка, Тигровка, Дмитриевка). Исследование показало, что основное ядро переселенцев прибыло на Дальний Восток в 1906–1912 гг. из Полтавской, Харьковской, Киевской, Черниговской, Екатеринославской губерний. К моменту опроса выяснилось, что «язык и его правильность, бытовые особенности, жилище, утварь, обычаи и развлечения значительно изменились в сторону обрусения». В результате бесед «с отдельными крестьянами в избах-читальнях, в сельсоветах, на общих собраниях, в риках и школах выявлено полное отрицательное отношение к украинизации школ и весьма доброжелательное к русской». Таким образом, все три окружных ОНО, на территории которых проживало большинство украинцев, дали «отрицательное заключение по вопросу украинизации школ». Автор доклада подчеркнул, что результаты опроса были изложены

на 6-й Дальневосточной конференции заведующих отделами народного образования 27 марта 1927 г. С такими выводами делегаты не согласились. Конференция постановила, что применявшиеся методы изучения вопроса об украинизации школ были неудачными, вопрос следует считать неизученным и продолжить его изучение с привлечением широких слоев населения.

Автор доклада считал, что силами отдела народного образования этот вопрос невозможно изучить, поскольку необходимо обхватить исследованием все украинские деревни края. Он указал на то, что для принятия «определенного решения о переводе части наших учебных заведений и политико-просветительных учреждений на украинский язык необходимо привлечение к этому делу широких общественных кругов и печати» (РГИА ДВ 11: 9–12).

В целом к концу 1929 г. во всей стране, по заключению Наркомпроса, не была закончена работа по переводу школ на родной язык у ряда национальностей, в том числе украинцев. В результате в большинстве школ (70–80 %) обучение на родном языке осуществлялось на первом году обучения, в 50 % – и на втором году обучения, и только в 5–10 % школ велась работа на родном языке полностью. Причины такого явления связывались с отсутствием советской и общественной работы на родном языке, перспектив обучения детей на этом языке в школах нового типа, в профтехнических учебных заведениях, а также с недостатком работников, знавших язык и бытовые особенности нацменьшинств, и отрицательным отношением к этому местной интеллигенции, в том числе «и части даже национального учительства». Властям рекомендовалось подходить к этой проблеме более широко. Проблема культурного роста нацменьшинств должна была рассматриваться не только как перевод школ на родной язык, но и перевод на родной язык всего «низового советского аппарата, всех общественных учреждений» (Национальное 2002: 173–175).

Однако такой подход, как свидетельствуют документы, не предполагал учета опыта украинских рад Дальнего Востока, опыта их деятельности в Дальневосточной республике по созданию украинских школ в 1917–1922 гг. В 1921/1922 учебном году было зарегистрировано 32 украинских класса с 1 026 учащимися в Прибайкальской, Амурской и Приамурской областях (Нам 2009: 403). Вся работа украинских рад была признана советской властью националистической, контрреволюционной, их руководители и активные члены были арестованы, а украинские организации распущены (Нам 2009: 409). Национальное самоуправление в области школьного образования оказалось для новой власти недопустимым, несмотря на то, что украинские организации способствовали расширению сети украинских школ.

Процесс украинизации в регионе включал в первую очередь культурный аспект (язык, расширение сферы его применения через культурно-просветительную работу). Практические меры по реализации курса требовали значительных кадровых и финансовых ресурсов. Масштаб поставленных задач оказался велик, возможности их решения в такой срок ограничены. Полученные результаты не оправдывали поставленных целей. Тем более что в 1930-е гг. была изменена национальная политика в образовательном процессе, ставка сделана на унификацию с обязательным использованием государственного русского языка и уменьшение преподавания на национальном языке.

ЛИТЕРАТУРА

Борисенок 2006 - *Борисенок Е.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е гг. М.: Европа, 2006. 256 с.

Нам 2009 - *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 496 с.

Национальное 2002 - Национальное образование в России: Концепции, взгляды, мнения. 1905–1938 гг. М.: ИНПО, 2002. Ч. II. 312 с.

Пак 2004 - *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: ИВ РАН, 2004. 462 с.

РГИА ДВ 1 - Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее РГИА ДВ). Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1767. Л. 52. Дальневосточный краевой исполнительный комитет г. Хабаровска, 1931 г.

РГИА ДВ 2 - РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4; Д. 1764. Л. 41. Украинское население в районах Дальнего Востока 1926.

РГИА ДВ 3 - РГИА ДВ. Ф. р-87. Оп. 1. Д. 808. Тезисы о политико-просветительной работе среди нацмен Приморья, 1924–1925 гг.

РГИА ДВ 4 - РГИА ДВ. Ф. р-2413. Оп. 4. Д. 1764. Список сотрудников ДВК «Союзмясо», выделенных на курсы по изучению украинского языка при ДКРНО, 1932 г.

РГИА ДВ 5 - РГИА ДВ. Ф. р-2413. Оп. 4. Д. 1764. Сеть украинских стационарных учреждений по подготовке кадров народного образования, начало 1930-х гг.

РГИА ДВ 6 - РГИА ДВ. Ф. р–87. Оп. 1. Д. 590. Карточка просвещенца (Брайко), 1923–1924 гг.

РГИА ДВ 7 - РГИА ДВ. Ф. р–87. Оп. 1. Д. 249. Годовой отчет заведующего Сучанской школы, 1923–1924 гг.

РГИА ДВ 8 - РГИА ДВ. Ф. р-87. Оп. 1. Д. 816. Совет по просвещению национальностей не русского языка при коллегии Наркомпроса, 1925.

РГИА ДВ 9 - РГИА ДВ. Ф. р-87. Оп. 1. Д. 305. V Дальневосточное краевое совещание завоно, окт. 1925 г.

РГИА ДВ 10 - РГИА ДВ. Ф. р-2413. Оп. 2. Д. 29. Постановление по вопросу о работе по народному образованию среди украинского населения, июнь 1926.

РГИА ДВ 11 - РГИА ДВ. Ф. р-2413. Оп. 2. Д. 152. Далькрайком ВКП(б) от заведующего Дальневосточным краевым отделом народного образования, 20 апреля 1927 г.

Стрюченко 1998 - *Стрюченко И.Г.* Культурное строительство и развитие культуры на Дальнем Востоке России (октябрь 1917–1922 г.) // Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 112–154.

REFERENCES

Borisenok, E. (2006) *Fenomen sovetskoy ukrainizatsii. 1920 – 1930-e gg.* [The phenomenon of Soviet Ukrainisation. The 1920-1930s]. Moscow: Evropa.

Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East on the historical break (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.

Vladykina, V.A. (ed.) (2002) *Natsionalnoe obrazovanie v Rossii: Kontseptsii, vzglyadyi, mneniya. 1905 – 1938 gg.* [National Education in Russia: Concepts, views, opinions. 1905–1938]. Part 2. Moscow: INPO.

Pak, B.D. & Bugay, N.F. (2004) *140 let v Rossii. Ocherk istorii rossiyskih koreytsev* [140 years in Russia. Essay on the history of Russian Koreans]. Moscow: RAS.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1931) *Dal'nevostochnyy kraevoy ispolnitel'nyy komitet g. Khabarovska, 1931 g.* [The Executive Regional Committee of the Far East, Khabarovsk]. Fund 2413. List 4. File 1767.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1926a) *Ukrainskoe naselenie v rayonakh Dal'nego Vostoka* [The Ukrainian population in regions of the Far East, 1926]. Fund 2413. List 4. File 1764.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1924–1925). *Tezisy o politiko-prosvetitel'noy rabote sredi natsmen Primor'ya, 1924–1925 gg.* [Thesis on political and enlightening activity among the Primoye minority in 1924–1925]. Fund r-87. List 1. File 808.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1923) *Spisok sotrudnikov DVK "Soyuzmyaso", vydelennykh na kursy po izucheniyu ukrainskogo yazyka pri DKRNO, 1932 g.* [The list of employees of the Far East industrial complex "Soyuzmyaso" who were sent to study the course of the Ukrainian language at DKRNO, 1932]. Fund r-2413. List 4. File 1764.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1930) *Set' ukrainskikh statsionarnykh uchrezhdeniy po podgotovke kadrov narodnogo obrazovaniya,*

nachalo 1930-kh gg. [The network of permanent Ukrainian agencies on preparation of personnel for public education at the beginning of the 1930-s]. Fund r-2413. List 4. File 1764.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1923–1924a) *Kartochka prosveshchentsa (Brayko), 1923–1924 gg*. [The record of the educationist (Brayko) 1923–1924]. Fund r–87. List 1. File 590.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1923–1924b) *Godovoy otchet zaveduyushchego Suchanskoy shkoly, 1923–1924 gg*. [The annual report of the head administrator of Suchanovskaya school for 1923–1924]. Fund r–87. List 1. File 249.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1925a) *Sovet po prosveshcheniyu natsional'nostey ne russkogo yazyka pri kollegii Narkomprosa, 1925* [The Council on Enlightenment of Non-Russian Speaking Nationalities at the Collegiate of People's Commissariat, 1925]. Fund r-87. List 1. File 816.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1925b) *V Dal'nevostochnoe kraevoe soveshchanie zavono, okt. 1925 g*. [The Fifth Regional Meeting of the heads of Education Departments, October 1925]. Fund r-87. List 1. File 305.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1926b). *Postanovlenie po voprosu o rabote po narodnomu obrazovaniyu sredi ukrainskogo naseleniya, iyun' 1926*. [Decree on the work on public education among the Ukrainian population, June 1926]. Fund r-2413. List. 2. File 29.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1927). *Dal'kraykom VKP(b) ot zaveduyushchego Dal'nevostochnym kraevym otdelom narodnogo obrazovaniya, 20 aprelya 1927 g*. [The Far East Committee of the VKP (b) from the head of the Far Eastern Regional Department of Public Education, April 20, 1927.]. Fund r-2413 List 2. File 152.

Stryuchenko, I.G. (1998) Kul'turnoe stroitel'stvo i razvitie kul'tury na Dal'nem Vostoke Rossii (oktyabr' 1917–1922 g.) [Cultural construction and the development of culture in the Russian Far East (October 1917–1922)]. In: Mukhachev, B.I. et al. *Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 g. i grazhdanskoy voyny* [The Russian Far East during the revolutions of 1917 and the Civil War]. Vladivostok: RAS. pp. 112–154.

Наумова Наталья Ивановна – доцент кафедры истории и документоведения исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Naumova Natalia – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tomnin@yandex.ru

УДК 81'27
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/7

ОБРАЗ РОССИИ В ЭССЕ Д. ДОНЦОВА «DER GEIST RUSSLANDS» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА): МЕТАФОРЫ, РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ*

К.С. Шиляев

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: shilyaevc@gmail.com

Авторское резюме

Работа посвящена выявлению ключевых метафор, риторических стратегий и тактик в сочинении теоретика украинского национализма Дмитро Донцова «Der Geist Russlands» («Дух России»), вышедшем в 1961 г. на немецком языке и переведенном на английский в 1967 г. Актуальность исследования обусловлена значимостью наследия Д. Донцова в формировании идеологии украинского национализма, в том числе его современных течений (ОУН). При этом парадоксальным представляется то, что в известных нам работах, посвященных взглядам Д. Донцова, ссылки на «Дух России» обнаруживаются редко. Теоретическим обоснованием и методологической базой исследования выступает теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, предоставляющая инструмент описания ключевых концептуальных метафор исследуемого текста. Концептуальная метафора рассматривается как когнитивный механизм осмысления одной сущности посредством другой и как механизм организации текста. Эссе «The Spirit of Russia» выстроено на основе ключевой текстовой метафоры религиозно-апокалиптического характера РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ. Ключевая концептуальная метафора рассматривается как организованная система концептуальных переносов с избранных автором сфер-источников (ХРИСТОС, ДЬЯВОЛ, ОДЕРЖИМОСТЬ, ЖИВОТНОЕ и др.) на релевантные сферы-мишени (РОССИЯ, РОССИЙСКИЙ НАРОД, ЗАПАД, ВОСТОК, УКРАИНА и др.). Выбор сфер-источников об-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

условлен авторской интенцией и реализует основные речевые стратегии автора: создание образа врага (России), позитивного образа Украины и Европы, убеждение читателя и его побуждение к решительным политическим действиям. Кроме метафоры, данные стратегии реализуются путем регулярных противопоставлений-параллелизмов (Россия против Украины, Россия против Европы), упоминания Украины в одном ряду с европейскими странами, применения принижающих эпитетов.

Ключевые слова: Дмитро Донцов, «Дух России», украинский национализм, дискурс-анализ, речевые стратегии, концептуальная метафора.

THE IMAGE OF RUSSIA IN DMYTRO DONTSOV'S *DER GEIST RUSSLANDS* ("THE SPIRIT OF RUSSIA"): METAPHORS, DISCOURSE STRATEGIES AND TACTICS*

K.S. Shilyaev

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: shilyaevc@gmail.com

Abstract

This research is an attempt to uncover the key conceptual metaphors, discourse strategies and tactics that underlie the political essay *The Spirit of Russia* by a radical proponent of Ukrainian nationalism Dmytro Dontsov. The legacy of this political thinker is still widely used by the Ukrainian nationalists (OUN) who are inspired by his ideals of race struggle, national will and his strong opposition to everything Russian. Though Dontsov's writings have garnered much attention in historical research, there are few if any studies that mention *The Spirit of Russia,* where Dontsov paints a grim picture of the supposed Russian nationalism, messianism and barbarism, and portrays Russia as a threat to the Western world. The key conceptual metaphor (megametaphor) underlying the whole essay is RUSSIA IS ANTICHRIST. It is manifested through a series of mappings from the domains of the Christian religion (CHRIST, ANTICHRIST, DEVIL, POSSESSION, BEAST, etc.) to the domains of RUSSIA, UKRAINE, EAST, WEST, etc. While these conceptual metaphors are important cognitive devices by themselves, they also serve to implement

* The research is supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (the RF Government Grant Nr. 14.Y26.31.0014).

Dontsov's discourse strategies: to persuade the reader of the danger inherent in Russia as a state, and to create the positive image of Europe (Ukraine being a part of it) as the last bastion in the fight against evil and the negative image of Russia as the very evil to be fought against and ultimately eliminated. The tactics or discursive moves used to implement these strategies include, among others, regular usage of pejorative epithets applied to both the Soviet Russia and the Russian Empire, parallel construction that seek to negatively compare Russia to Europe, and repeated inclusion of Ukraine into the list of European countries.

Keywords: Dmytro Dontsov, Ukrainian nationalism, *The Spirit of Russia*, discourse analysis, discourse strategies, conceptual metaphor, megametaphor.

Данное исследование посвящено выявлению риторических стратегий, тактик и ключевых метафор политического эссе «The Spirit of Russia» («Дух России») идеолога украинского национализма Дмитро Донцова (1883–1973).

Дмитрий Донцов родился в Херсонской губернии в русскоязычной семье. Закончил юридический факультет Петербургского университета, стал доктором права во Львове (1917 г.). В 1920 г. перешел на позиции украинского национализма фашистского толка. Не будучи членом Организации украинских националистов (ОУН), отводил ей значительную роль в становлении украинской независимой державы, посвятил много работ идеологическому обоснованию украинского национализма. С 1947 г. до смерти жил в Канаде, продолжая писать труды националистического толка.

Д. Донцов (1883-1973).

Исследование трудов Д. Донцова продолжает оставаться актуальным в нескольких аспектах. Современные политологи и историки подчеркивают рост интереса к теоретическому наследию украинского национализма и увеличение количества печатных изданий, посвященных его различным аспектам, на Украине. Отмечается, что эти публикации не только служат исследовательским целям, но и оказывают «мощное влияние на позиции украинского населения» (Жильцов 2014: 22). Националистическая идеология в той или иной степени используется многими современными украинскими политическими деятелями и движениями, но ее теоретическая база продолжает основываться на сочинениях идеологов середины XX в., часто без какой-либо адаптации к современным условиям (Жильцов 2014: 30).

Д. Донцов рассматривается исследователями наряду с другими идеологами украинского национализма (Н.И. Михновский, М.П. Драгоманов, М.С. Грушевский, В.К. Липинский и др.) и считается одной из наиболее ярких фигур. Будучи идеологом украинского национализма фашистского толка (Ткаченко 2006: 201), главной идеей внешней политики Д. Донцов полагал отделение от России и интеграцию в Европу, видя в этом решение как внутренних, так и внешних проблем (Сосновский 1974: 204–208). В центре его идеологии стоит абсолютизация идеи о неизбежной борьбе рас за выживание. Эта идея держится на воле, «на бездоказательном порыве, не нуждающемся ни в каких аргументах» (Ткаченко 2006: 202). Суть как раннего, так и позднего национализма Донцова емко выражена в словах С. Бандеры, на которого сочинения Д. Донцова оказали большое влияние: «Врагом был не только данный режим – царский или большевистский; сама московская нация» (Ткаченко 2006: 203). «Росія – одвічний стратегічний і містичний ворог України. Саме так ставить питання Дмитро Донцов. Там, де є Україна, нема місця для Росії і навпаки» (Квіт 2013: 121).

Анализируемая работа относится к послевоенному периоду и ориентирована на «поиск врагов (русские, поляки, евреи) и противопоставление себя им» (Жильцов 2014: 27). Поздний период творчества Д. Донцова окрашен в первую очередь мистицизмом. Среди наиболее исследованных сочинений, написанных в этом русле, можно выделить «Хрестом і мечем» и «Дух нашої давнини». Анализируемое в нашей работе эссе «The Spirit of Russia» до настоящего времени очень редко и фрагментарно попадало в поле зрения исследователей (упоминания о существовании сочинения в (Жильцов 2014)).

Работы этого периода отражают перемены в умонастроении Д. Донцова: после краха надежд на становление украинского национализма и поражения фашистского режима во Второй мировой

войне он начинает искать развязки в мистицизме (Сосновский 1974: 347–353; Квіт 2013: 142). Его отношение к религии и к христианству в частности радикально меняется: национализм увязывается с идеями мистической апокалиптической борьбы Востока и Запада. Данное изменение представляется вполне находящимся в русле многих теоретиков национализма (Загребельный 2012: 91–95), однако необходимо учитывать, что, как отмечает Сосновский, перемены взглядов Донцова были обусловлены прежде всего практической политической необходимостью (Сосновский 1974: 88). Среди общих характеристик данного периода исследователи отмечают вождизм, фашизм, антиматериализм, антирационализм, мистицизм, антипацифизм, романтизм, догматизм и иллюзионизм, фанатизм и аморальность (Зайцев 2013: 10–11).

Анализируемое политическое эссе было напечатано в Лондоне издательством «Ukranian Information Service» (далее – УИС) на английском языке (Donzow 1967). Оригинал был написан и опубликован Д. Донцовым на немецком языке (Doncov 1961); в 2011 г. был издан перевод на украинский язык (Донцов 2011). Переводчик на английский язык не указан, что позволяет предположить, что им является сам автор, хорошо владевший европейскими языками (Квіт 2017). Целью УИС являлись «мобилизация общественного мнения» в Соединенном Королевстве, «информирование о событиях на Украине» украинской диаспоры в США, распространение информации в британской прессе и «среди отдельных влиятельных лиц» (Ukrainian 2017). Основываясь на выделенных в сочинении образах, можно предполагать, что политическое эссе Д. Донцова «The Spirit of Russia» рассчитано на читателя указанных выше национальностей, сторонника «европейской демократии», носителя европейских ценностей и культуры или причисляющего себя к таковым, знакомого с мировой, в том числе русской, литературой. В свете анализируемых далее концептуальных метафор представляется, что читатель также должен разделять христианскую религиозную картину мира – в противном случае персуазивная стратегия, согласно которой был спланирован текст, скорее всего, не сработает.

С точки зрения лингвистики, «The Spirit of Russia» можно отнести к политическому дискурсу, жанру политической эссеистики. Политический дискурс, как правило, ориентированный на широкую аудиторию, характеризуется установкой на психологическое воздействие, изменение когнитивных структур читателя (Смирнова 2014: 5). Многие жанры политического дискурса ориентированы на побуждение получателя сообщения к определенного рода действиям. Как отмечает Е.И. Шейгал (2008: 18), специфика политики как сферы

человеческой деятельности заключается в ее дискурсивном характере: действовать в политике означает говорить. В свою очередь, специфику политического текста определяют «автор письменного текста, ситуация, исторический контекст, мотивация и цель» (Водак 1997: 25). В контексте современной политической лингвистики эти параметры исследуются в парадигме речевых стратегий и тактик политического дискурса (О.С. Иссерс, Г.А. Копнина, О.Л. Михалева, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Т. ван Дейк и др.).

В нашем исследовании мы будем придерживаться определений речевой стратегии и тактики, представляющихся вполне общепринятыми: речевая стратегия рассматривается как «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач» (Иссерс 2008: 182; ср.: Олешков 2006: 41; Копнина 2012: 46–52; Иссерс 2016: 108 и др.). Как правило, стратегия является более широким понятием, соотносимым с глобальными целями коммуникатора в дискурсе, а тактика – более узким, проявлением стратегии в совокупности речевых действий. Тактическая реализация стратегий в конкретных дискурсивных условиях практически всегда подвергается модификации (Иссерс 2008: 100), что позволяет говорить не только об общих стратегиях, характерных для политического дискурса, но и о тактиках их реализации в дискурсе конкретного автора или конкретном сочинении.

Хотя в современной отечественной лингвистике не существует единой классификации стратегий и тактик (Ерохина 2014), для многих жанров политического дискурса, в том числе жанра политического эссе, к которому мы относим исследуемое произведение, ведущей считается персуазивная стратегия (Логинова 2004: 26; Смирнова 2014: 5). Как отмечает И.Ю. Логинова, коммуникатор преследует две коммуникативно-прагматические интенции: воздействовать на сознание адресата, его мнение, оценки и побудить его к совершению определенных действий, так или иначе изменить его поведение (Логинова 2004: 30). Метафора как средство концептуализации действительности позволяет достичь этих целей двумя способами: аргументацией путем представления явления в новом свете в терминах другого явления (воздействие на когницию) и апелляцией к эмоциям (используя имплицитную и эксплицитную оценочность, заложенную в концептуальной метафоре). Во многих работах, вслед за О.С. Иссерс, Е.И. Шейгал, О.Л. Михалевой, исследователи выделяют стратегию формирования положительного образа и стратегию дискредитации, опирающиеся на семантическую оппозицию «свой – чужой». В анализируемом эссе Д. Донцова все три упомянутые стратегии реализуются с помощью ключевой концептуальной метафоры.

В исследовании политического дискурса метафорология занимает особое место. Начиная с 1990-х гг. количество публикаций в этой области в России и за рубежом неуклонно растет (Будаев, Чудинов 2006, 2008; Lakoff 2014). В рамках политической метафорологии особое значение приобрела теория концептуальной метафоры (Lakoff 1993; Steen 2011), где метафора рассматривается как средство концептуализации мира с помощью переноса понятий из одной области в другую, так что одна сущность мыслится в терминах другой (ср. часто выделяемые политические метафоры ГОСУДАРСТВО – ЭТО ОРГАНИЗМ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР – ГОЛОВА и т. п.). Когнитивному механизму концептуальной метафоры отводится значительная роль в формировании как «каждодневного», так и политического мышления. Метафоры могут играть определяющую роль в изображении конфликтов, позиций политических сил, политических противников. Когнитивный потенциал метафоры оказывает влияние на «конструирование социальной реальности» определенной группы людей (Будаев, Чудинов 2006: 47) и позволяет реализовать манипулятивное воздействие как путем аргументации, так и путем апелляции к эмоциям (Михалева 2009), в том числе в политически разнонаправленных медийных источниках (Резанова, Шиляев 2015a).

В нашем исследовании используется понятие ключевой текстовой метафоры – концептуальной метафоры, организующей текстопорождение (Резанова 2007; Rezanova, Shilyaev 2015b) и объединяющей более частные концептуальные метафоры, которые, в свою очередь, реализуются на лексическом уровне в виде отдельных метафорических выражений. Ключевая метафора может не быть проявлена как таковая на поверхностном уровне текста, но при этом функционировать в качестве его организующего механизма. В анализируемом политическом эссе Д. Донцова такой метафорой выступает РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ.

Развертывание данной метафоры в тексте «The Spirit of Russia» является средством реализации стратегии создания образа врага. В рамках идеологии волевого национализма Д. Донцова метафора выступает средством не только концептуализации, но и создания сопутствующего отношения, оценки, руководимой прежде всего эмоциями. Исследователи неоднократно отмечают, что Донцов, будучи не только политиком, но и литературным критиком, «был мастером пера» и вызывал сильные аффекты в читающей аудитории (Полищук 2009: 253). И.В. Шлихта в исследовании образа России в работах Д. Донцова периода 1921–1939 гг. подчеркивает, что он «принципово не відрізняється від цього ж образу в його працях попереднього періоду», однако уже в этот период «Росія… остаточно набула статус

зла метафізичного, тобто такого, що не може бути раціонально пізнаваним» (Шлихта 2013: 143).

Первая, самая крупная часть сочинения озаглавлена «The Forces of the Antichrist». С первых страниц Россия и Запад противопоставляются в борьбе. Противопоставление оформляется путем позиционирования противоборствующих сторон в апокалиптическом конфликте сил Добра и Зла, христианского мира и дьявола: «It is a struggle between *the ancient Christian civilization of the West* and *the forces of the Devil*, which are *preparing their last onslaught on the former*». С помощью метафоры противоборствующих сил реализуется еще одна функция – нагнетание атмосферы назревающего неизбежного конфликта между Россией и западным миром в виде финального сражения. В русле поворота от утверждения идеологического национализма к мистицизму Д. Донцов уточняет, что эта битва пройдет не за партийные ценности, но за души людей, «созданных по подобию Божию»: «not a struggle for territories or party programmes, but *a struggle for the soul of man created in God's likeness*». Такое изображение конфликта призвано усилить воздействие на читателя за счет «снятия» метафорического прочтения: Донцов стремится убедить читателя, что перед ним не просто религиозная метафора, а описание реального исторического, многовекового конфликта: «the great conflict between two forms of civilization, between two political, social, cultural and religious ideals, – the conflict between Europe and Russia».

Украина изображается как авангард борьбы против силы зла: «Ukraine was the first to take up the *fight against this evil power*». Тем не менее необходимо отметить, что, в отличие от других сочинений Донцова, в данном эссе Украине отведена второстепенная роль. В сочинении она представлена как жертва «московитской» агрессии («…*inflicted* on Ukraine and other nations… *conquered by Muscovites*».) и одновременно как проповедница и защитница общечеловеческих ценностей: «Ukrainian Hetman Mazepa who, like the free Caucasians, *brandished the sword of freedom against tyranny and evil*». Украина открыто позиционируется как часть романо-германского мира и противопоставляется миру «московитов»: «the Romanic-Germanic world, to which the West Slavs *and Ukrainians alike belong, and the Russian Muscovite world*».

«Сила зла» действует скрытно, подчас затаиваясь, она исходит от Москвы и в «последние времена» проявляет свое мрачное лицо под красным знаменем: «For *this power* had, in the first place, *emanated from Moscow* and then *remained invisible* for a long time»; «…*showed its grim countenance* and its red banner». В анализируемом сочинении Донцова повсеместно встречаются не только ключевая концептуальная

метафора РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ, но и когнитивная метонимия МОСКВА (МОСКОВИТЫ) ВМЕСТО РОССИИ.

В работе Д. Донцова активно используются когнитивные метонимии, одними из которых являются НАРОД ВМЕСТО СТРАНЫ и ЧЕЛОВЕК ВМЕСТО НАРОДА. Данные метонимии естественны в националистической концепции Донцова, утверждающей, что в России человек не имеет индивидуальности и тождествен коллективу: «In primitive communities… (t)he individual does not, as yet, live by his own thoughts, but merely by the collective intellect of the masses». Поскольку, в отличие от когнитивной метафоры, когнитивная метонимия является двунаправленной (Littlemore 2015), с помощью данного когнитивного механизма все характеристики русского человека как индивида могут быть риторически перенесены на общество, а характеристики общества – на индивида. Среди таких характеристик отмечаются примитивизм, отсутствие элементарных свобод и др.: «In Russia, however, as in all other *primitive* communities… *Insecurity and passivity of the individual, lack of legal mentality, complete absence of autonomous morality*... these are the chief characteristics of the Russian society». Эти характеристики создают в эссе Д. Донцова образ, полностью противоположный образу Европы. Столкновение этих образов имеет целью убедить читателя в неизбежности конфликта: «On one side, Russia, – on the other, Europe»; «irreconcilable hostility between his country and Europe»; «the national fight of the East against Europe» и многие другие цитаты.

Одной из постоянных тактик аргументации является отсылка к цитатам из Евангелий и Апокалипсиса. Цитаты, как правило, оформлены в кавычках и снабжены ссылками на главы и строки: «Our age is one of those eras of which it is prophesied in the Gospels: "And ye shall hear of wars and rumours of wars… For nation shall rise against nation, and kingdom against kingdom…" (Matthew, Ch. 24; Luke, Ch. 21)», «By their fruits ye shall know them"». Реже они подаются как прямые высказывания Донцова, приобретающие пророческий тон (но, несомненно, являющиеся узнаваемыми аллюзиями и для автора, и для целевой аудитории): «he who cooperates with the Devil, builds on sand and that his house will fall». В следующем фрагменте, содержащем аллюзию к евангельскому повествованию о гадаринском бесноватом, мы находим объединение нескольких когнитивных метонимий: СТОЛИЦА ВМЕСТО ГОСУДАРСТВА, ГОСУДАРСТВО ВМЕСТО КОНКРЕТНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ: «Moscow reminds one of the man in the Bible who was possessed of an unclean spirit, who screamed and hurled himself against stones, who rent his chains asunder, and no one had strength to tame him». В данном случае на Россию переносятся не только смыслы одержимости и безумия, но и чрезвычайной силы и опасности, неукротимости.

В интерпретации Д. Донцовым всех библейских фрагментов сохраняется общее направление метафорического переноса, обусловленное интенцией формирования образа врага. В рамках ключевой текстовой метафоры РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ осуществляется создание негативного образа российского народа, что вполне в духе донцовского национализма, проповедующего не только и не столько борьбу идей, сколько борьбу воли народов.

Другой распространенной речевой тактикой убеждения читателя и создания образа врага является обилие ссылок на целый спектр *российских* авторов: «Indeed, all the panegyrists of tsarist, democratic and Bolshevist Russia endeavour to persuade the world in general of this fact». Писатели императорской и советской России объявляются откровенными сатанистами, к ним применяются нелестные эпитеты: «Pushkin flirts with his Devil; the epileptic Dostoievsky, the panegyrist of the mad, the degenerates, and those possessed of Satan»; «(a) similar prophet of the Devil was S. Yesenin». Сочинение изобилует аналогичными ссылками (M. Voloshin, V. Ivanov, M. Gorky, A. Chekhov, A. Blok, M. Lermontov, F. Tyutchev) при составлении негативного портрета русского человека и русского народа. Со ссылками на публицистов и философов обосновывается антагонизм Европы и России (K. Leontyev, D. Merezhkovsky, V. Belinsky, S. Bulgakov, V. Rozanov, A. Herzen, Yu. Samarin). С помощью данной тактики Д. Донцов как бы «бьет врага его же оружием»: подбирает цитаты, содействующие достижению его риторических целей.

Народ России, как и его правители, находятся под влиянием злой, демонической силы: это ее слепой инструмент и раб («the *willing and obedient tool* of the power of darkness and their *blind slaves*»). Под влиянием безбожных учений его душа лишена понятия о Боге, а сам он заражен «гнилостью» («to infect man's mind, his heart and his will with *rottenness*»). Такое положение низводит российский народ в статус животного, лишенного главного, по националистическому учению Донцова, – воли: «(the Russian people) will promptly become *a pack of wild beasts or a herd of domestic animals* and will willingly allow themselves to be pushed into an iron cage or into a pen». Д. Донцов обвиняет большевиков в низведении русского человека до этого состояния: «they have created a state of affairs in which *man behaves like a ravenous wolf towards his neighbours*». Но еще худшим является то, что человек стал самим дьяволом по отношению к себе подобным: «man *became a devil towards his fellow-men*». В данном случае Д. Донцов цитирует М. Волошина, но и сам добавляет: «in Russia, in *the land of demonic slavery*». В другом месте Донцов прямо говорит, что большевики создали ад, *hell*, вместо обещанного рая. В рамках этой же метафоры вместо ангела-хранителя у русского человека оказывается приставник дьявола («In place of a guardian angel, there

is a keeper of the Devil»), с которым он так сроднился, что чувствует себя брошенным в его отсутствие («in whose absence the Russian feels "deserted"»). Русский народ живет в плену обмана и неверного представления о жизни, но при этом предпринимает попытки грандиозных преобразований и свершений, которые в исследуемом эссе уподоблены Вавилонской башне: «On this superficial foundation, *on this sandy soil*, he *builds up his intention*: "I shall *found a mad tower*" over the illusion of life – as all Russians do in accordance with the famous example of the tower of Babel». Отметим, что здесь автор использует модификацию притчи Христа и соединяет две библейские аллюзии – русский народ основывает «безрассудную башню» на песке, ср.: «Ибо кто из вас, *желая построить башню*, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: этот человек начал строить и не мог окончить?» (Лк. 14: 28–30) и «…уподобится *человеку безрассудному*, который *построил дом свой на песке*; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7: 24–27).

Отдельное место в сочинении Донцова занимают коммунисты-большевики, чей образ также формируется в рамках ключевой текстовой метафоры РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ. Наиболее частым наименованием большевиков является false prophets – лжепророки (лексема *ложь* и ее производные в целом по тексту часто соседствуют с наименованиями русского народа или метонимически замещающими его наименованиями). В ряд лжепророков включается не только лидер большевиков В.И. Ленин, но также «предтечи прогрессистской доктрины»: «the false prophets – the Frenchman Rousseau, the Jew Marx, and the Russian Lenin». Их целью является разрыв со Христом («to effect the severance from Christ») и поклонение маммоне («one should worship the material things in life, mammon, profit and pleasure»).

Метод, при помощи которого действуют «лжепророки», органично встроен в ключевую метафору эссе «The Spirit of Russia» – это обман (ср.: Ин. 8:44: «Ваш отец диавол»; «…Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи)». Д. Донцов изображает серию подмен, якобы совершенных большевиками: «as they promised everyone the annihilation of absolutism and autocracy, they have introduced an autocracy; as they promised the "common people" freedom, they have imposed a servitude a thousand times worse on them» и т. д. Коммунизм Донцов метафорически изображает как новую религию: «inasmuch as they claimed that they would *free human reasoning from the compulsory dogmas of religion*, they have *created a dogmatism and a conformism such*

as no theocracy has ever known». Божественные заповеди заменены заповедями дьявола («promised to *abolish the divine Commandments*; they have *introduced the commandments of the Devil*») и содержатся в евангелии большевиков («the "Gospel" of the said false prophets»; «they declare in their "Gospel" that they have been sent by the Devil to change the world into chaos») – «Евангелии от св. Маркса» («take their oath not on the Gospel of St. Mark, but on that of St. Marx»).

В предыдущем изложении акцент был сделан на современное Д. Донцову состояние России и метафорический способ создания ее образа. Однако нужно отметить, что сферой-мишенью в данном случае является Россия в целом, так как в рамках донцовской националистической доктрины основным «виновником» описанных бед является «дух России», «московский дух». В рамках ключевой текстовой метафоры РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ волхвы-большевики (the Bolshevist magicians) выступают *преемниками* поклонников темных сил: «new regime returned to the protection of *that dark power which the previous regime had already obeyed*». Большевизм есть такое же проявление московского мессианизма (Muscovite Messianism или, как уточняет сам Донцов, Pan-Muscovitism), как и царский империализм: «Bolshevism, as its designation signifies, is a Muscovite and, indeed, primarily a Muscovite phenomenon». Он преследует те же идеалы («the same national Muscovite ideal, which necessitates the decline of Europe»), но теперь под знаком миссии российского пролетариата («world mission of the Russian proletariat»).

В уста России вкладывается фашистский дискурс: воинствующая вера в избранность русского народа («a deep mystical belief in the great predestination, in the world mission of the Muscovite people»; «a people chosen by God»), его статус высшей расы сверхлюдей. Остальные народы именуются «низшими»: «a people of "supermen" a "higher race", was to make all the "lower races" happy and bring them under Russian rule». По отношению к ним дозволено делать все: «are Russians, the "chosen people", who, whatever they may do, do everything "for the good of mankind"». Обвиняя Россию в фашизме и мессианизме, Д. Донцов сам пропагандирует насилие: в четвертой части эссе он призывает все европейские народы на борьбу с «Апокалиптическим Драконом» – Россией. Украина, Польша и Венгрия записываются в авангард борьбы («these peoples fought their heroic fight against the Apocalyptic Dragon of Moscow»), в то время как остальные нации обвиняются в бездействии или потворстве большевикам. На последней странице эссе Донцов прямо призывает новые европейские элиты «убить дракона» – «*kill the Apocalyptic Dragon of Moscow*».

Таким образом, ключевая текстовая метафора РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ в эссе Д. Донцова «The Spirit of Russia» реализует стратегии

персуазивности, создания положительного образа (Украина и Европа как авангард христианской цивилизации – «свои») и дискредитации путем создания образа врага – России и ее народа как силы Антихриста («чужие»). Регулярная метафоризация и метонимизация позволяют Д. Донцову осуществлять широкие обобщения и риторические подмены, переносить свойства с различных элементов религиозно-мистической сферы на политико-историческую, создавая негативный, обесчеловеченный образ России и российского народа. В традиционных формулах частные концептуальные метафоры исследуемого сочинения могут быть расписаны следующим образом: РОССИЯ – АНТИХРИСТ; РОССИЯ – АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ ДРАКОН; ЗАПАД – ХРИСТОС, ВОСТОК – ДЬЯВОЛ; БОРЬБА ЗАПАДА И РОССИИ – БОРЬБА ХРИСТА И АНТИХРИСТА; МОСКВА – СРЕДОТОЧИЕ ЗЛА; ДЕЙСТВИЯ МОСКВЫ – ДЕЙСТВИЯ АНТИХРИСТА; БОЛЬШЕВИКИ – ЛЖЕПРОРОКИ; БОЛЬШЕВИКИ – СЛУГИ АНТИХРИСТА; НАРОД РОССИИ – ИНСТРУМЕНТ; НАРОД РОССИИ – БЕСНОВАТЫЙ; НАРОД РОССИИ – ВАРВАР; НАРОД РОССИИ – РАБ; НАРОД РОССИИ – ЖИВОТНОЕ; НАРОД РОССИИ – БЕС; НАРОД РОССИИ – САТАНИСТ. На реализацию основных стратегий, проявленных в сочинении, работают и более частные речевые тактики: цитирование тенденциозно подобранных цитат из классиков русской литературы и публицистики, регулярное использование принижающих и оскорбительных эпитетов, параллелизмы в противопоставлении России и Европы, риторическое блокирование Украины с Европой.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев, Чудинов 2006 - *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.

Будаев, Чудинов 2008 - *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Зарубежная политическая метафорология. Екатеринбург, 2008. 248 с.

Водак 1997 - *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.

Донцов 2011 - *Донцов Д.* Дух Росії. К.: Українська видавнича спілка ім. Ю. Липи, 2011.

Ерохина 2014 - *Ерохина Е.Г.* К содержанию понятия «речевая стратегия» в исследовании письменного дискурса // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2. С. 277–281.

Жильцов 2014 - *Жильцов С.С.* Истоки современного украинского национализма // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2014. № 4. С. 21–36.

Загребельний 2012 - *Загребельний І.В.* Особливості націоналістичної інтерпретації християнства // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. Вип. XXXII. С. 91–95.

Зайцев 2013 - *Зайцев О.* Доктрина Дмитра Донцова та її вплив на націоналістичний рух 1920–1940-х років // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2013. № 24. С. 1–19.

Иссерс 2008 - *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Иссерс 2016 - *Иссерс О.С.* Речевое воздействие. 4-е изд. М.: Флинта, 2016. 224 с.

Квіт 2013 - *Квіт С.* Дмитро Донцов: ідеологічний портрет. Львів: Галицька видавнича спілка, 2013. 192 с.

Квіт 2017 - *Квіт С.* Дмитрий Донцов: диалектика борьбы за независимое государство // Зеркало недели. Украина. 2017. URL: https://zn.ua/HISTORY/dmitriy-doncov-dialektika-borby-za-nezavisimoe-gosudarstvo-_.html (дата обращения: 11.09.2017).

Копнина 2012 - *Копнина Г.А.* Речевое манипулирование. 4-е изд., испр. М.: ФЛИНТА, 2012. 170 с.

Логинова 2004 - *Логинова И.Ю.* Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (на материале английского языка): дис. … канд. филол. наук. СПб., 2004. 195 с.

Михалева 2009 - *Михалева О.Л.* Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.

Олешков 2006 - *Олешков М.Ю.* Моделирование коммуникативного процесса. Нижний Тагил, 2006. 336 с.

Полищук 2009 - *Полищук В.В.* Проблемы этики в доктрине Д. Донцова // ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 1. С. 232–254.

Резанова 2007 - *Резанова З.И.* Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.

Резанова, Шиляев 2015а - *Резанова З.И., Шиляев К.С.* Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе // Русин. 2015. № 4 (42). С. 217–234.

Смирнова 2014 - *Смирнова И.В.* Лингвопрагматическая стратегия персуазивности в текстах программ испанских политических партий: дис. … канд. филол. наук. М., 2014. 139 с.

Сосновский 1974 - *Сосновський М.* Дмитро Донцов – політичний портрет: з історії розвитку ідеології українського націоналізму. Нью Йорк; Торонто: Trident International, Inc., 1974. 419 с.

Ткаченко 2006 - *Ткаченко Г.С.* Дмитрий Донцов // Без права на реабилитацию. 2-е изд. Киев, 2006. Кн. I.

Шейгал 2008 - *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2008. 326 с.

Шлихта 2013 - *Шлихта И.В.* Образ внешнего врага в сочинениях Дмитрия Донцова 1921–1939 годов // Интеллигенция и власть. 2013. № 28. С. 142–152.

Doncov 1961 - *Doncov D.* Der Geist Russlands. Munchen-Lochhausen: Schild-Verlag, 1961.

Donzow 1967 - *Donzow D.* The Spirit of Russia // The Real Face of Russia. Essays and articles / ed. Volodymyr Bohdaniuk. London: Ukrainian Information Service, 1967. 272 p.

Lakoff 2014 - *Lakoff G.* The All New Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate. Chelsea Green Publishing, 2014.

Lakoff 1993 - *Lakoff G.* The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / ed. Andrew Ortony. Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

Littlemore 2015 - *Littlemore J.* Metonymy. Cambridge University Press, 2015.

Rezanova, Shilyaev 2015b - *Rezanova Z., Shilyaev K.* Megametaphor as a coherence and cohesion device in a cycle of literary texts // Lingua Posnaniensis. 2015. Vol. 57, № 2. DOI: https://doi.org/10.1515/linpo-2015-0009

Steen 2011 - *Steen GJ.* The contemporary theory of metaphor – now new and improved! // Review of Cognitive Linguistics. 2011. Vol. 9, № 1. P. 26–64.

Ukrainian 2017 - Ukrainian Information Service // Ukrainians in the UK. URL: http://www.ukrainiansintheuk.info/eng/03/uis1946-e.htm (дата обращения: 11.09.2017).

REFERENCES

Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2006) *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in political interdiscourse]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2008) *Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya* [Political metaphor studies abroad]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Vodak, R. (1997) *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Politics]. Volgograd: Peremena.

Dontsov, D. (2011) *Dukh Rosiï* [The Spirit of Russia]. Kyiv: Ukraïns'ka vidavnicha spilka im. Yu. Lipi.

Erokhina, E.G. (2014) K soderzhaniyu ponyatiya "rechevaya strategiya" v issledovanii pis'mennogo diskursa [On the notion of discourse strategy in research on written discourse]. *Vestnik IGLU – Bulletin of Irkutsk State University of Linguistics.* 2. pp. 277–281.

Zhiltsov, S.S. (2014) The origins of contemporary Ukrainian Nationalism. *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya – Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Political Sciences.* 4. pp. 21–36. (In Russian).

Zagrebelniy, I.V. (2012) Osoblivosti natsionalistichnoï interpretatsiï khristiyanstva [Nationalistic interpretations of Christianity]. *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu.* 32. pp. 91–

95.

Zaytsev, O. (2013) Doktrina Dmitra Dontsova ta ïï vpliv na natsionalistichniy rukh 1920–1940-kh rokiv [Dmytro Dontsov's doctrine and its influence on the nationalist movement in the 1920s–1940s]. *Ukraïna: kul'turna spadshchina, natsional'na svidomist', derzhavnist'* [Ukraine: cultural heritage, nationality, sovereignty]. 24. pp. 1–19.

Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Discourse strategies and tactics in Russian speech]. Moscow: LKI Publishing.

Issers, O.S. (2016) *Rechevoe vozdeystvie* [Manipulation in discourse]. Moscow: Flinta.

Kvit, S. (2013) *Dmitro Dontsov: ideologichniy portret* [Dmytro Dontsov: the ideological portrait]. Lviv: Galician Publishing Union.

Kvit, S. (2017) Dmitriy Dontsov: dialektika bor'by za nezavisimoe gosudarstvo [Dmytro Dontsov: the dialectics of struggle for a sovereign state]. *The Weekly Mirror. Ukraine.* [Online] Available from: https://zn.ua/HISTORY/dmitriy-doncov-dialektika-borby-za-nezavisimoe-gosudarstvo-_.html (Accessed: 11th September 2017).

Kopnina, G.A. (2012) *Rechevoe manipulirovanie* [Manipulation in discourse]. Moscow: Flinta.

Loginova, I.Yu. (2004) *Lingvopragmaticheskne osobennosti teksta programmy politicheskoy partii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Linguistic and pragmatic features of the programmes of political parties (in the English language)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

Mikhaleva, O.L. (2009) *Politicheskiy diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Manipulation in political discourse]. Moscow: LIBROKOM.

Oleshkov, M.Yu. (2006) *Modelirovanie kommunikativnogo protsessa* [Modelling the process of communication]. Nizhniy Tagil: Nizhniy Tagil State Social Pedagogic Academy.

Polishchuk, V.V. (2009) Problemy etiki v doktrine D. Dontsova [Ethical problems in D. Dontsov's doctrine]. *POLITEKS.* 5(1). pp. 232–254.

Rezanova, Z.I. (2007) Metafora v lingvisticheskom tekste: tipy funktsionirovaniya [Metaphor in texts on linguistics: functional types]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Bulletin. Philology.* 1. pp. 18–29.

Rezanova, Z. & Shilyaev, K. (2015a) Ukraine and Russia in the social conflict: metaphorical modeling in Russian media discourse. *Rusin.* 4(42). pp. 217–234. DOI: 10.17223/18572685/42/15

Smirnova, I.V. (2014) *Lingvopragmaticheskaya strategiya persuazivnosti v tekstakh programm ispanskikh politicheskikh partiy* [Linguistic and pragmatic persuasion strategy in the programs of Spanish political parties]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Sosnovskiy, M. (1974) *Dmitro Dontsov – politichniy portret: z istoriï rozvitku*

ideologiï ukraïns'kogo natsionalizmu [Dmytro Dontsov – a political portrait. On the history of development of Ukrainian nationalism]. New York–Toronto: Trident International, Inc.

Tkachenko, G.S. (2006) *Dmitriy Dontsov. Bez prava na reabilitatsiyu* [Dmitry Dontsov. No right to rehabilitation]. Book I. Kyiv: [s.n.]. pp. 195–199.

Sheygal, E.I. (2008) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.

Shlikhta, I.V. (2013) Obraz vneshnego vraga v sochineniyakh Dmitriya Dontsova 1921–1939 godov [The image of the enemy in the works by D. Dontsov in 1921–1939]. *Intelligentsiya i vlast'*. 28. pp. 142–152.

Doncov, D. (1961) *Der Geist Russlands* [The Spirit of Russia]. Munich-Lochhausen: Schild-Verlag.

Donzow, D. (1967) The Spirit of Russia. In: Bohdaniuk, V. (ed.) *The Real Face of Russia. Essays and articles*. London: Ukrainian Information Service.

Lakoff, G. (1993) The contemporary theory of metaphor. In: Ortony, A. (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge University Press. pp. 202–251.

Lakoff, G. (2014) *The All New Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate*. Chelsea Green Publishing.

Littlemore, J. (2015) *Metonymy*. Cambridge University Press.

Rezanova, Z. & Shilyaev, K. (2015b) Megametaphor as a coherence and cohesion device in a cycle of literary texts. *Lingua Posnaniensis*. 57(2). DOI: https://doi.org/10.1515/linpo-2015-0009

Steen, G.J. (2011) The contemporary theory of metaphor—now new and improved! *Review of Cognitive Linguistics*. 9(1). pp. 26–64. DOI: 10.1075/rcl.9.1.03ste

Ukrainian Information Service. (n.d.) *Ukrainians in the UK*. [Online] Available from: http://www.ukrainiansintheuk.info/eng/03/uis1946-e.htm (Accessed: 11th September 2017).

Шиляев Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Shilyaev Konstantin – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shilyaevc@gmail.com

УДК 327.3
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/8

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БЕЛОРУССИИ (1992–2017 гг.): МАЛОЕ ГОСУДАРСТВО НА ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗЛОМЕ*

В.П. Зиновьев[1], Е.Ф. Троицкий[2]

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина 36
[1]E-mail: vpz@tsu.ru
[2]E-mail: eft@rambler.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается постсоветская история внешней политики Белоруссии сквозь призму эволюции ее отношений с Россией. Цель исследования – определить, какая из внешнеполитических стратегий, опробованных Белоруссией на практике, в наибольшей степени соответствует национальным интересам страны. Научная значимость работы заключается в применении концептуального аппарата, разработанного теорией международных отношений для объяснения внешней политики «малых государств», к анализу внешней политики Белоруссии как малой страны, оказавшейся косвенно вовлеченной в конфликт между Россией и ЕС. Практическая значимость материала – в попытке оценить последствия внешней политики Минска для будущего российско-белорусских отношений. Методологически исследование опирается на неореалистическую теорию международных отношений. Использованы политико-описательный метод, наблюдение, анализ документов и политического дискурса. В результате исследования авторы выделяют три периода постсоветской истории российско-белорусских отношений. В 1991–1993 гг. Белоруссия стремилась к военно-политическому нейтралитету. В 1994 г. основой ее внешней политики стал военно-политический союз и экономическая интеграция с Россией. При всех проблемах и противоречиях этот курс проводился до 2014 г. В 2014–2017 гг., в условиях резкого обострения отношений между Россией и Западом, Белоруссия перешла к политике лавирования между РФ и ЕС. Признавая, что эта стратегия приносит Мин-

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

ску тактические дивиденды, авторы приходят к выводу, что она не соответствует долгосрочным национальным интересам страны и чревата рисками для белорусской государственности. Проведенное исследование позволяет предположить, что в международных ситуациях повышенного риска стратегический выбор малых стран может отклоняться в сторону более рискованного внешнеполитического поведения. Авторы прогнозируют нарастание отчужденности и обострение противоречий в российско-белорусских отношениях.

Ключевые слова: белорусско-российские отношения, Союзное государство, отношения между ЕС и Белоруссией, украинский кризис.

THE FOREIGN POLICY OF BELARUS (1992–2017): A SMALL STATE AT THE GEOSTRATEGIC BREAK*

V.P. Zinovyev[1], E.F. Troitskiy[2]

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
[1]E-mail: vpz@tsu.ru
[1]E-mail: eft@rambler.ru

Abstract

The paper focuses on the post-Soviet history of Belarusian foreign policy through the lens of its relations with Russia. It aims at finding out which of the foreign policy strategies tested by Belarus has been the most adequate to its national interests. The paper's significance consists in the application of the concepts developed by the international relations theory with the purpose of explaining the foreign policies of "small states" to the analysis of the foreign policy of Belarus as a small state indirectly involved in the conflict between Russia and the EU. The authors evaluate the consequences of Minsk foreign policy for the future relations between Russia and Belarus. The research employs the neorealist theory of international relations and uses the methods of political description, observation, analysis of documents and political discourse. The authors distinguish three periods of the post-Soviet Russian – Belarusian relations. In 1991–1993, Belarus sought a military-political neutrality. After 1994, the foreign policy of Belarus was founded on the military-political alliance and economic

* The results were obtained under the Government Contract of the Ministry of Education and Science of Russia, Project Nr. 33.1687.2017 / 4.6.

integration with Russia. Despite all the problems and contradictions, this policy was pursued until 2014. In 2014–2017, with the sharp deterioration in relations between Russia and the West, Belarus shifted to the policy of manoeuvring between Russia and the EU. Although this policy brings tactical gains to Belarus, the authors argue that it does not contribute to the long-term national interests of the country and is fraught with serious risks for Belarusian statehood. The research suggests a hypothesis that in higher-risk national situations the strategic choice of small states can deviate to riskier foreign policy patterns. The authors predict the increased estrangement between Russia and Belarus and exacerbated contradictions in bilateral relations.

Keywords: Belarusian – Russian relations, the Union State, EU – Belarusian relations, Ukrainian crisis.

Белоруссия – малое европейское государство с населением 9,5 млн чел., не имеющее выхода к морю и располагающее очень ограниченной природно-ресурсной базой. Ее соседи, Россия и Европейский союз, несоизмеримо превосходят Белоруссию по экономическим, политическим и военно-силовым параметрам; третий сосед, Украина, переживает затяжной политический и социально-экономический кризис. Внешние условия формирования и развития белорусской государственности, таким образом, объективно ограничивают Минск в возможностях реализации автономного внешнеполитического курса.

Как показывает внешнеполитическая практика, малые страны выбирают, как правило, одну из трех внешнеполитических стратегий: стремятся к нейтралитету, становятся «младшими партнерами» великих держав либо пытаются уравновесить влияние крупных держав, вступая в альянс с другими малыми и средними странами (The National Security 1997: 180–182). За четверть века независимости Белоруссия предпринимала попытки реализации каждой из этих стратегий. Внешняя политика республики является предметом ожесточенной дискуссии ученых, публицистов, политиков, которые пытаются выяснить, соответствует ли объявленная многовекторность национальным интересам этой страны (Шарапо 2006; Многовекторность 2016; Баранчик 2017).

Данная статья – это краткий очерк современной истории внешней политики Белоруссии и попытка определить, какая из внешнеполитических линий, проверенных Минском на практике, наиболее соответствует национальным интересам Белоруссии.

Безусловно, краеугольный камень внешней политики Белоруссии – отношения с Россией. Особые отношения диктуются не только общей историей и этническим родством народов, но и совпадением многих политических и экономических интересов. Белоруссия глубоко интег-

рирована в российскую экономику через прямые связи с регионами, создание совместных предприятий, эксплуатацию транспортных коммуникаций. Более половины внешнеторгового оборота страны (по итогам 2015 г., 39 % экспорта и 57 % импорта) приходится на РФ (CIA 2017). Стороны заинтересованы друг в друге и в сфере безопасности: России важно иметь доступ к стратегическому пространству Белоруссии, а Белоруссии – опираться на российскую военную мощь и политическую поддержку.

Историю взаимоотношений независимой Белоруссии и России можно разделить на три периода: 1) декабрь 1991 г. – конец 1993 г.; 2) 1994–2013 гг.; 3) с 2014 г. до настоящего времени. В первый период, когда у власти в Белоруссии находились либералы-реформаторы, Минск рассчитывал на присоединение к Европейскому союзу. Этой политике соответствовало сближение с Литвой. В октябре 1991 г. была подписана белорусско-литовская Декларация о принципах добрососедских отношений, обязывавшая стороны соблюдать права этнических меньшинств, а в марте 1993 г. – Соглашение о свободной торговле. В русле этой политики лежали действия председателя Верховного Совета С.С. Шушкевича, направленные на роспуск СССР и создание СНГ, на присоединение Белоруссии к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства. Шушкевич весьма неохотно шел на военно-политическое сотрудничество в рамках СНГ, подчеркивая стремление страны к нейтральному статусу. В конце 1993 г. Верховный Совет, преодолевая сопротивление националистов и либералов, проголосовал за присоединение к Договору о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г., положив конец нейтралистским устремлениям белорусской либеральной элиты. Непопулярность внешней политики Шушкевича стала одной из причин смещения его в январе 1994 г. с поста председателя Верховного Совета.

Внешняя политика Белоруссии кардинально изменилась с избранием в июле 1994 г. А.Г. Лукашенко главой государства. Началось сближение позиций Белоруссии и России во внешней политике. В то же время произошло резкое охлаждение отношений Минска с западными странами и евроатлантическими структурами.

6 января 1995 г. было заключено российско-белорусское Соглашение о таможенном союзе, в феврале 1995 г. – Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве на 10 лет с последующим автоматическим продлением (Договор 1995). В мае 1995 г. состоялось торжественное открытие свободного движения через российско-белорусскую границу. 2 апреля 1996 г. был заключен Договор об образовании Сообщества Белоруссии и России, нацеленный на

политическую и экономическую интеграцию двух стран. Были созданы межгосударственные структуры: Высший Совет в составе глав государств, Исполнительный комитет, Парламентское собрание Сообщества (Договор 1996).

2 апреля 1997 г. был подписан Договор о создании Союза Белоруссии и России. 23 мая того же года был принят Устав Союза Белоруссии и России, который вводил понятия гражданства Союза, предусматривал формирование бюджета, введение единой валюты, судебной системы. Сформированные ранее межгосударственные органы Сообщества стали органами Союза (Устав 1997).

8 декабря 1999 г. организационно-правовая форма российско-белорусской интеграции вновь претерпела изменения: был подписан Договор о создании Союзного государства Белоруссии и России. Были созданы Высший государственный совет Союзного государства, Совет министров и Парламентское собрание. Постоянный комитет Союзного государства, возглавляемый государственным секретарем, является рабочим органом Совета министров Союзного государства. Окончательно структуру и статус высших органов власти Союзного государства должен был установить конституционный акт, ссылка на который содержится в тексте договора (Договор 1999). Содержание конституционного акта стало предметом длительных дискуссий. Белоруссия предлагала создать союз государств на равноправной основе, российские предложения предусматривали передачу Белоруссией части суверенитета на наднациональный уровень. В итоге вопрос о принятии конституционного акта был фактически снят с повестки дня.

В 2000-е гг. стало очевидным, что российско-белорусская интеграция, достигнув на первых этапах реальных результатов, зашла в тупик. Тупиковость ситуации является результатом существования в Белоруссии и России различных экономических моделей и отсутствия у белорусского руководства реальной мотивации к отказу от суверенитета. В экономической сфере, несмотря на взаимозависимость экономик двух стран, так и не удалось ввести единую валюту. Трижды – в начале 2004 г., в начале 2007 г. и в июне 2010 г. – в российско-белорусских отношениях возникали «газовые кризисы»: «Газпром», требуя повышения цены на продаваемый Белоруссии газ и контроля над ее газотранспортной системой, прекращал поставки газа стране. По соглашению, подписанному в начале 2007 г., цена на газ для Белоруссии возросла с 46 долл. за тысячу кубометров до 100 долл., а с 2011 г. приравнивалась к ценам, установленным для европейских импортеров (Yafimava, Stern 2007). С 2007 г. Россия ввела пошлину на нефть, экспортируемую в Белоруссию, что лишило Минск

доходов, получаемых от реэкспорта российской нефти. «Газпром», постепенно выкупая акции «Белтрансгаза», стал в 2011 г. единственным владельцем белорусской газотранспортной компании, заплатив за нее в итоге 5 млрд долл.

Меньше противоречий было выявлено и больше результатов достигнуто при сотрудничестве в военной сфере. Белоруссия сохранила боеспособные, хорошо оснащенные войска. Они насчитывают около 50 тыс. военнослужащих. В Белоруссии – в Барановичах и Вилейке – действуют российские военные объекты. В 2001 г. была принята единая Военная доктрина Союзного государства, которую в 2016 г. было решено обновить с учетом современных реалий. Белорусский оборонно-промышленный комплекс фактически функционирует как часть российского ОПК. В то же время Белоруссия, будучи членом Организации Договора о коллективной безопасности, категорически исключает возможность отправки своих военнослужащих за пределы национальной территории, что противоречит ее обязательствам в рамках ОДКБ (Закон 2005).

ЕС и США отреагировали на углубление российско-белорусского сотрудничества политикой санкционного давления на Минск, мотивируемого обвинениями Белоруссии в нарушении прав человека и непризнанием легитимности президента и парламента. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Белоруссией и Евросоюзом, подписанное в 1995 г., не вступило в силу. В феврале 1997 г. Совет министров ЕС, не признав итоги референдума в Белоруссии о расширении полномочий президента, решил прекратить все виды помощи стране (за исключением гуманитарной) и сохранить лишь программы регионального и демократического развития, т. е. фактически стал поддерживать оппозицию. В Евросоюзе был введен запрет на выдачу виз белорусскому руководству. В июне 2007 г. ЕС вывел Белоруссию из-под действия Генерализованной системы преференций – недискриминационного торгового режима (European Commission 2007). Белоруссию, единственную из европейских стран, не приняли в Совет Европы.

Администрация США ввела в 2004 г. запрет на выдачу виз белорусскому руководству и финансовые санкции в отношении лиц, причастных к нарушениям прав человека и организации «нелегитимных» выборов в Белоруссии, названной госсекретарем США К. Райс «последней диктатурой в Европе» (Rice 2005). В конце 2007 г. американские власти заморозили счета белорусской государственной нефтяной компании «Белнефтехим». В знак протеста Белоруссия отозвала в марте 2008 г. посла из Вашингтона и настояла на отъезде американского посла из Минска.

Глубокий кризис в российско-американских и российско-европей-

ских отношениях, разразившийся в 2014 г. вследствие неконституционной смены власти и вооруженного конфликта на Украине, оказал существенное влияние на внешнюю политику Белоруссии. Ее президент, давно и небезосновательно неудовлетворенный состоянием отношений с Россией, увидел в сложившейся ситуации возможность «разморозить» отношения с Западом и извлечь из всплеска напряженности в Европе политические и финансовые дивиденды. Минск не только не признал российский суверенитет над Крымом, но и занял позицию в отношении конфликта в Донбассе, колеблющуюся между подчеркнутым нейтралитетом и солидарностью с «ведущими войну за независимость» киевскими властями (Лукашенко 2017). Был налажен масштабный реэкспорт в Россию «санкционных» товаров из ЕС. Минск публично заявил, что не видит необходимости открывать в Белоруссии вторую российскую военную базу – после того, как вопрос был, по-видимому, уже согласован (Лукашенко 2015). В конце 2016 г., на фоне введенных Россией ограничений на импорт белорусской молочной продукции и очередного «газового кризиса», из Минска прозвучали заявления о возможности выхода из Евразийского экономического союза. Последовавший за этим публичный обмен инвективами между белорусским президентом и российским премьер-министром вышел за рамки не только дипломатии, но и элементарных приличий.

Конечно, Россия и Белоруссия по-прежнему остаются союзниками, скрепленными многоуровневой взаимозависимостью и структурами Союзного государства, ОДКБ и ЕАЭС, а динамика двусторонних отношений и раньше напоминала колебания маятника, хотя и не столь широкой амплитуды. Однако за 2014–2016 гг. двусторонние отношения во многом утратили доверительность и предсказуемость. Показательно появление множества новых раздражителей – от выдачи Минском Азербайджану российского гражданина, обвиненного в Баку в незаконном посещении Нагорного Карабаха, до восстановления Россией пограничного контроля с Белоруссией, предпринятого в качестве реакции на введение Минском безвизового въезда для граждан ряда европейских государств.

Новые веяния в белорусской политике не остались незамеченными на Западе. ЕС и США значительно ослабили санкции в отношении Минска, а выборы 2015 г., принесшие А.Г. Лукашенко пятый президентский срок, вызвали на удивление вялую критику в Брюсселе и Вашингтоне. Евросоюз признал, что Белоруссия играет «конструктивную роль» в регионе (EEAS 2016). Было возобновлено взаимодействие между Белоруссией и Международным валютным фондом. Моментом славы для А.Г. Лукашенко стал вынужденный визит в Минск в феврале 2015 г. «грандов» европейской политики А. Меркель и Ф. Олланда

для заключения договоренностей о «замораживании» конфликта в Донбассе.

В 1994–2013 гг. белорусское руководство добилось весомого внешнеполитического результата: белорусская государственность с ее самобытным социально-экономическим устройством развивалась благодаря тесному сотрудничеству с Россией, а не через конфликт с ней. При этом Минск искусно избегал фундаментальных уступок РФ, что позволило Белоруссии стать одним из немногих малых государств, обладающих значительным пространством внешнеполитического маневра. В 2014–2016 гг. Белоруссия стала склоняться к политике лавирования между Россией и ЕС и уравновешивания российского влияния через тактические альянсы с Украиной и – в рамках ЕАЭС и ОДКБ – с Казахстаном.

На наш взгляд, тактические выгоды, получаемые Минском от лавирования между Москвой и Брюсселем, вряд ли перевешивают ущерб, который наносится при этом российско-белорусским отношениям. Складывается впечатление, что белорусское руководство недооценивает глубину геостратегического разлома, пролегающего между Россией и ЕС вследствие украинского кризиса и санкционной войны. Дальнейшее балансирование на краю этого разлома чревато серьезными угрозами самой белорусской государственности, успешному становлению и развитию которой в значительной степени способствует своеобразное, но несомненное внешнеполитическое мастерство первого и пока единственного президента Белоруссии. Видимо, он полагает, что путь В. Януковича ему не уготован, а судьба Украины его не пугает.

ЛИТЕРАТУРА

Баранчик 2017 - *Баранчик Ю.* Внешняя политика Беларуси: системный кризис. URL: https://regnum.ru/news/2237938.html (дата обращения: 19.07.2017).

Договор 1995 - Договор о дружбе,добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 21 февраля 1995 г. URL: http://www.belrus.ru/law/act/dokumentyi_opredelyayuchie_osnov/dogovor_o_druzhbe_dobrososedstve_i_sotrudnech.html (дата обращения: 19.07.2017).

Договор 1996 - Договор об образовании Сообщества России и Беларуси от 2 апреля 1996 г. URL: http://www.belrus.ru/law/act/dokumentyi_opredelyayuchie_osnov/dogovor_ob_obrazovanii_ soobschestva_rossii_i_.html (дата обращения: 19.07.2017).

Договор 1999 - Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. URL: http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5 (дата обращения: 19.07.2017).

Закон 2005 - Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь». URL: http://laws.newsby.org/documents/laws/law0361.htm (дата обращения: 19.07.2017).

Лукашенко 2015 - *Лукашенко А.Г.* Речи о размещении российской военной авиабазы на территории Беларуси не велось. URL: http://www.belta.by/president/view/lukashenko-rechi-o-razmeschenii-rossijskoj-aviabazy-na-territorii-belarusi-ne-velos-165419-2015 (дата обращения: 19.07.2017).

Лукашенко 2017 – *Лукашенко А.Г.* Братская Украина ведет войну за независимость. URL: https://zn.ua/WORLD/bratskaya-ukraina-vedet-voynu-za-nezavisimost-lukashenko-237170_.html (дата обращения: 19.07.2017).

Многовекторность 2016 - Многовекторность во внешней политике Республики Беларусь: материалы международных круглых столов / Под ред. А.В. Русаковича. Минск: Изд. Центр БГУ, 2016.

Устав 1997 - Устав Союза Беларуси и России от 23 мая 1997 г. URL: http://www.hrights.ru/text/belorus/souz_d/Chapter3.htm (дата обращения: 19.07.2017).

Шарапо 2006 - *Шарапо А.В.* Внешняя политика Республики Беларусь на современном этапе // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. 2006. № 3. С. 15–22.

CIA 2017 - CIA World Factbook 2017. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/ (дата обращения: 19.07.2017).

EEAS 2016 - European External Action Service. EU – Belarus Relations, Factsheet. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/4014/eu-belarus-relations-fact-sheet_en (дата обращения: 19.07.2017).

European Commission 2007 - European Commission. Press Release, 18.06.2007. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-07-844_en.htm (дата обращения: 19.07.2017).

The National Security 1997 - The National Security of Small States in a Changing World. L.: Frank Cass, 1997.

Rice 2005 - Rice: Belarus is «last dictatorship» in Central Europe. URL: https://www.euractiv.com/section/med-south/news/rice-belarus-is-last-dictatorship-in-central-europe (дата обращения: 19.07.2017).

Yafimava, Stern 2007 - *Yafimava K., Stern J.* The 2007 Russia – Belarus Gas Agreement. URL: https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2011/01/Jan2007-The2007Russia-BelarusGasAgreement-KatjaYafimavaandJonathanStern-.pdf (дата обращения: 19.07.2017).

REFERENCES

Baranchik, Yu. (2017) *Vneshnyaya politika Belarusi: sistemniy crisis* [The Foreign

Policy of Belarus: A Systems Crisis]. [Online] Available from: https://regnum.ru/news/2237938.html (Accessed: 19th July 2017).

Russian Federation and the Republic of Belarus. (1995) *Dogovor o druzhbe, dobrososedstve i sotrudnichestve mezhdu Rossiyskoy Federatsiey i Respublikoy Belarus ot 21 fevralya 1995 g.* [Treaty on Friendship, Good Neighbourhood and Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus of February 21, 1995]. [Online] Available from: http://www.belrus.ru/law/act/dokumentyi_opredelyayuchie_osnov/dogovor_o_druzhbe_dobrososedstve_i_sotrudnech.html (Accessed: 19th July 2017).

Russian Federation and the Republic of Belarus. (1996) *Dogovor ob obrazovanii Soobshchestva Rossii i Belarusi ot 2 aprelya 1996 g.* [Treaty on Establishing the Community of Russia and Belarus of April 2, 1996]. [Online] Available from: http://www.belrus.ru/law/act/dokumentyi_opredelyayuchie_osnov/dogovor_ob_obrazovanii_soobschestva_rossii_i_.html (Accessed: 19th July 2017).

Russian Federation and the Republic of Belarus. (1999) *Dogovor o sozdanii Soyuznogo gosudarstva ot 8 dekabrya 1999 g.* [Treaty on Establishing the Union State of December 8, 1999]. [Online] Available from: http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5 (Accessed: 19th July 2017).

The Republic of Belarus. (2005) *Zakon Respubliki Belarus ot 14 noyabrya 2005 g. № 60-Z "Ob utverzhdenii osnovnyh napravleniy vnutrnney i vneshney politiki Respubliki Belarus"* [Law № 60-Z of the Republic of Belarus of November 14, 2005 On Approving the Basic Directions of Domestic and Foreign Policies of the Republic of Belarus]. [Online] Available from: http://laws.newsby.org/documents/laws/law0361.htm (Accessed: 19th July 2017).

Lukashenko, A.G. (2015) Rechi o razmeshchenii rossiyskoy voennoy aviabazy na territorii Belarusi ne velos [Deployment of the Russian military base in Belarus was not discussed]. [Online] Available from: http://www.belta.by/president/view/lukashenko-rechi-o-razmeschenii-rossijskoj-aviabazy-na-territorii-belarusi-ne-velos-165419-2015 (Accessed: 19th July 2017).

Lukashenko, A.G. (2017) *Bratskaya Ukraina vedyot voynu za nezavisimost* [Fraternal Ukraine wages a war of independence]. [Online] Available from: https://zn.ua/WORLD/bratskaya-ukraina-vedet-voynu-za-nezavisimost-lukashenko-237170_.html (Accessed: 19th July 2017).

Rusakivich, A.V. (ed.) (2016) *Mnogovektornost vo vneshney politike Respubliki Belarus* [Multiple Vectors in the Foreign Policy of Belarus]. Minsk: Belarus State University.

Russian Federation and the Republic of Belarus. (1997) *Ustav Soyuza Belarusi i Rossii ot 23 maya 1997 g.* [Charter of the Union of Belarus and Russia of May 23, 1997]. [Online] Available from: http://www.hrights.ru/text/belorus/souz_d/Chapter3.htm (Accessed: 19th July 2017).

Sharapo, A.V. (2006) Vneshnyaya politika Respubliki Belarus na sovremennom etape [The present-day foreign policy of the Republic of Belarus]. *Vesnik*

Belaruskaga dzyarzhaŭnaga ŭniversiteta – Journal of Belarus State University. 3. pp. 15–22.

CIA. (2017) *CIA World Factbook 2017*. [Online] Available from: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook (Accessed: 19th July 2017).

EEAS. (2016) *European External Action Service. EU – Belarus Relations, Factsheet*. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/4014/eu-belarus-relations-fact-sheet_en (Accessed: 19th July 2017).

European Commission 2007 – *European Commission*. Press Release, 18.06. 2007. [Online] Available from: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-07-844_en.htm (Accessed: 19th July 2017).

Inbar, E. & Sheffer, G. (eds) (1997) *The National Security of Small States in a Changing World*. London: Frank Cass.

Euractive.com. (2005) *Rice: Belarus is "last dictatorship" in Central Europe*. [Online] Available from: https://www.euractiv.com/section/med-south/news/rice-belarus-is-last-dictatorship-in-central-europe (Accessed: 19th July 2017).

Yafimava, K. & Stern, J. (2007) *The 2007 Russia – Belarus Gas Agreement*. [Online] Available from: https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2011/01/Jan2007-The2007Russia-BelarusGasAgreement-KatjaYafimavaandJonathanStern-.pdf (Accessed: 19th July 2017).

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Zinovyev Vasiliy – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Троицкий Евгений Флорентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета (Россия).

Troitskiy Evgeny – Tomsk State University (Russia).

E-mail: eft@rambler.ru

УДК 323/324
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/9

«ПРАВДА» И «ПОСТПРАВДА» В РЕВОЛЮЦИОННО-ЦЕННОСТНОМ КОНФЛИКТЕ НА УКРАИНЕ

А.И. Щербинин[1], Н.Г. Щербинина[2]

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
[1] E-mail: shai52@mail.ru
[2] E-mail: sapfir19@mail.ru

Авторское резюме

В октябре 2017 г. новый киевский Майдан напомнил украинцам, что революция не закончилась, что правда так и не восторжествовала, а добро не победило зло. Это дает повод рассмотреть важнейшее ценностное основание «правда», а также порожденную эпохой деконструкции «постправду» как вполне актуальные информационно-политические феномены. В данной работе с позиций Ж. Деррида показано, как «текст правды» теряет моральную универсальность и появляются читательские версии «постправды». В политической культуре постсовременности «правда» и «постправда» утрачивают знаковую антиподность, они равнозначны как смысловые феномены. «Правда», противостоящая «лжи», одновременно проявляет себя как атрибутивное свойство «нашего» (добра, истины и т. п.). «Чужое» наделяется свойствами зла, лжи. В эпоху частных обменов, «блогера как текста» «постправда» получает равные права с «правдой» на маркирование «наших» и врагов, добра и зла. Более того, в самой «правде», как показал М. Бахтин, кроется ее противоположность – ложь. Это касается официальной «правды», «правды сегодняшнего дня», лгущей о своем служении будущему. Отрицанием ее является «народная правда», воплотившаяся в революции. Рассматривая носителей этой «правды» на примере киевского Майдана, авторы обращаются к сравнению с революциями прошлого. Революционно-ценностный конфликт на Украине описывается в виде двух антитетических медиареальностей. Они репрезентировали стороны революционного символического противостояния в виде спектакулярного действа и военного героического поединка. Данная политическая форма деконструкции содержала ценностную подоплеку,

которая приобрела символическую динамику старого/нового, «смены правд», по Бахтину, и западного / восточного. Уже со времени первого Майдана «правда революции» трансформировалась в «постправду». Инверсивность ценностного конфликта на Украине проявилась в конструктивистской «недостаточности» моделируемой бинарной медиареальности. Вместо цельного текста «правды украинской революции» конституировались частные трактовки ее содержания. Сам Майдан как «текст» постоянно менял собственные версии, а попытки создания мифогероической политической конструкции сопровождались параллельными деконструктивными актами. В результате новый смысловой политический контекст не был создан, а революция с ее ценностным конфликтом упрочилась в качестве старого стереотипа. Значит, украинская революция, по сути, не завершилась.

Ключевые слова: деконструкция, «правда», истина, «постправда», революция, карнавал, Украина.

TRUTH AND *POST-TRUTH* IN THE REVOLUTIONARY AXIOLOGICAL CONFLICT IN UKRAINE

A.I. Shcherbinin[1], N.G. Shcherbinina[2]

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
[1] E-mail: shai52@mail.ru
[2] E-mail: sapfir19@mail.ru

Abstract

In October 2017, the new Kiev Maydan reminded Ukrainians that the revolution was not over, that the truth had not triumphed, and the good had not taken over the evil. This gives grounds to consider the most important basic value of *truth* as well as the *post-truth*, generated by the era of deconstruction, as a relevant information and political phenomena. Drawing on J. Derrida, this research shows how the *text of truth* loses its moral universality to generate readers' versions of *post-truth*. In the postmodern political culture, *truth* and *post-truth* lose their benchmark antipodality and become equal as semantic phenomena. *Truth* confronting lies simultaneously manifests itself as an attribute of *ours* (good, true, etc.). *Theirs* is endowed with the properties of evil, lies. In the era of private exchanges, *blogger as a text*, *post-truth* has equal rights with

truth to label us and our opponents, the good and the evil. Moreover, according to M. Bakhtin, truth itself contains its opposition – lie. It concerns the official truth, *the truth of today* lying about its service to the future. Opposed to it is *people's truth* epitomised by the revolution. Considering the bearers of this *truth* through the example of the Kiev Maydan, the authors compare it with past revolutions. The revolutionary and axiological conflict in Ukraine is described in the form of two antithetic media realities. They represented the sides of the revolutionary symbolic confrontation in the form of a spectacular action and a military heroic duel. This political form of deconstruction contained an axiological motive, which acquired the symbolic dynamics of the old/new, *changing truths*, as termed by Bakhtin, and the western/eastern. Since the first Maydan, the *truth of the revolution* has been transformed into the *post-truth*. The inversion of the axiological conflict in Ukraine manifested itself in the constructivist *insufficiency* of the simulated binary media reality. Instead of a single text of the *truth of the Ukrainian revolution*, media constituted private interpretations of its content. The Maydan as a *text* constantly changed its own versions, while attempts to create a mytho-heroic political structure were accompanied by parallel deconstructive acts. As a result, a new semantic political context was not created, and the revolution with its conflict of values established as an old stereotype. Thus, the Ukrainian revolution, in fact, has not ended.

Keywords: deconstruction, truth, verity, post-truth, revolution, carnival, Ukraine.

В данной статье «правда» и «постправда» понимаются нами как информационно-политические феномены, репрезентирующие украинский конфликт в виде ценностного разлома. «Правда» в качестве одной из высших ценностей политической культуры вообще представляет собой субъективную концепцию, имеющую форму заслуживающего доверия знания. До недавнего времени «правда» уступала лишь «истине», которая объективно отражала действительную фактичность, соответствуя принципу «научности», либо была эманацией сверхценного сакрального Абсолюта. В сфере политико-информационной «правда» субъективная версия событий должна была положительно коррелировать с объективно фундированным истинным знанием и верифицированными фактами. При этом «правда» до сих пор означает в политическом смысле не только «правильное», соответствующее норме сущего, но и «лучшее», имеющее моральную коннотацию должного. Потому в отличие от неизменной и бесспорной истинной основы бытия «правда» всегда репрезентировала информационную вариативность и принципиальные воззрения в политических словопрениях. Отсюда «истина» в модерне отражала абстрактные божественные или научные всеобщие закономерности, а «правда» – конкретно конституированную смысловую целостность «текста».

Что же должна была нести людям политическая информация в период модерна? Заданный моральным императивом информационный посыл вынужденно демонстрировал «правдивую» версию событий, которые происходили в действительности. Субъективная трактовка информационного «текста» здесь демонстративно рационально соотносилась с объективностью самих фактов. Тем не менее «правда» в политике всегда помещалась в символическую рамку, оформляющую эмоциональное представление о мире, «свой – чужой». «Правда» обычно «своя», а «свои» всегда «правы». Отсюда следует неизбежная трансформация в мифосхему «добро – зло». Своя «правда» непременно «добро», а для «чужих» свойственны «неправда» или «зло», потому «чужие» неизбежно дезинформируют «нас» в процессе политической коммуникации. Особенно ярко данная символическая оппозиция эксплицируется в ценностных понятиях революционных конфликтов и их персонификациях, что случается во все времена.

В политической культуре постмодерна «истина» и «правда» были практически уравнены как относительные информационные феномены. «Истина» из информации, принятой на веру, превратилась в аналог «правды», версии смыслонесущей информационной конструкции «текста». Стало очевидным, что медиареальность никогда и не отражала объективной действительности и вместо «правды жизни» содержит симулякры и симуляции, знаки без референтов (Бодрийяр 2017: 61–66). Симулякры заведомо подделывают информационную реальность и иногда подают ее для восприятия более правдоподобной, чем то, что было на самом деле или чего не было вообще. Симулякр есть копия без оригинала: например, украинская революция представляет себя в виде аналога буржуазно-демократической революции, но конфликт социальных сил прошлого замещен ценностным расколом, конституированным в виртуальном мире. Так копия занимает место оригинала: конфликт ценностей скрывает, что социального переворота вообще не будет, а все, что есть, – постановочно. Здесь образ последней украинской революции отражает образ «демократической революции» как таковой, и возникает символ символа, а именно виртуальная реальность «последняя украинская революция», существующая в виде инсценированного «текста». Инсценируются не только события революции, ее знаки, но и ее смысл. С 2010 г. появляется термин «постправда», а в 2016 г. Оксфордский словарь назвал «постправду» «словом года» («Постправда». 2016). Состояние политической культуры, когда «истина» потеряла свою роль первоосновы знания, характеризуется взрывом превращенных информационных феноменов. В информационной сфере утвердились

фейковые новости, новости-фальшивки. В результате (как деконструкция журналистского расследования в духе модерна) появился постсовременный ревизионистский феномен «борьбы» с фейковыми новостями. К примеру, российские СМИ «разоблачаются» как главный поставщик фейковых новостей, что в свою очередь создает следующую фейковую новость из самого акта разоблачения. Такого рода активность подается в качестве предпосылки для гибридной войны на Украине (Федченко 2017).

В результате информационных пертурбаций в логике бинарных оценочных оппозиций «постправда» стала занимать в постсовременной медиасреде место «лжи». Получается, что раньше сообщали правдивую политическую информацию, а сегодня ее сменили потоки лживого дискурса. Но не все так просто и однозначно, а сложность ситуации имеет два аспекта выражения. Во-первых, политическая пропаганда прошлого открыто использовала ложные аргументы и фактоиды. Но, несмотря на это, мир пропаганды как смысловая реальность обладал собственной особой «правдой». На этот феномен указали К. Вашик и Н. Бабурина в исследовании плакатной коммуникации: «В данном контексте плакаты являют собой не доказательство исторической правды, и их нельзя судить по тому, насколько провозглашаемые ими идеи и цели соответствовали «истине», т. е. реальной политике. Плакаты – это визуальные заявления должного, а не сущего и относятся, таким образом, к тем «историческим истинам», которые зачастую резко расходятся с реальным опытом и переживаниями зрителей. Но то же самое относится и к современной изобразительной рекламе в целом: она знает, что лжет, и одновременно претендует на свою собственную правду» (Вашик, Бабурина 2004: 85). Таким образом, феномен «правды» в конструктивной информационной реальности артикулируется в виде особого «мира правды», и особенно заметны такие смыслонесущие конструкции в политической культуре модерна.

В чем же состоит трансформация постсовременных информационных феноменов? Выявить сущность их преображения нам поможет метод деконструкции Ж. Деррида (Деррида 2000). «Деконструкция» служит для нас способом понимания ментального действия, разрушающего некую смысловую целостность, заданную авторским репрессивным началом, и образующего новый смысловой контекст. С позиции новоявленного прочтения символический смысл «текста правды» утрачивает моральную универсальность, потому и появляются читательские версии «постправды». Первое действие метода деконструкции, «разборки» конструкции «правды», включает «различение», т. е. выявление бинарной оппозиции. Правде в политическом

дискурсе противостоит «ложь», хотя по сути «ложь» противоположна «истине». Вообще-то лжи, сознательному обману должны противостоять «неправда», искреннее заблуждение и, вследствие этого, невольный обман. Как бы то ни было, «правда» и «постправда» как политические тексты могут образовывать бинарную оппозицию, если под «постправдой» понимать именно недостоверную (лживую) информацию. Сегодня такое распространенное толкование «постправды» свидетельствует о верности модернистским принципам понимания. Согласно терминам Деррида, подобное мышление задано логоцентризмом политических высказываний. Логоцентизм же, в свою очередь, выстраивает ценностную иерархию понятий: правда совершенна и высока, ложь ущербна и низка. Но в новом смыслополагании, идущем не от Логоса, а от текста («все есть текст», по Деррида), они ценностно уравниваются. «Правда» и «постправда» обозначают тот «реальный» смысл, который вкладывает в них читатель. Другими словами, читатель придает качество субъективной реальности и «постправде». Потому оба члена бывшей модернистской оппозиции не демонстрируют в политической культуре постсовременности знаковую антиподность, напротив, они равнозначны как смысловые феномены.

Далее мы подошли к этапу «инверсии», когда в силу смысловой перестановки сама по себе оппозиция терминов не просто потеряла ценностную значимость, а в условиях постсовременного консенсуса в отношении отсутствия монополии «правды» на истину стала невозможной. «Истинная правда» перевоплотилась в «постправду». «Правда» и «постправда» теперь не противостоят в политическом дискурсе как абсолютные феномены и архетипические репрезентации «добра» и «зла». Множественные «постправды», утратившие атрибут моральной исключительности авторской властности, приобрели информационную относительность как таковую. «Постправда» – всего лишь условная «правда» читателя. Перед нами частные интерпретации, прочитанные отдельные истории, лишенные героической конструктивной значимости и сопричастности безусловной Истине. Тем самым «правда» развенчивается в ходе операции деконструкции, а инверсия выражается в замене / подмене «правды» на «постправду».

Теперь понятие «постправда» манифестирует нам, что больше нет цельного текста «правды власти и народа», но существуют раздельные «постправды», и авторская инстанция власти сущностно уравнена со всеми текстами-интерпретациями и читателями. То есть как инверсивный информационный феномен «постправда» образует «текст» иного рода. Место идеологизированного «великого проекта», управляемой сверху макроконструкции занял прямой «текст», конституированный тем субъектом, который воспринимает информацию. В результате

субъект восприятия теряет качество реципиента и сам становится «текстом». Примечательно, что таким текстом-читателем, по сути, является и блогер-журналист. Он теперь не отвечает за истинность авторской информации, а просто имеет свое читательское мнение, которое передается в виде «текста-блогера» новым читателям, поскольку последние читают то, что и хотели прочитать. Так что текстуальность на основе «постправды» – не оригинал, а копия, которая не имеет референта в объективной действительности. Такого рода «текст» становится самореференциальным, он представляет лишь частную / частичную версию политической реальности, а не «кальку» официального доминирующего нарратива. То есть мир политики сегодня воспринимается в виде сериала или множества историй, рассказанных о политике. Люди верят тому из рассказчиков, чью историю они могут присвоить как прочитанный «текст». Конечно, при этом упорядоченная информационная конструкция власти, воздействующая на сознание своей архетипической силой принуждения, трансформируется в нагромождение частей из «разобранного» целого.

Так разрушается стереотипное не только представление об информационной реальности, но и научный постулат линейной магистральной коммуникационной деятельности. И возникает новый образ частных обменов. Тут-то и теряется терминологическая значимость противопоставления «правды» (истины, добра) и «постправды» (лжи, зла). Именно деконструкция должна дать возможность понять способ, посредством которого старое понятие «правды» переозначилось в нечто отличное от «правды» в новом информационном контексте. Реализация способа, на наш взгляд, состоит в функционально-коммуникативном замещении «правды» на «постправду». Функциональность подмены состоит в том, что одна схема интерпретации меняется на другую. Сама деконструкция политического гипертекста, связанного отсылками к прецедентному Тексту, и игра новых мини-текстов против иерархии старых знаков уравнивает «правду» и «постправду», но из хаоса различных частных смысловых феноменов обязательно возрождается космос и упорядочивается семиосфера. Так совершается рекомпозиция целостности и возникает новый мир (обновленные ценности и смыслы), который говорит на новом языке коммуникации, понимаемом семиотически. В данном ключе деконструкция есть процесс переворачивания традиционной политической иерархии, приводящий к более высокой оценке того, что ранее полагалось «низким» и подчиненным семиотическому «верху».

В каких же, собственно, формах происходит деконструкция политического мира значений? Главной формой деконструкции в политике, на наш взгляд, выступает «смеховая коммуникация», па-

родирующая официальную власть, уничтожающая конструктивные каноны и навязанную ими картину мира. А способом существования и разновидностью самой смеховой коммуникации является, в частности, «революционный карнавал», превращающий политическую революцию в информационное шоу, сценой которому служит политическая реальность, данная для актуального переопределения противостоящим политическим акторам. Из революционного хаоса различных знаковых толкований и разлома цельных смысловых конструкций, идущего на смену прежней более или менее определенной политической реальности, рождается новый космос значений матричного типа. Можно назвать его и доминирующим «символическим универсумом», согласно терминологии П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман 1995). В случае образования такой матрицы смыслов символическая власть легитимного номинирования политической реальности присваивается официальным государственным «тестом». Тогда политическая власть конструирует «мир правды», смысловой мир, с которым увязаны все частные интерпретации. То есть любая успешная революция политически конструктивна.

Однако в последней революции на Украине хаос, вопреки ожиданиям, не сменился космизацией политического мира. А Майдан стал исторической формой деконструкции самой политической революции, очевидной пародией на возрождение мира, причем с элементами фарса. Украинская революция представляла собой симбиоз карнавальной самопрезентации как «жанра» и отдельных попыток мифологизации углубляющегося политического конфликта. Майдан и послемайданная политическая реальность Украины остались в состоянии организованного хаоса «постправд»: и революция, и политический миф не были завершены как смыслонесущий текст-конструкт. Политические апории «медиатекста Украина» были явлены, но новые интерпретации не найдены, потому что во многом революция свелась к имитации себя и отрицанию основ. Поиск нового, как мы понимаем Деррида, не является абсолютным нигилизмом и отказом от ментальных традиций, в противном случае «ищется то, неизвестно что». Традиция «конституирует» политические смыслы, а деконструкция их дополняет, переосмысливает. При этом деконструкцию нельзя возводить в абсолют, тогда революция действительно станет процессом ценностного обновления. Сегодня на Украине говорят о следующем Майдане, но возможная революция станет уже пародией на пародию, поскольку в предыдущем «разломе» последующая по ритуалу политическая конструкция (мир смысла) не воссоздана и деконструировать будет просто нечего. И копии украинских революций («постреволюций»?) могут множиться до бесконечности.

Методологический инструментарий нами дополнен синтезированной интерпретационной схемой на основе бахтинского подхода к феноменам правды, а также к революции как карнавалу. Последнее позволяет высказать сомнение в том, что связи правды и революции имеют характер побочной проблемы, увязываясь только в ценностном аспекте. А заодно и в прямолинейных выводах, согласно которым правда – это безусловное добро, а ложь – зло. Действительно, по Бахтину, ложь является наиболее современной и актуальной формой зла (Бахтин 1996a: 69). Но так ли добра правда? Правда – это всегда чьи-то мысли, чьи-то слова о предмете. Они официальны и внешни для человека. В них уже оценка, и эта оценка извне задается человеку.

В чем скрываемый смысл правды сегодняшнего дня? В том, что он лжет о будущем. Выдавая себя за «слугу будущего», он стремится сохраниться в нем (Бахтин 1996a: 67). И он навязывает эту официальную правду, заставляет в нее верить. Сегодняшняя правда превращается в официальную точку зрения, будучи «откровением», правда не была «откровенной» с человеком. Правда неизменно изо дня в день побеждала человека. «Она всегда что-то умалчивала, окружала себя тайной и, следовательно, насилием» (Бахтин 1996a: 67). Итак, правда становится официальным институтом подавления человека. Она холодна, она серьезна. Поэтому, продолжим мы, моральные основания недоверия к правде сегодняшнего дня могут превратиться в революционные действия. Антиподом такой правды становится то, что сегодня окрестили термином «постправда», а Бахтин, предпринимая разыскания в культуре, истории и литературе минувших веков, обратился к феномену карнавальности.

Бахтин в карнавале видит «смену правд». В набросках «О Маяковском» он вглядывается в правду революции: былая серьезность становится смешной, прежний страх – нестрашным. Новая правда утверждает себя в крике улицы, в уличном лозунге, в разоблачении лжи старой правды. Правда будущего уже не может быть лакированной утопией, будущее можно конкретно потрогать. Оно уже в настоящем, само настоящее при этом героизируется, легитимируя новую правду – правду революции (Бахтин 1996b: 50–52, 55).

Революцию очень удобно сравнивать с хаосом: институты, структуры, ценности и тому подобное претерпевают деструкцию, т. е. происходит разрушение социальных и политических конструкций. В какой-то степени это соответствует и механике глубинной смены социальной структуры на коммунитас, о которой писал В. Тэрнер, считая, что она представляет «самую суть» человеческой взаимоотнесенности, «обладает экзистенциальными качествами», что коммунитас «сопровождается переживаниями небывалой силы» (Тэрнер 1983:

198). В данной связи не случайно на первое место среди множества частных конфликтов выходит непримиримый конфликт ценностей. Но при этом революция нередко воплощается в привлекательную коммунитарную (и коммуникативную) форму спектакля. Цель любого спектакля – нести радость, даже если это драма. Кен Нэбб свою книгу, посвященную событиям во Франции 1968 г., где революция предстает как спектакль, назвал «Радость революции» (Нэбб 2003).

Революция как «мир спектакля» делит общество на два воображаемых ментальных мира – старый и новый, версию и инверсию реальности. Так, А. де Токвиль сравнивает сконструированное литераторами воображаемое общество с надстройкой, в которой «все казалось простым и упорядоченным, единообразным, справедливым и разумным» (Токвиль 1997: 118). Это еще не сценарий, но уже идея спектакля. Сценарий напишут политики, а анонсируют в газетах, памфлетах, куплетах. Страсть к спектаклю усиливается, когда воображение толпы отвернулось от реальности старого общества с его рутинной правдой сегодняшнего дня, чтобы обратиться к новой правде, которую откроет им волшебный мир спектакля о будущем (Токвиль 1997: 118).

Чаяния нового мира пока носят самый общий характер, имея в своем знаменателе базовый концепт правды. По Токвилю, массовое сознание в этот момент на первый план выносит деструкцию: «…Горестные и торопливые искания лучшего приводят только к порицанию прошлого и мечтам о порядке вещей, совершенно противоположном существующему» (Токвиль 1997: 137). Прошлое для революции не только то, что минуло, но и что должно пройти. В первую очередь это касается «уже готовой, победившей, господствующей правды, которая выступала как вечная, неизменная и непререкаемая правда» (Бахтин 1965: 15). Например, в манифесте «перестроечного аудита» советского прошлого и настоящего, а также образов будущего – сборнике «Иного не дано» – последовательно ставятся вопросы: «Может ли правда быть поэтапной?» и «Перестройка: правда о социализме и судьба социализма» (Бовин 1988; Виноградов 1988). Логично, что судьба социализма ставится в зависимость от правды о нем, но заметим, что, как и в эпоху Великой французской революции, снова «утаенную» правду и правду-истину конструируют интеллектуалы. Перефразируя идеи Токвиля об истоках революции, отметим, что массы включаются в революцию не потому, что стали жить хуже, а потому, что им это объяснили, а в контексте нашей статьи – «открыли правду».

Переход от горестного к радостному сулит спектакль революции, революционный карнавал, выполняющий важную коммуникативную функцию. Сценарий его таков, что он охватывает весь мир,

редуцируя пространство и время, политические в первую очередь, до пространства революционной «сцены» и «времени» (а по бахтинскому хронотопу и объединяя их), в революционном спектакле: «Это подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений… Он смотрел в незавершимое будущее» (Бахтин 1965: 15). Революционный карнавал, согласно логике жанра, отрицал существующий режим, официоз в целом и официальные праздники, где «связь с временем была формальной, смены и кризисы были отнесены в прошлое» (Бахтин 1965: 14). Карнавал, напротив – продукт кризисов, он вскрывает их в прошлом и настоящем, доискиваясь до утаиваемой правды. Пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности правд и властей проникнуты все символы и формы карнавального языка (Бахтин 1965: 16). *Но все это протекает в атмосфере враждебности* «всему готовому и завершенному, всяким претензиям на незыблемость и вечность» (Бахтин 1965: 16). Бахтин в противовес серьезной, устрашающей официальной правде-насилию неоднократно употребляет словосочетание «веселая правда о мире» как «иная правда», пишет о доверии народа к шутовской правде. Однако, в отличие от революционного карнавала, в собственно карнавале люди «понимали, что за смехом не таится насилие» (Бахтин 1965: 108–109).

Собственно, с этого момента мы можем говорить о различии карнавала как культурного феномена и революционного карнавала как явления, имеющего конкретные политические цели, продюсеров, сценаристов и режиссеров. Несомненной удачей последних является обращение к силам, кроющимся в коммунитас, массовом обществе и карнавале, как культурной форме презентации «народных настроений». Обратимся к карнавальной форме Майдана как символа украинской революции, фактически «пробного камня», на котором проверялись чистота идеи, народная правда. Он был зримым гарантом легитимности переворота. Поскольку революционный майдан в силу его режиссуры и спонсирования заинтересованными лицами оказался псевдокарнавалом, то на главные роли ими продвигались политические партии, лидеры. То, что годилось для переворота, становилось тормозом для государственного и народно-хозяйственного строительства. Майдан в Киеве претендует на контроль над новой властью, сохраняя при этом функционал и атрибутику революционного карнавала. Носители новой «правды» революции, явленной в ее спектакле, с недоверием относились к парламентским процедурам, лидерам, не прошедшим «боевое крещение» на майдане (Щербинин 2014). В данной связи партиям и лидерам недостаточно демонстрировать лояльность ритуально и символически. Дело в том, что карна-

вальная форма тяготеет к тотальности: «В самом деле, карнавал не знает разделения на исполнителей и зрителей. Он не знает рампы… Карнавал не созерцают, в нем живут и живут все, потому что по идее своей он всенароден… От него некуда уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ. Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальной свободы. Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, к которому все причастны» (Бахтин 1965: 12). Но в нашем случае более существенным является то, что «в карнавале сама жизнь играет, разыгрывая… другую свободную (вольную) форму своего осуществления, свое возрождение и обновление на лучших началах» (Бахтин 1965: 12). И вот здесь, после сцены «Переворот», где отвергли старую правду вместе с режимом, логически должна идти сцена «Созидание», причем на новых началах. Проблема кроется в том, что будущее и новое – не одно и то же, о чем талантливо написал Борис Гройс (Гройс 2015). А новое можно предложить, когда ты ориентирован во времени. И опять время и пространство смыкаются в украинском спектакле: темное прошлое – это СССР / Россия, а светлое будущее – «це Європа».

Вторая проблема заключается в том, что для текучей политической формы, какой является революционный карнавал, устойчивые моменты – лишь ритуалы, тогда как разорвавшее пуповину государство творит законы и указы, политику в целом по своим извечным законам, уже не корреспондируя с топологически находящимся рядом, но отделенным стенами (и принятым) Майданом. И хотя ритуалы по-прежнему значимы для власти – как «важные творцы политических убеждений посредством постоянного использования ограниченного набора мощных символов, которые часто ассоциируются с эмоциональным жаром» (Kertzer 1998: 95), проблема политического суверенитета важнее. Карнавал как эмоционально заряженная субстанция весьма чуток к фальши, он осознает, что вновь возникают две правды – карнавальная правда «незавершимого / незавершаемого будущего» и официальная и институциализирующая правда новой власти. Именно в данный момент с новой силой прорывается «постправда».

Революционный спектакль, разворачивавшийся сравнительно недавно, актуален и поныне, в том числе и для исследователей. Его пытаются осмыслить в логике принятых социальными науками схем протеста, включая и теорию революции (цель, характер, движущие силы и т. п.). Как правило, выводы, основанные на такой методологии, чреваты просчетами и натяжками. По мнению Э. Ги Дебора, спектакль живет вне логики, он манипулирует смыслами, отрицает им

же провозглашенные ценности: «Власть спектакля может в равной степени отрицать все, что угодно, единожды и трижды, и заявлять, что она не будет больше говорить об этом, и объявлять что-то совершенно иное, прекрасно зная, что она теперь не рискует получить никакого иного ответа ни на ее собственной, ни на какой-либо другой территории» (Дебор 2000: 130–131). В нем логична любая нелепица, как, в частности, М. Саакашвили, экс-президент чужой страны, лишенный гражданства и на Украине, объявляющий себя рупором новой революции. Майдан как символ протеста принимает все, в нем логичны любые маски и импровизации революционного спектакля. Особенность Майдана-текста, как нам представляется, состоит в том, что выводимая им антитеза правды старой и правды новой не достигает конструктивной завершенности. Текст не дописан и потому не дочитан. Хаос революции не перешел в смысловой порядок, поэтому революция должна продолжаться.

И особенно наглядно эту мысль подтверждают попытки создания в ходе последней украинской революции мифогероических конструкций, которые позиционировались в виде «фактов» для выражения ценностного конфликта. Использование мифогероической модели обеими сторонами конфликта вызвано конститутивными задачами – формированием образа врага. В результате по принципу «отзеркаливания» и, по сути, антитетично выстраивались два героических мира. Сначала противостояние осуществлялось на самом Майдане, а затем затронуло и военный конфликт, вплоть до прихода к власти президента Порошенко. Каждый мир объявлял себя «правдой», полной смысла, а противостоящий мир – бессмысленным и лживым. Но конструктивное творчество с обеих сторон ограничилось демонстрацией разрозненных «мифоклипов». Непродолжительная и номинативная связь мифомотивов в формате «информационного клипа» исключала переход его в форму нарратива-конструкции, полной версии «героического путешествия» (Кэмпбелл 1997). Мифотворчество в данной связи демонстрирует типичный семиозис как номинацию, о смысле которой писал Ю.М. Лотман (Лотман, Успенский 2001: 527). Но в данной «номинативной» политической реальности не названо имя Героя, т. е. политического лидера, проходящего героический путь. Мифологизируемые персонажи «клипов» просто нарекаются «героями»: «герои Майдана» и «ополченцы-герои». Так возникают противостоящие героические воинства, поскольку само имя мифологично.

Единственной моделью для ценностно-конфликтного дискурса двух непримиримых «правд» выступает мифосхема «герой – враг». Герой не действует как самостоятельный политический актор и

выводится на сцену в силу своего сущностного противостояния врагу: «фашисты / антифашисты», «боевики / ополченцы». Термины, обозначающие врагов, например «фашисты» и «сепаратисты», презентируют как раз неприятие чуждых ценностей. Сама конструкция образа врага архетипична, и отличительным вражеским качеством выступает «лживость». Главные инспираторы большой лжи – «внешние враги», а «внутренние враги» – их лживые пособники, потому ни тем, ни другим нельзя верить. «Внешние враги» относятся к «чужому» миру, а «внутренние» предают «свой» мир (Щербинина 2011: 229). Ценности врага полагаются антиценностями, стоящими вне культуры и цивилизации, потому и самому врагу отказывается в человеческой символизации. Символическую операцию преобразования человека в животное В. Боннелл считает деструктивной и поясняет ее смысл: «Искусство изображения врага – это, прежде всего, искусство трансформации человека во что-то нечеловеческое и представление его в форме, узаконивающей данную деструкцию или, по крайней мере, ущемление» (Bonnell 1999: 198). Со стороны украинской власти обесчеловеченный враг номинировался «колорадами». Для принижения врага жители Юго-Востока часто использовали выражение «бандерлоги», означавшее звериную бессмысленную жестокость. И если герой украинского антитетичного героического мифа не стал Героем-лидером, то враг был лишен дьявольского статуса Врага рода человеческого. Способом принижения символики врага стал смех: «колорады» и «бандерлоги» – это не персонажи серьезного поединка Героя со Злом, а смехотворные их деконструкции. Деконструкция как таковая лишает текст единства и подвергает «разборке» идею мифа – героическое спасение коллектива.

Из других мифоэлементов встречается мотив жертвенности героев. Это и «Небесная сотня», и «беркуты-мученики», и «мученики за федерализацию» и т. п. Героизм мучеников с обеих сторон подается традиционно как жертва в основание Нового Мира. В результате символически выстраивалось политическое пространство конфликта ценностей, а именно мир и антимир. Для Киева «мир» – это единая и неделимая страна, репрезентированная картой Украины. Но карта, согласно Ж. Бодрийяру, симулирует реальность даже репрезентации мира. Новый Мир уже рассыпается, еще не закрепившись в виде территории, а карта лишь скрывает, что мира Новой Украины, по сути, нет. Противостоит официальному проекту оппозиционный проект «Новороссия», носящий тоже виртуальный характер. Новороссия представляет собой некий вариант «государства правды». Но суть проекта не государственническая, а культурная. Прямое отношение к указанному ценностному конструкту имеет и актуализированное

в мифодискурсе конфликта понятие новой реальности «Русский мир», еще одно виртуальное культурное единство, стоящее в одном смысловом ряду со средневековыми понятиями «Славянский мир» и «Святая Русь». В ценностном ключе «правильный» и справедливый Русский мир противостоит несправедливости и «неправде» антирусского мира.

Итак, очевиден ценностный стержень данной конфликтной коммуникации в контексте попыток конституирования героического мифа. Ценностный раскол, как и положено, артикулирует две параллельные системы ценностей, два «текста правды». Но сегодня данные версии «правды» существуют скорее как воспринятые множественные тексты, которые читают опять же люди-тексты. При этом ценностный вектор интерпретативной рамки обращен в антитетичное прошлое, а именно в период «советской оккупации» / Великой Отечественной войны. В прошлом оказывается и Лидер-герой, знаково выразительно отсутствующий в настоящем. Словом, Герой, космизирующий мир, не явился, но названы героеподобные участники революции. Потому ценностная иерархия героического политического мифа и мифологика его рассказывания не достраиваются до конца. Это не позволяло развить ведущую и смыслонесущую тему «спасения». И даже идеологически референтные образы Запада и России не давали возможности называния имени и осуществления потребной героической персонификации. В результате героический путь оказался не пройденным, а политический миф подвергся деконструкции, т. е. вместо смыслового единого мира «правды» образовались частные реальности «постправд». Миф как бы свернулся до «мифоклипа» поединка героя и врага.

Таким образом, прослеживается своеобразное нисхождение смыслового содержания украинской революции, которая, искусственно конструируя ценностный конфликт борьбы «правд», в результате деконструировала собственную сущность до процессирующего множественного копирования знаковых пародий на самое себя.

ЛИТЕРАТУРА

«Постправда» 2016 - «Постправда» стала словом года по версии Оксфордского словаря // Русская служба BBC.16.11.2016. URL: http://www.bbc.com/russian/news-37995176 (дата обращения: 15.09.2017).

Бахтин 1965 - *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и ренессанса. М.: Худож. литература, 1965. 525 с.

Бахтин 1996a - *Бахтин М.М.* Риторика, в меру своей лживости… // Собр. соч. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 63–70.

Бахтин 1996b - *Бахтин М.М.* К вопросам теории романа. К вопросам теории смеха. <О Маяковском> // Собр. соч. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 48–62.

Бергер, Лукман 1995 - *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995. 323 с.

Бовин 1988 - *Бовин А.Е.* Перестройка: правда о социализме и судьба социализма // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 519–550.

Бодрийяр 2017 - *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2017. 320 с.

Вашик, Бабурина 2004 - *Вашик К., Бабурина Н.* Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 415 с.

Виноградов 1988 - *Виноградов И.И.* Может ли правда быть поэтапной? // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 277–296.

Гройс 2015 - *Гройс Борис.* О новом. Опыт экономики культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 240 с.

Дебор 2000 - *Дебор Ги.* Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.

Деррида 2000 - *Деррида Ж.* О грамматологии / Пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

Кэмпбелл 1997 - *Кэмпбелл Д.* Герой с тысячью лицами. К.: София Ltd., 1997. 336 с.

Лотман, Успенский 2001 - *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура: Статьи и исследования // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 525–543.

Нэбб 2003 - *Нэбб К.* Радость революции. М.: Едиториал, 2003. 144 с.

Токвиль 1997 - *Токвиль А. де.* Старый порядок и революция. М.: Моск. филос. фонд, 1997. 252 с.

Тэрнер 1983 - *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

Федченко 2017 - *Федченко Е.* Во всех российских СМИ работают сотрудники спецслужб // IPG Международная политика и общество. URL: http://www.ipg-journal.io/intervju/statja/ show/vo-vsekh-rossiiskikh-smi-rabotajut-sotrudniki-specsluzhb-374 (дата обращения: 11.10.2017).

Щербинин 2014 - *Щербинин А.И.* Революционный спектакль: опыт и современная постановка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3 (27). С. 65–73.

Щербинина 2011 - *Щербинина Н.Г.* Мифогероическое конструирование политической реальности России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 287 с.

Bonnell 1999 - *Bonnell Victoria E.* Iconography of Power: Soviet Political

Posters under Lenin and Stalin. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1999. 363 p.

Kertzer 1998 - *Kertzer David I.* Ritual, Politics and Power. New Haven; London: Yale University Press, 1998. 235 p.

REFERENCES

BBC.com. (2016) *"Postpravda" stala slovom goda po versii Oksfordskogo slovarya* ["Postpraveda" has became the word of the year according to the Oxford Dictionary]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/russian/news-37995176 (Accessed: 15th September 2017).

Bakhtin, M.M. (1965) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Bakhtin, M.M. (1996a) *Sobranie sochieniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 63–70.

Bakhtin, M.M. (1996b) *Sobranie sochieniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 48–62.

Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Academia-Tsentr, MEDIUM.

Bovin, A.E. (1988) Perestroyka: pravda o sotsializme i sud'ba sotsializma [Perestroika: The truth about socialism and the fate of socialism]. In: Sakharov, A., Zaslavskaya, T. & Lemeshev, M. *Inogo ne dano* [There is no other way]. Moscow: Progress. pp. 519–550.

Baudrillard, J. (2017) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM.

Vashik, K. & Baburina, N. (2004) *Real'nost' utopii. Iskusstvo russkogo plakata XX veka* [The Reality of Utopia. The art of the Russian poster of the 20th century]. Moscow: Progress-Traditsiya.

Vinogradov, I.I. (1988) Mozhet li pravda byt' poetapnoy? [Can the truth be gradual?]. In: Sakharov, A., Zaslavskaya, T. & Lemeshev, M. *Inogo ne dano* [There is no other way]. Moscow: Progress. pp. 277–296.

Grois, B. (2015) *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [About the New. Experience of the Culture Economy]. Moscow: Ad Marginem.

Debord, G. (2000) *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Translated from French by S. Ofertas, M. Yakubovich. Moscow: Logos.

Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [On Grammatology]. Translated from French by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.

Campbell, D. (1997) *Geroy s tysyach'yu litsami* [The Hero with thousand faces]. Translated from English by K. Semyonov. Kiev: Sofiya Ltd.

Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (2001) Mif – imya – kul'tura: Stat'i i issledovaniya [Myth – Name – Culture: Articles and research]. In: Lotman, Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 525–543.

Knabb, K. (2003) *Radost' revolyutsii* [The Joy of Revolution]. Translated from English. Moscow: Editorial.

Tocqueville, A. de. (1997) *Staryy poryadok i revolyutsiya* [The Old Order and Revolution]. Moscow: Moskovsky filosofskiy fond.

Turner, V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Translated from English. Moscow: Nauka.

Fedchenko, E. (n.d.) Vo vsekh rossiyskikh SMI rabotayut sotrudniki spetssluzhb [Special services officers work in all Russian media]. *Mezhdunarodnaya politika i obshchestvo – International Politics and Society*. [Online] Available from: http://www.ipg-journal.io/intervju/statja/ show/vo-vsekh-rossiiskikh-smi-rabotajut-sotrudniki-specsluzhb-374 (Accessed: 11th October 2017).

Shcherbinin, A.I. (2014) Revolutionary performance: experience and modern production. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (27). pp. 65–73. (In Russian).

Shcherbinina, N.G. (2011) *Mifogeroicheskoe konstruirovanie politicheskoy real'nosti Rossii* [Mytho-heroic design of the political reality of Russia]. Moscow: ROSSPEN.

Bonnell, V.E. (1999) *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Kertzer, D.I. (1998) *Ritual, Politics and Power*. New Haven; London: Yale University Press.

Щербинин Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinin Aleksey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shai52@mai1.ru

Щербинина Нина Гарриевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinina Nina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sapfir.19@mai1.ru

УДК 324
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/10

РУССКОГОВОРЯЩЕЕ НАСЕЛЕНИЕ В РИТОРИКЕ ПРАВЫХ ПОПУЛИСТОВ ФРГ

М.В. Подрезов

Томский государственный университет
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: misha_1101@mail.ru

Авторское резюме

Миграционные процессы в современном мире имеют широкий размах. Социально и экономически развитые страны, как Германия, являются объектами притяжения для беженцев и мигрантов со всего света. Неудивительно, что реакцией на это явление часто становится рост правых или протестных настроений в этих странах. Далеко не все жители готовы искать точки соприкосновения и делиться материальными благами с представителями чуждых культур. На этой почве порой возникают необычные союзы. Так, в ФРГ значительную поддержку среди русскоговорящих мигрантов получила молодая правая популистская партия «Альтернатива для Германии», характеризующаяся главным образом как антимусульманская. Вовлечение выходцев из стран бывшего СССР в политический процесс и расчет на их благосклонность впервые в немецкой истории были продемонстрированы в ходе избирательной кампании 2017 г. Вопрос формирования русскоговорящего населения в ФРГ, его политических взглядов и предпочтений предстает в центре внимания. Экономические и культурные мотивы русской миграции 1980–2000-х гг., а также проблемы с интеграцией послужили основой для формирования протестного электората. Несмотря на тот факт, что русскоговорящее население Германии не может оказать решающего влияния на выборы в стране в силу своей численности и политической неактивности, оно становится инструментом получения дополнительных мандатов для представителей протестной партии. Стоит отдать должное «Альтернативе для Германии», использовавшей в работе с плохо интегрированной частью «русских немцев» их «русскость»: язык, смешанную культуру и особенности образа жизни, что в совокупности с иными точками соприкосновения между «правыми» и «мигрантами» дало положительный эффект.

Ключевые слова: «русские немцы», русские в Германии, миграция, интеграция, популизм, правые партии, «Альтернатива для Германии», выборы в бундестаг.

RUSSIAN-SPEAKING POPULATION IN THE RHETORIC OF THE RIGHT-WING POPULISTS OF THE FRG

M.V. Podrezov
Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: misha_1101@mail.ru

Abstract

Migration processes in the modern world are widespread. Socially and economically developed countries, like Germany, are objects of attraction for refugees and migrants from all over the world. Unsurprisingly, this phenomenon brings about the growth of right-wing or protest ideas in these countries. Not all residents are ready to seek common ground and share material goods with representatives of foreign cultures, which results in unusual unions. Thus, Russian-speaking migrants in the FRG support the young right-wing populist *Alternative for Germany*, mainly characterised as anti-Muslim. The involvement of the former USSR immigrants in the political process to get their support became evident for the first time in German history during the election campaign in 2017. The formation of the Russian-speaking population in the FRG, its political views and preferences are in the centre of attention. Economic and cultural motives of Russian migration in the 1980s and the 2000s as well as problems of their integration served as the basis for the protest electorate. Although the Russian-speaking population in Germany cannot have a decisive influence on the elections due to its number and political inactivity, it is becoming an instrument for obtaining additional mandates for representatives of the protest party. It is worth paying tribute to The *Alternative for Germany*, which focused on *Russianness* in its work with the poorly integrated part of the *Russian Germans*: language, mixed culture and lifestyle, which, together with other points of contact between the right-winged and migrants gave a positive effect.

Keywords: Russian Germans, Russians in Germany, migration, integration, populism, right-wing parties, Alternative for Germany, Bundestag elections.

Особенности формирования протестного электората иммигрантов невозможно понять без осмысления интеграционных процессов, имеющих давние корни как со стороны немцев в России, так и русских в Германии. Обе страны имеют давние прочные контакты, а их история

тесным образом переплетена: от женитьбы сына Ярослава Мудрого на немецкой графине и «немецкой» династии Романовых до двух мировых войн, Берлинской стены и «Северного потока». Отдельное место в истории двусторонних отношений занимают миграционные процессы: от Немецкой слободы до возвращения «поздних переселенцев» в ФРГ.

Тезис о «русских в Германии» имеет историческую значимость на протяжении почти целого столетия. Если в XVIII–XIX вв. немецкие земли становились, как правило, местом недолгого пребывания философов, писателей и иных представителей высшего света, то XX в. ознаменовался поэтапным многочисленным переселением бывших подданных и граждан России на территорию Германии и созданием самой большой русской диаспоры в Европе.

Русская, или, правильнее сказать, русскоязычная эмиграция в Германию носила волнообразный характер как во временном, так и в этносоциальном отношении.

Первый этап – 1920-е гг. Октябрьская революция и разразившаяся гражданская война в России дали толчок к началу русской эмиграции. Данный процесс получил значительное освещение в отечественной историографии: уже в советское время появились работы Г.Ф. Барихновского (Барихновский 1978), В.В. Комина (Комин 1977), Л.К. Шкаренкова (Шкаренков 1987). В постсоветский период интерес к русской эмиграции стал более многосторонним. Многие аспекты, ранее остававшиеся вне поле зрения исследователей, были представлены к обсуждению. Наиболее значимыми можно назвать работы С.С. Ипполитова (Ипполитов 2004), И.В. Сабенниковой (Сабенникова 2002), О.В. Марченко (Марченко 2016) и др. Причины эмиграции указанного периода довольно просты: утрата доминирующего положения в обществе, личного имущества и т. д. Многие авторы, в частности О.В. Марченко (Марченко 2016: 50), отмечают среди причин «голод и холод». При этом нужно понимать социально-экономическое положение той Германии, разрушенной войной, революционными событиями и военными репарациями. Стоит заметить, что инфляция позволяла иностранцам, имевшим капиталы в иностранной валюте, жить гораздо лучше немецкого населения. При этом правовое положение русских эмигрантов оставалось достаточно шатким. Помимо белой эмиграции, ярко освещенной в советской историографии, в Германии оказались и другие социальные группы: часть интеллигенции, не сумевшей принять социально-политические изменения в России, представители оппозиционных партий (высылка без права возвращения на родину в период нэпа), «невозвращенцы» (советские граждане, работавшие за рубежом), студенческая молодежь. Как сообщает

Н.Л. Ильина, уже к 1921 г. только в Берлине насчитывалось около 300 тыс. русских эмигрантов. При этом она приводит слова Н. Бердяева, ярко описавшего данный процесс: «Германия воспринималась ими как "промежуточный мир", т. е. как государство не совсем западное, более близкое русскому духу» (Ильина 2015: 48).

Подписание Раппальского договора между Советской Россией и Веймарской республикой в значительной степени изменило положение русской эмиграции. Н.Л. Ильина замечает: «Заключение Раппальского договора и введение рентной марки привело к резкому ухудшению материального и правового положений русских эмигрантов в Германии. Вместе с рядом экономических и социально-психологических причин это только толкало многих к отъезду из страны, что к концу 1923 года обрело характер "повального переселения". Столица эмигрантской диаспоры переместилась в Париж» (Ильина 2015: 49). В целом можно отметить, что русская эмиграция преимущественно жила политической жизнью России, совершенно не интересуясь событиями непосредственно внутри Германии, если они не касались их напрямую.

Второй этап (1940–1950-е гг.) характеризуется образованием волны эмиграции, связанной со Второй мировой войной. Она сложилась из советского населения, оказавшегося в годы войны на территории Европы, главным образом из Русской освободительной армии и иных похожих объединений, заключивших «брак по расчету» с Гитлером, а также из попавших в плен и угнанных для работ в Германии советских граждан. А.В. Попов справедливо замечает: «Вторая волна эмиграции могла бы быть очень значительной, но этого не случилось. Преобладающая часть советских людей, оказавшихся на территории Германии, была насильственно депортирована в СССР. Но тем не менее те, кто избежал репатриации, послужили основой второй волны русской эмиграции» (Попов 1994: 24). Характерной чертой второй волны эмиграции стало создание за рубежом многочисленных политических организаций (Союз борьбы за освобождение народов России, Союз воинов освободительного движения и т. д.), противостоявших друг другу, а впоследствии и исследовательских центров, специализировавшихся на всестороннем изучении Советского Союза (Попов 2004). Стоит отметить, что многостороннее изучение этого процесса в отечественной науке началось лишь в постсоветский период в силу определенных трудностей идеологического и политического характера. Можно выделить многочисленные работы А.В. Попова, Г.Я. Тарле (Тарле 1999), протоиерея Д.В. Константинова (Константинов 1997) и других, однако на Западе работа по изучению второй волны русской эмиграции началась гораздо раньше, главным образом благодаря

трудам Дж. Фишера (Fischer 2000). К концу периода большинство активных представителей первой и второй волн эмиграции сошли со сцены, уступив позиции новым эмигрантам – представителям движения диссидентов.

Третий этап – 1970-е гг. Он представляет собой начало массового отъезда из СССР советских евреев, а также эмиграцию несогласных с политикой Кремля диссидентов. Однако, согласно статистическим данным, главные направления выезда этого периода – Израиль и США (Тольц 2012); начавшийся процесс исхода из Советского Союза немецкого населения в тот период еще не носил значительного характера, хотя многие исследователи все же выделяют этот этап (Войлокова 2011: 47).

Четвертый этап – конец 1980-х – 2000-е гг. – представляет собой самое масштабное и разнородное миграционное движение из СССР / СНГ в Германию. Можно выделить три отличных друг от друга группы мигрантов: поздние переселенцы, советские (русские) евреи и русские «добровольцы». Руководитель управления маркетинговых исследований ВЦИОМ Т.Н. Войлокова отметила: «Начиная с 1988 г. в ФРГ из постсоветских стран переехали на постоянное место жительства около 2,5 млн переселенцев немецкого происхождения. Всего в Германии проживает более 4 млн переселенцев из бывшего СССР – это около 4 % населения страны. Среди переселенцев большинство приехали на основании Федерального закона об изгнанных, по которому лица немецкого и еврейского происхождения, а также члены их семей имеют право на переселение в Германию и помощь в обустройстве» (Войлокова 2011: 51). По другим оценкам, например, члена ЦИК РФ В. Лихачева, курирующего вопросы международного взаимодействия, количество русскоязычного населения в Германии составляет около 5 млн человек (Полунин 2017). Отечественная и зарубежная историография широко представлена трудами по данному периоду, главным аспектом рассмотрения в которых являются проблемы адаптации и интеграции перечисленных миграционных групп. Среди многочисленных работ можно выделить в первую очередь труды Б. Дитц (Dietz 1994), Т. Раснера (Rasner 2002), М. Савоскул (Савоскул 2006) и др.

«Русские немцы» представляют собой самую многочисленную из указанных групп. Можно выделить несколько объективных причин их переезда: экономические (дефицит и упадок в Советском Союзе и процветающая экономика ФРГ), культурные (воссоединение семей, желание сохранить немецкую культуру и т. д.), политические (безуспешная борьба за восстановление немецкой автономии в Поволжье) и др. По словам исследователей К. Циммермана и

Т. Бауэра, значительную роль в подобных процессах играют функциональные сети. Иными словами, «Люди с большей вероятностью иммигрируют в страну, где у них есть друзья, знакомые и поддержка системы, поскольку это уменьшает затраты и риски при миграции» (Войлокова 2011: 52). Более того, «русские немцы» представляют собой самую привилегированную группу мигрантов. Данная группа получала, согласно немецкому законодательству, следующие права: гражданство, интеграционные и языковые курсы, возможность изменения имени, признание академической и профессиональной квалификации, частичное или полное признание органами пенсионного страхования ФРГ трудового стажа, несение воинской службы, получение единовременного интеграционного пособия (2–3 тыс. евро), а также компенсацию расходов на репатриацию (Войлокова 2011: 52–53).

Аналогичные цели переезда в Германию преследовали и «русские евреи»: экономическая и социальная стабильность, воссоединение с родными и знакомыми и т. д. На протяжении долгого времени в ФРГ отсутствовала квота на количество еврейских эмигрантов, что привело к переезду порядка 100 тыс. чел. Т.Н. Войлокова отмечает: «Сегодня 85 % немецких евреев – это выходцы из России, что вызвало множество проблем. Многие из вновь прибывших "русских евреев" – люди старшего возраста, они нуждаются в помощи при поиске жилья, работы, а также в изучении языка» (Войлокова 2011: 55).

Третья группа – это русские «добровольцы», выехавшие не по программам переселения, а в подавляющем большинстве по экономическим причинам, надеясь улучшить собственные условия жизни. Т.Н. Войлокова подчеркивает: «Представители этой группы практически предоставлены сами себе. Они так же формируют малые общины в различных частях Германии, как и две другие группы выходцев из России, но не получают никакой поддержки ни от правительства, ни от местных жителей» (Войлокова 2011: 56).

Указанные миграционные группы по-разному интегрировались и самоидентифицируют себя: российские немцы, считающие себя настоящими немцами, вернувшимися на историческую родину, дети которых полностью ассимилированы; поздние переселенцы, считающие себя российскими немцами (принадлежащими двум культурам); мигранты-«добровольцы», многие из которых не смогли интегрироваться в принимающую культуру (Мурадов 2015: 241–242); «русские евреи», многие из которых столкнулись не только с проблемой интеграции в немецкое общество, но и со сложностями внутри еврейской общины из-за своего происхождения и соответствия классическим еврейским законам.

Несмотря на все проблемы, большая часть переселенцев в той или иной мере смогла адаптироваться к жизни в Германии. Об этом свидетельствуют отчеты Федеральной службы по вопросам миграции и беженцев за 2013 г., где по основным показателям переселенцы занимают достаточно высокие позиции (Worbs 2013). При этом ряд существенных и в данный момент практически неразрешимых проблем остается. В силу значительной ассимиляции внутри русского общества после переезда в Германию они ощущают себя немцами, находясь в России, и русскими, находясь в ФРГ. Данной особенности посвящены многие исследования, в том числе Б. Пфетча (Pfetsch 1999), А. Желниной (Желнина 2010) и др. К тому же другой немаловажной проблемой является самоизоляция «русских немцев» в Германии, селящихся в отдельных районах группами, лишая при этом себя возможности чаще контактировать с коренным населением и осложняя интеграционный процесс. По данным Т.Н. Войлоковой, около 2 млн «русских немцев» в Германии живут в самостоятельно созданных гетто (Войлокова 2011: 53).

На современном этапе многие выходцы из СССР / России вновь оказались под пристальным вниманием исследователей, СМИ и политиков. М. Савоскул приводит показательные слова «русского немца» (начала 2000-х гг.), живущего на территории Германии: «Мне тут все очень нравится, но только мигрантов очень много» (Савоскул 2016: 1). Это фраза как нельзя лучше характеризует и современную ситуацию, когда многие эмигранты из России высказывают неодобрение в отношении новых переселенцев из разных уголков планеты. Стоит отметить, что в противовес русской эмиграции первой и второй волн, проходившей преимущественно по политическим и идеологическим причинам, выходцы с постсоветского пространства 1980–2000-х гг. чаще всего преследовали при переезде экономические цели. Как следствие, в отличие от своих предшественников, интересовавшихся в большей степени делами внутри России, представители последней волны миграции озабочены социально-экономическими проблемами внутри Германии, от которых зависит уровень их благосостояния. Заметим, что такой принцип присущ главным образом тем переселенцам, интеграция в немецкое общество которых до сих пор не окончена. Именно на этой группе мы заострим внимание.

Согласно распространенному мнению, русскоговорящее население политически не активно. При этом оно традиционно поддерживает Христианско-демократический союз в знак благодарности Г. Колю, облегчившему процесс их репатриации. В последние годы ситуация претерпела значительные изменения. С момента образования партии «Альтернатива для Германии» (2013 г.) появилась возможность выра-

зить свое протестное отношение к политике ХДС-ХСС, проголосовав за популистов. Так происходило на региональных и местных выборах минувших лет. По мнению научного директора Германо-российского форума в Берлине А. Рара, голоса русскоязычных на выборах в бундестаг 2017 г. и вовсе поровну поделили между собой ХДС и молодая правая популистская партия «Альтернатива для Германии» (Николаева 2017). Сложилась любопытная ситуация, когда впервые в современной немецкой истории в повестку дня был внесен вопрос о политических предпочтениях русскоязычного населения. По справедливому замечанию О. Гулиной, «голоса русскоязычных избирателей хоть и не способны существенно изменить исход выборов, однако способны повлиять на успешность и количество мандатов в той или иной партии» (Гулина 2017).

Среди основных причин, заставляющих русскоговорящее население выбирать правую популистскую партию, выделяются: 1) выражение протеста против миграционной политики А. Меркель; 2) опасения за собственное материальное благополучие и безопасность; 3) чувство обиды; 4) прямое обращение к данной электоральной группе со стороны «Альтернативы для Германии» и др. Первые три причины имеют общий знаменатель – беженцев с Ближнего Востока, Африки и т. д. Русскоязычное население (главным образом «русские немцы») обращает внимание на то, что даже им во время репатриации не оказывалось столько содействия и преференций. Б. Фельдман пишет: «Российский немец, который сейчас пошел голосовать за "Альтернативу", у которого мама, например, не будучи немкой, живет в Центральной Азии, например, и не имеет никакого шанса въехать в Германию, видит, что люди, которые только что приехали, еще не работают, которые представляют собой определенного рода этнический вызов, уже получили право ввезти своих родственников» (Вендик 2017).

«Альтернатива для Германии», будучи консервативной и антимусульманской партией, на протяжении всей избирательной кампании активно использовала протестные настроения русскоговорящего населения. Упор был сделан на следующие аспекты, важные для этой электоральной группы: 1) значительное внимание к социальной сфере (пенсиям, социальным пособиям, здравоохранению и т. д.); 2) ограничение миграции в Германию и недопущение ее исламизации; 3) обращение к русскоговорящим как к русским. Применительно к последнему аспекту отмечается, что во время выборов в бундестаг впервые в современной немецкой истории проводилась целенаправленная кампания на русском языке: от основной политической программы и рекламы до проведения Российского конгресса в Магдебурге (Рождественская 2017). Не последнюю роль сыграл также

тот факт, что на минувших выборах было представлено достаточное количество кандидатов – выходцев из России, рассчитывавших в том числе и на русскоговорящий электорат.

Таким образом, русскоговорящие мигранты в Германии проделали длинный путь от политического безразличия к внутренним делам до целевой группы молодой и агрессивной правой популистской парии, став одними из главных ньюсмейкеров избирательной кампании в бундестаг. В значительной степени слабо интегрированные «русские немцы», с одной стороны, заставили обратить внимание государства и СМИ на себя и на свои проблемы, а с другой – помогли популистам набрать дополнительные голоса, поспособствовав успехам на минувших выборах.

ЛИТЕРАТУРА

Барихновский 1978 - *Барихновский Г.Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1978. 160 с.

Вендик 2017 - *Вендик Ю.* «Альтерантива для Германии»: в чем секрет успеха крайне правых // Русская служба BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/features-41392567 (дата обращения: 25.09.2017).

Войлокова 2011 - *Войлокова Т.Н.* Русские в Германии – пример успешной интеграции? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 2 (102). С. 47–58.

Гулина 2017 - *Гулина О.* Русские и Бундестаг // Газета.ru. 22.09.2017. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2017/09/19_a_10897598.shtml (дата обращения: 27.09.2017).

Желнина 2010 - *Желнина А.* Русские среди немцев, немцы среди русских? // Cogita.Ru. 2010. URL: http://www.cogita.ru/kolonki/anna-zhelnina/russkie-sredinemcev-nemcy-sredi-russkih (дата обращения: 11.09.2017).

Ильина 2015 – *Ильина Н.Л.* Русская эмиграция в Веймарской Германии: социально-психологический портрет // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 48–51.

Ипполитов 2004 - *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. 376 с.

Комин 1977 - *Комин В.В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом: учеб. пособие: в 2 ч. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. Ч. 1. 120 с.

Константинов 1997 - *Константинов Д.В.* Вторая волна – воспоминания и раздумья о российской эмиграции // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М.: ИАИ РГГУ, 1997. С. 56–85.

Марченко 2016 - *Марченко О.В.* Формирование и адаптация русской эмиграции в Германии в 1920-е годы // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2016. № 9. С. 49–54.

Мурадов 2015 - *Мурадов В.П.* Русские в Германии: проблемы интеграции // Studia Culturale. 2015. № 25. С. 239–244.

Николаева 2017 - *Николаева Е.* Российский фактор на выборах в Германии // Deutsche Welle. 19.09.2017. URL: http://p.dw.com/p/2kEpc (дата обращения: 20.09.2017).

Полунин 2017 - *Полунин А.* «Русские немцы» испортили Меркель праздник // Свободная пресса. 25.09.2017. URL: https://svpressa.ru/politic/article/181971 (дата обращения: 26.09.2017).

Попов 1994 - *Попов А.В.* Культурные и научные центры второй русской политической эмиграции // Образование и педагогическая мысль российского зарубежья. Саранск, 1994. С. 24–25.

Попов 2004 - *Попов А.В.* Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и «вторая волна» эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10). URL: http://www.nivestnik.ru/2004_1/5.shtml (дата обращения: 10.09.2017).

Рождественская 2017 - *Рождественская Я.* «Альтернатива для Германии» решила привлечь русских избирателей // Коммерсант. 31.08.2017. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3398073 (дата обращения: 10.09.2017).

Сабенникова 2002 - *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравн.-типол. исслед. Тверь: Золотая буква, 2002. 431 с.

Савоскул 2006 - *Савоскул М.* Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической идентификации // Демоскоп. 2006. № 243–244.

Савоскул 2016 - *Савоскул М.* Почему мигрант мигранту не всегда друг, товарищ и брат? // Демоскоп. 2016. № 679–680. 17 с.

Тарле 1999 - *Тарле Г.Я.* Российская эмиграция в 1940–1950-е годы // Россия и современный мир. 1999. № 3 (24). С. 108–129.

Тольц 2012 - *Тольц М.* Постсоветская еврейская диаспора: новейшие оценки // Демоскоп. 2012. № 497–498. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php (дата обращения: 10.09.2017).

Шкаренков 1987 - *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. 236 с.

Dietz, Hilkes 1994 - *Dietz B., Hilkes P.* Integriert oder isoliert? Zur Situation rußlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. München, 1994. 128 s.

Fischer 2000 - *Fischer G.* Insatiable: A story of my nine lives. Philadelphia, 2000.

Pfetsch 1999 - *Pfetsch B.* «In Russia we were Germans, and now we were Russians»: dilemmas of identity formation and communication among German Russian Aussiedler. Berlin, 1999. Bd. 99.

Rasner 2002 - *Rasner T.* Sprache und Integration russlanddeutscher Aussiedlerjugendlicher. Jyvaeskylae, 2002. 179 s.

Worbs 2013 - *Worbs S.* (Spät-) Aussiedler in Deutschland. Eine Analyse aktueller Daten und Firschungsergebnisse / E. Bund, M. Kohls, C. Baka von Gostomski. Forschungsbericht 20. 2013.

REFERENCES

Barikhnovskiy, G.F. (1978) *Ideyno-politicheskiy krakh beloemigratsii i razgrom vnutrenney kontrrevolyutsii* [The ideological and political collapse of White emigration and the defeat of internal counterrevolution]. Leningrad: Leningrad State University.

Vendik, Yu. (2017) *"Al'terantiva dlya Germanii": v chem sekret uspekha krayne pravykh* [The Alternative for Germany: The secret of the far-right's success]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/russian/features-41392567 (Accessed: 25th September 2017).

Voylokova, T.N. (2011) Russians in Germany – example of successful integration? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2 (102). pp. 47–58. (In Russian).

Gulina, O. (2017) *Russkie i Bundestag* [The Russians and the Bundestag]. Gazeta.ru. 22nd September. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/comments/2017/09/19_a_10897598.shtml (Accessed: 27th September 2017).

Zhelnina, A. (2010) *Russkie sredi nemtsev, nemtsy sredi russkikh?* [Russians among Germans, Germans among Russians?]. [Online] Available from: http://www.cogita.ru/kolonki/anna-zhelnina/russkie-sredinemcev-nemcy-sredi-russkih (Accessed: 11th September 2017).

Ilina, N.L. (2015) Russkaya emigratsiya v Veymarskoy Germanii: sotsial'no-psikhologicheskiy portret [Russian emigration in Weimar Germany: a socio-psychological portrait]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 6. pp. 48–51.

Ippolitov, S.S. (2004) *Rossiyskaya emigratsiya i Evropa: nesostoyavshiysya al'yans* [The Russian emigration and Europe: the failed alliance]. Moscow: Ippolitov.

Komin, V.V. (1977) *Politicheskiy i ideynyy krakh russkoy melkoburzhuaznoy kontrrevolyutsii za rubezhom* [Political and ideological collapse of the Russian petty-bourgeois counter-revolution abroad]. Kalinin: Kalinin State University.

Konstantinov, D.V. (1997) Vtoraya volna – vospominaniya i razdum'ya o rossiyskoy emigratsii [The second wave – memories and reflections on the Russian emigration]. In: Popov, A.V. (ed.) *V poiskakh istiny. Puti i sud'by vtoroy emigratsii* [In search of truth. Ways and destinies of the second emigration].

Moscow: Historical and Archival Institute of the Russian State Humanitarian University. pp. 56–85.

Marchenko, O.V. (2016) Formirovanie i adaptatsiya russkoy emigratsii v Germanii v 1920-e gody [Formation and adaptation of Russian emigration in Germany in the 1920s]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A. Gumanitarnye nauki*. 9. pp. 49–54.

Muradov, V.P. (2015) Russkie v Germanii: problemy integratsii [The Russians in Germany: Problems of integration]. *Studia Culturae*. 25. pp. 239–244.

Nikolaeva, E. (2017) Rossiyskiy faktor na vyborakh v Germanii [The Russian factor in the German elections]. *Deutsche Welle*. 19th September. [Online] Available from: http://p.dw.com/p/2kEpc (Accessed: 20th September 2017).

Polunin, A. (2017) "Russkie nemtsy" isportili Merkel' prazdnik [Russian Germans spoiled Merkel's holiday]. *Svobodnaya pressa*. 25th September. [Online] Available from: https://svpressa.ru/politic/article/181971 (Accessed: 26th September 2017).

Popov, A.V. (1994) [Cultural and scientific centres of the second Russian political emigration]. *Obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' rossiyskogo zarubezh'ya* [Education and pedagogical thought of the Russian abroad]. Proc. of the All-Russian Conference. Saransk. pp. 24–25. (In Russian).

Popov, A.V. (2004) Myunkhenskiy institut po izucheniyu istorii i kul'tury SSSR i "vtoraya volna" emigratsii [The Munich Institute for the Study of the History and Culture of the USSR and the "second wave" of emigration]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 1 (10). [Online] Available from: http://www.nivestnik.ru/2004_1/5.shtml (Accessed: 10th September 2017).

Rozhdestvenskaya, Ya. (2017) "Al'ternativa dlya Germanii" reshila privlech' russkikh izbirateley [The Alternative for Germany decided to attract Russian voters]. *Kommersant*. 31st August. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/3398073 (Accessed: 10th September 2017).

Sabennikova, I.V. (2002) *Rossiyskaya emigratsiya (1917–1939): sravn.-tipol. is-sled* [Russian emigration (1917–1939): A comparative-typological study]. Tver: Zolotaya bukva.

Savoskul, M. (2006) Rossiyskie nemtsy v Germanii: integratsiya i tipy etnicheskoy identifikatsii [Russian Germans in Germany: Integration and types of ethnic identification]. *Demoskop*. 243–244.

Savoskul, M. (2016) Pochemu migrant migrantu ne vsegda drug, tovarishch i brat? [Why a migrant is not always a friend, comrade and brother to another migrant?]. *Demoskop*. 679–680.

Tarle, G.Ya. (1999) Rossiyskaya emigratsiya v 1940–1950-e gody [Russian emigration in the 1940s-1950s]. *Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the Contemporary World*. 3 (24). pp. 108–129.

Tolts, M. (2012) Postsovetskaya evreyskaya diaspora: noveyshie otsenki [Post-soviet Jewish diaspora: Latest evaluations]. *Demoskop*. 497–498. [Online]

Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php (Accessed: 10th September 2017).

Shkarenkov, L.K. (1987) *Agoniya beloy emigratsii* [Agony of white emigration]. Moscow: Mysl'.

Dietz, B. & Hilkes, P. (1994) *Integriert oder isoliert? Zur Situation rußlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland* [Integrated or Isolated? On the situation of Russian-German resettlers in the Federal Republic of Germany]. Munich: Olzog.

Fischer, G. (2000) *Insatiable: A story of my nine lives*. Philadelphia: George Uri Fischer.

Pfetsch, B. (1999) *"In Russia we were Germans, and now we were Russians": dilemmas of identity formation and communication among German Russian Aussiedler*. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin.

Rasner, T. (2002) *Sprache und Integration russlanddeutscher Aussiedlerjugendlicher* [Language and Integration of Russian-German expatriates teenager]. Jyvaeskylae: University of Jyväskylä.

Worbs, S., Bund, E., Kohls, M & Baka von Gostomski, C. (2013) *Aussiedler in Deutschland. Eine Analyse aktueller Daten und Firschungsergebnisse* [Emigrants in Germany. An analysis of current data and results of the report]. Forschungsbericht 20.

Подрезов Михаил Владимирович – магистр политологии, младший научный сотрудник отдела инновационных программ и проектов Томского государственного университета (Россия).

Podrezov Mikhail – Tomsk State University (Russia).

E-mail: misha_1101@mail.ru

УДК 811.161
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/11

THE IMPROVEMENT OF THE ORTHOGRAPHIC RULES IN THE BACHKA-SREM RUSIN LANGUAGE*

M. Feysa
Novi Sad University
1 Zoran D`ind`ich Street, Novi Sad, 21000, Serbia
E-mail: fejsam@gmail.com

Abstract

More than four and a half decades have passed since the publication of the first Orthography Rule-Book of the Rusin Language by Nikola N. Kochish in 1971. The Orthography Rule-Book established the basic orthographic principles of the Rusin language, yet some secondary problems were not treated at all or were treated inconsistently. In this paper, the author provides a solution to the remaining orthographic problems. In the first part of the paper, he classifies the problems. In the second part of the paper, he focuses on updating and improvement of the Kochish's Orthographical Dictionary of the Rusin Language, which resulted in the new Orthographic Dictionary of the Rusin Language published by the Department of Rusin Studies in 2017.

Keywords: Rusin (Rusyn) language, orthography, orthographic dictionary, doublets, loanwords, verbs.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ПРАВИЛ В ЯЗЫКЕ БАЧКО-СРЕМСКИХ РУСИНОВ

М. Фейса
Университет Нови Сад
Сербия, 402920, г. Нови Сад, ул. Доктора Зорана Джинджича, 1

* The paper is part of Projects Nr. 187002 and Nr. 187017 supported by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

Авторское резюме

Прошло более четырех с половиной десятилетий с момента издания первой «Орфографии русинского языка», составленной Миколой М. Кочишем в 1971 г. В «Орфографии» были установлены основные правила правописания русинского языка, однако некоторые вторичные проблемы либо совсем не рассматривались, либо исследовались непоследовательно. В данной статье делается попытка решить оставшиеся орфографические проблемы. В первой части статьи автор рассматривает эти проблемы и разделяет их на несколько групп. Во второй части внимание фокусируется на модернизации и обновлении орфографического словаря русинского языка Кочиша, результатом которых явился новый «Орфографический словарь русинского языка», изданный в 2017 г. кафедрой русинистики.

Ключевые слова: русинский язык, орфография, орфографический словарь, дублеты, заимствованные слова, глаголы.

Introduction

Ever since the first Rusins settled in Bachka in the middle of the 18th Century (Gavrilovich 1977; Feysa 2010) and up to the First World War, they were predominantly farmers. Their craftsmen were organized in a guild, while there were very few priests and teachers. In time, the Rusins even made progress in their economic, national and cultural life. They succeeded in preserving their identity. They formed their language (Feysa 2000; Feysa 2004; Magocsi 2004) and raised it to the level that they could use it to print books. The first book in the Rusin language is the poetic wreath *From My Village* by Havriyil Kostel`nik published in 1904.

After the end of the First World War, within Serbia (or the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians, or, later, the Kingdom of Yugoslavia), the Rusins were permitted to form national and cultural institutions by virtue of the collective rights of all national minorities, which was not the case in their homeland. They were granted the status of national minority of Slavic origin in 1919, first and for many years to come the only one among their kinsmen in the Carpathian area. This was an event of utmost importance which opened the way of their national and cultural development (Horn`ak 2006: 25).

Under such circumstances the Rusins felt that the founding of the Rusin Popular Educational Society, the so-called Prosvita / Education, was the first step in which they manifested their striving for an independent national cultural life. At the founding meeting, on the 2nd of July 1919 in Novi Sad, the Rusin national community decided to elevate

its colloquial language (not the Russian or Ukrainian languages) to the level of a literary language. The first cultural-educational organization adopted resolution to use its everyday speech in the education, cultural life and the press. This decision was based on the fact that books of religious and literary character had already been published in this language (Med`eshi 1993: 146). The first Rusin cultural organization published several books of great significance. The most influential book of the time was the first Rusin grammar *Grammar of Bachka-Rusin Speech* by Havriyil Kostel`nik (1923). Both Rusin and Slavic linguists are indebted to Havriyil Kostel`nik – as the codifier of the Rusin language of the Rusins in Serbia / Vojvodina and as the creator of the Rusin linguistic terminology.

The second *Grammar of the Rusin Language* was published by Nikola N. Kochish (1977) and the third *Grammar of the Rusin Language* was published by Yuliyan Ramach (2002).

The First Steps in Making Orthography Rules

The first *Orthography Rule-Book of the Rusin Language* was written by Nikola N. Kochish in 1971. Generally speaking *Orthography Rule-Book of the Rusin Language* achieved its main goal – to establish the basic orthography rules. The proposed orthography rules were applied in the second part of the book, that is in the *Orthographic Dictionary of the Rusin Language* (Kochish 1971: 80-156). Although some secondary issues were not covered in the first Rusin orthographic publication, it was without any doubt a very useful and very influential one.

Kochish applied the proposed orthography rules in the first dictionary of the Voyvodinian Rusin as well. The dictionary entitled *Handy Terminology Dictionary SerboCroatian-Rusin-Ukrainian* includes the most commonly used words of modern Rusin (Kochish 1972: 5). The entries of the dictionary were based upon the lexical analysis of the material obtained from the weekly newspaper *Ruske slovo*, the quarterly journal *Shvetlosts* and textbooks for Rusin language teaching schools. Terms from science, art, culture and mostly from the sociopolitical life of the Rusins were also included in the dictionary in the final phase. The author, who was fully aware that his first-born Rusin dictionary had shortcomings, wrote: "one can expect that in the near future it will be necessary to make corrections of several terms and/or their forms" (Kochish 1972: 7).

Problems of Rusin Language Orthography

A serious of articles was published and a few orthographic problems were solved by the members of the Linguistic Section of the Society for the Rusin Language, Literature and Culture, but the Department of Rusin Studies made the first serious step towards a new Rusin orthography. The Department organized a scientific conference called Actual Orthography Problems in the Rusin Language. The conference was supported by the Provincial Secretariat for Science and Technological Development and was held at the Faculty of Philosophy in 2006. The basic directions towards the improvement of the Kochish's rules were specified and even some orthographic problems noticed in the Kochish's orthography rule book published more than four and a half decades ago were solved. It was agreed that in the first phase of this project an orthographic dictionary of the Rusin language was going to be published, and, in the second phase, a text of orthographic rules together with a new, supplemented edition of the orthographic dictionary.

Problems of the Rusin language orthography can be grouped into three sections: 1st section presents establishing a phonological or morphological principle; 2nd section presents dialectization of the Rusin language followed by implementing solutions implemented in other languages; 3rd section presents treatment of foreign words (Feysa, Med`eshi 2007; Feysa 2009).

The first group of problems stems from the interrelation of morphological and phonetic principle concerning writing words, that is from the dominance or influence of etymology or orthoepy on the orthography. In the Introduction of the *Orthography Rule-Book of the Rusin language* Nikola N. Kochish wrote: "The morphological principle which we have in our writing basically states that we should not write words as they are pronounced, but we should write them bearing in mind their etymology" (Kochish 1971: 3). The example given is the prefixed word *rozsipats / розсипац* (not *rosipats / росипац* as it is pronounced). The words *tkatski / ткацки* and *tkatstvo / ткацтво* (not *tkachski / ткачски*, *tkachstvo / ткачство* as it should be if we wanted to include etymology) show that we write many words using the phonetic principle as well. Alexander D. Dulichenko, however, states: "The morphological approach, which remains to be the main one, is complemented by other orthographic principles. One of them is the phonetic principle!" (Dulichenko 2009: 250). The phonetic principle is complementary, not primary, as for example in the Serbian language.

Thus, on the one (morphological) hand, we do not register the consonant assimilation on the basis of voicedness (according to which we

write for ex. *бабка* / *babka*, *кнїжка* / *kn ĭzhka*, although we pronounce / *bapka/*, */kn ĭshka/*) and we retain the basic forms of the prefixes (as a matter of fact their final consonant *z* in *roz-*, as in *rozsipats*, *predplatsits*), and, on the other (phonetic) hand, thousands of words which include historical sound changes caused by *ŭ* (j – iota) and front vowels (palatalization), as well as vowel alternations in verb-stems (ablaut), are written without regard to their etymology, in the way they are pronounced. The dilemma of whether to establish a phonological or morphological principle in certain cases causes a great deal of doubt. The dilemma is present in relation to writing suffixes, prefix *z-* / *з-* (in three variants: *s-*, *z-* and *zo-*) and in case of doubled consonants (for ex. *bezzakonni* or *bezzakoni*, *scharn ѐti* or *shchčarn ѐti*, *oddvoyits* or *odvoyits* / *беззаконни* or *беззакони*, *счарнєти* or *щарнєти*, *оддвоїц* or *одвоїц*). Unspecified jurisdiction of the phonetic or morphological principle causes confusion in many other cases: *hlasn ĭk* or *hlashn ĭk*, *pekelni* or *pekel ѝni*, *khudobenki* or *khudoben ѝki*, *nashl ĭdni* or *nasl ĭdni*, *storoche* or *storochye* (*гласнїк* or *глашнїк*, *пекелни* or *пекельни*, *худобенки* or *худобеньки*, *нашлїдни* or *наслїдни*, *стороче* or *стороче*) and others.

Another group of problems arises from the artificial framing of the Rusin language. Thus, for example, there were many spelling (and lexical) solutions in Kochish`s orthographic dictionary which have not been accepted by Rusin speakers and, consequently, rejected. Wishing to subordinate the Rusin language to the Ukrainian language, Kochish assigned the role of a dialect to Rusin although the literary Ukrainian language was formed in other sociolinguistic conditions. In practice the doubtful cases were solved by copy-paste procedure. In case it was not known how to solve a problem, the Ukrainian language dictionary was opened and the orthographic solution was copied and pasted in Rusin. A priori reasoning influenced the Rusin orthography directly and brought strange "solutions". Apart from *pomilovan ѐ* i *milosts* there appeared the unheard *poshchada*; apart from *agent* and *shpiyun* there appeared *rozvidn ĭk*; next to *pakhul ѝka* there were completely strange *pakhol ѝka* and *shn ĭzhinka*; next to *otsena* also *otsinka*; next to *prividzen ѐ* also *primara*; only *travma* (without general form *trauma*); *kloun* is prefered (although the Rusins are not familiar with it) to *klovn*; *oberezhno* seems more important to Kochish (although the meaning of the word is entirely not recognizable to Rusin speakers) than *ostorozhno* since it is placed at the beginning of the entry and so on. In this way the Rusin language was aimed to be artificially enriched from the language based on the speech of the Middle Upper Dn`ipro Area and the surrounding area (which presents the basis of the Ukrainian Language), instead to be naturally enriched from the Rusin / Rusyn variants of the Carpathian area (which presents

the basis of the language of the Bachka-Srem Rusins) (*помилованє* and *милосц – пощада*; *аґент* and *шпиюн – розвиднїк*; *пахулька – пахолька* and *шнїжинка*; *оцена – оцинка*; *привидзенє – примара*; *травма – траума*; *клоун – кловн*; *обережно – осторожно*).

The third group of problems concerns the spelling variants of lexemes which generally do not reveal semantic differences. The lexemes present the borrowings from foreign languages. Examples for this group of problems can also be found among the examples of the previous group (such as *kloun* or *klovn*, *travma* or *trauma* / *клоун* or *кловн*, *травма* or *траума*), which means that the attempt of false framing of the Rusin language enlarges the emergence of two, three or even more unnecessary variants. Several of the most frequent variants noticed among borrowings are *angliyski / anhliyski, granit / hran ït, mozaik / mozayik, astronaut / kosmonavt, shpiyun / shpion, anegdota / anekdota, gram / hram, huligan / khuligan, kauzalni / kavzalni, naivni / nayivni, pidzhama / pizhama, Rusiya / Rosiya* (*анґлийски / английски*, *ґранит / ґранїт*, *мозаик / мозаїк*, *космонаут / космонавт*, *шпиюн / шпион*, *анеґдота / анекдота*, *ґрам / грам*, *гулиґан / хулиґан, каузални / кавзални*, *наивни / наївни*, *пиджама / пижама*, *Русия / Росия*) and many others. Some of these pairs have been formed by direct contact between the Rusin language and the lending language, and some by indirect contact. In case of the existence of an intermediary language, we often perceive the influence of the intermediary language. Since the members of the group do not carry significant differences in meaning (although they are sometimes notable, for ex. in *doktor* and *dokhtor*, *kor* and *khor* / *доктор* and *дохтор*, *кор* and *хор*), it can be said that the variants are redundant. In other words, one form of a lexeme is quite enough.

Improvements of the Orthographic Rules

Before the conference called The Greatness of Small Linguistic, Literary, Cultural and Historic Traditions held in 2012, which was dedicated to the 30th anniversary of the Department of the Rusin Studies, the text of the *Orthographic Dictionary of the Rusin Language* was placed on the web-site www.rusnak.info created by Miroslav Silad`i. In this way the result of team`s work was available to all those who were interested in Rusin orthography to make comments or to give suggestions. The *Orthographic Dictionary of the Rusin Language* edited by Mikhaylo Feysa (2017) was placed on the web-site of the Faculty of Philosophy.

It has not been our intention to unify several variants of a word into one in the *Orthographic Dictionary* but to reduce the existing number at least to two of them. For example, there is no need for the following

four variants: *shl ȉduyutsi*, *shl ȉduyushchi*, *sl ȉduyushchi*, and *slj ȁduyutsi* (*шлїдуюци*, *шлїдующи*, *слїдующи*, *слїдуюци*). After considering the variants carefully we have decided that *shl ȉduyutsi* (*шлїдуюци*) is quite enough, but there is a justification for using *sl ȉduyushchi* (*слїдующи*) in the spiritual sphere. In addition to this, there is no need for *Italiyanka*, *Taliyanka* and *Italiyka* (as Nikola N. Kochish proposed in his *Dictionary*) since *Italiyanka* (*Италиянка*) is derived from *Italiya*, but *Taliyanka* (*Талиянка*) can be used in everyday speech.

Doublets are simply unavoidable in the Rusin language, or mostly in its lexicon, since Rusin has been under the influence of Slavic and non-Slavic languages – beginning from the Church Slavonic, Hungarian and German in the past to Serbian and English nowadays. We are aware, on the one hand, that it is almost impossible to erase all the traces caused by borrowing, and, on the other hand, that there is no pure language in the world. That is the main reason why we have been tolerant to foreign influences and why we have not tried to unify several variants into one.

We have taken into account several relevant factors such as the time of arrival of a borrowing, the way of its entering a certain field of use, as well as its frequency.

Adaptation of the international diphthongs */au/* and */eu/* should not be unified due to the fact that the words which include the diphthongs did not enter at the same time in Rusin and were not adapted by the same groups of users, so we propose *avto*, *evharistiya*, *Evropa* (*авто*, *евхаристия*, *Европа*) etc. but *trauma*, *astronaut*, *reumatizm*, *eureka* (*траума*, *космонаут*, *реума*, *еурека*) etc.

There is no reason to implant the Kochish`s form *kovboy* (*ковбой*) since, on the one hand, the generally accepted form is *kauboy* (*каубой*), and on the other hand, it is closer to the pronunciation of the English word *cowboy /kauboi/*.

If the form *hayziban* (*гайзибан*) has been established in Rusin there is no need to recall German word *Eisenbahn* pronounced as */ajzenban/*.

In the course of resolving orthographic problems several rules have been crystallized that should find a place in a new, or revised version of Kochish's *Orthography Rule-Book*. Some of them are:

a) if in the use of a noun we feel the presence of a human factor, or a certain personification, and, therefore, the possibility of a particular action, we are inclined to give priority to the genitive forms in ending *-u*, that is, to the ending *-zmu* (for ex. *amaterizmu, bilingvizmu*) and to the ending *-vku* (for ex. *vil ȉvku*, *vipl ȕvku*);

b) for nouns of new origin (when Serbian is either source or mediating language, mainly for anglicisms) we have mostly added endings *-u/-yu* (for ex. *startu*, *shlaysu*) or both *-u/-yu* and *-e/-ye* endings (for ex. *avionu/-*

nye, *rekordu/-dze*) in case that certain nouns have achieved a higher degree of adaptation in the Rusin system;

c) double nominative plural endings are used with masculine nouns in *-log*, (for ex. *sotsiologi/-gove*); ending *-i* is preferred with feminine nouns (for ex. *sotsiologi*).

One of our aims has been to integrate the gender perspective into the *Orthographical Dictionary* and that is the reason why the masculine noun entries are frequently followed by the feminine noun entries. For example:

Bun`evets, -vtsa, loc. o Bun`evtsovi, pl. Bun`evtsi, -tsokh;

Bun`evka, -ki, loc. o Bun`evki, pl. Bun`evki, -kokh;

kolega, -gi, pl. kolegi/-gove, -gokh;

kolegin`a, -n`i;

pedagog, -oga, pl. pedagogi, -gokh;

pedagoga, -ogi, pl. pedagogi, -ogokh and pedagogin`a, -n`i, pl. pedagogin`i, -n'okh.

Variants with the same (or similar) meanings have been given in alphabetical order within the same entry:

bidni, -noho, bidn`ik, -ka and bidn`ak, -ka;

bilingvist, -ta and bilingvista, -ti;

bombus, -sa, loc. o bombusu, pl. bombusi, -sokh and bonbona (*bombona), -ni, loc. o bonboni, pl. bonboni, -nokh;

vetseyyazikovi, -va, -ve and vetseyyazichni, -na, -ne;

stodvatsetspejtsrochni and 125-rochni, -na, -ne;

benzinov, -va, -vo, benzinovi, -va, -ve and benzinski, -ka, -ke;

zhalbov, -va, -vo and zhalbovi, -va, -ve.

Special attention has been paid to masculine nouns which in the nominative of the singular end in a vowel. They may have two endings in the nominative of the plural, for ex. the nouns ending in final phoneme */o/* have both ending *-a/-ya* (for ex. *avta*, *diska*, *radiya*, *stsenariya*) and ending *-i* (*evri/-ra*, *korza/-zou*; the form *korzou* preserves the final vowel *o*) in the nominative of the plural.

We have regularly pointed to the nouns which basis are enlarged in certain cases:

bachi, -ika, loc. o bachikovi, pl. bachikove, -okh;

mats, -tseri, loc. o matseri, pl. matseri, -rokh;

kache, -etsa, loc. o kachetsu, pl. kachata, -tokh.

Adjectival paradigm has been provided for the most frequent pronouns and numerals:

moy, -yoho, dat. -yomu, accus. -y/-yoho, instr. moyim, loc. moyim/-yomu, pl. moyo, moyikh, dat. moyim, accus. -yo/moyikh, instr. moyima, loc. moyikh;

von, gen. and accus. yoho (when emphasized) / ho / (od) n'oho / (do) n'ho, dat. yomu (when emphasized) / mu / (gu) n'omu, instr. n`im, loc. n`im/n'omu;

tota, tey, dat. tey, accus. totu, instr. totu, lok. tey, pl. toti, tikh;

yeden, yednoho, dat. yednomu, accus. yeden (for non-animate) / yednoho (for animate), instr. z yednim, loc. o yednim/yednomu;

dvoyo coll., dvoyikh, dat. dvoyim, accus. dvoyo, instr. dvoyima, loc. o dvoyikh.

We have paid much greater attention to verbs than Nikola Kochish did. For the non-totive / imperfective verbs we have often provided up to five forms – for the localization of verbal situations into the present segment (*pres.*), for the localization of verbal situations into the past segment (*past*), the imperative form for the second person of the singular (and sometimes for the second person of the plural) (*imper.*), the passive participle form (which sometimes has not been recorded because of the semantics) (*pass. part.*) and the present participle form (which regularly indicates the form of the third person of the singular of the present tense) (*pres. part.*). The totive / perfective verbs have four forms, since they are not characterized by the present participle form. Instead of a form for the localization of verbal situations into the present segment, the totive verbs have a form for localization of verbal situations into the future segment (*fut.*). For example:

zabavyats, pres. -yam, past -yal, imper. -yay, pass. part. -yani, pres. part. – yayutsi;

rakhovats, pres. -khuyem, past -val, imper. -khuj, pass. part. -vani, pres. part. – khuyutsi;

zabetonovats, fut. -nuyem, past -val, imper. -nuy, pass. part. – vani;

potverdzits, fut. -im, past -dzel, imper. -dz, mn. -dztse (*-tstse), pass. part. – dzeni.

The biaspectual verbs have also been taken into account. The biaspectual verbs entries are the most complex ones, because the verbs with two verbal modalities can localize the verbal situations into all three time segments, and besides the forms for the imperative and the passive participle they also have a form for the present participle. For example:

masirats, pres. and fut. -ram, past -ral, imper. -ray, pass. part. -rani, pres. part.-rayutsi;

rimovats, pres. and fut. -muyem, past -al, imper. -muy, pass. part. -ani, pres. part. -muyutsi.

In order to reduce the number of verb forms with the suffix *-ira-*, we have decided that it would be the best thing to accept the forms identical to the model, and the forms in which this suffix *-ira-* is replaced by the suffix *-ova-*. This procedure is in accordance with the procedure

applied to the verbs with the suffix *-isa-*, in which the suffix *-isa-* -is replaced by the suffix-*ova-*:

adresirats, pres. and fut. -am, past -al, imper. -ay, pass. part. -ani, pres. part. -ayutsi and adresovats, pres. and fut. -suyem, past -al, imper. -suy, pass. part. -ani, pres. part. – suyutsi;

asistirats, pres. -am, past -al, imper. -ay, pass. part. -ani, pres. part. -ayutsi and asistovats, pres.-tuyem, past -al, imper. -tuy, pass. part. -ani, pres. part. - tuyutsi.

Several doublets are made when a foreign suffix or at least final consonant are omitted:

anonim, -ma and anonimus, -sa;

aluminiy, -niya/-niyu and aluminiyum, -yuma/-yumu;

zhandar, -ra, pl. zhandare, -rokh and zhandarm, -ma, pl. zhandarmi, -mokh.

As far as adjectives are concerned they also have doublets. Since possessive adjectives can be used in narrow and in broad sense (for ex. *betonov, -va, -vo* and *betonovi, -va, -ve*) some adjective entries are characterized by triplets:

anarkhiyni, -yna, -yne and anarkhichni, -chna, -chne;

biografiyni, -na, -ne and biografski, -ka, -ke;

atletichni, -na, -ne and atletski, -ka, -ke;

genetichni, -chna, -chne and genetski, -ka, -ke;

matserin, -na, -no and matserov, -va, -vo;

betonov, -va, -vo, betonovi, -va, -ve and betonski, -ka, -ke.

The use of ending *-ichni* is proposed when a noun ends in the ending *-ika* (*metodika* > *metodichni; matematika* > *matematichni; logika* > *logichni*); in other cases: *-iyni* as in *analogiyni* when a noun ends in the ending *-iya* < *analogiya* or *-ski* as in *demokratski* when a noun ends in a consonant < *demokrat*.

In the entries with so-called Ruski Krstur – Kucura variants the differences have been emphasized. In Kochish`s orthographic dictionary the Kucura variants were marked with an asterisk and were treated as ungrammatical. We have checked the situation in the Carpathian area first and if so-called Kucura variants exist in other variants of the Rusin / Rusyn language we have accepted them as grammatical. For example:

bl`ishchats, pres. -shchim, past -al, imper. -shch, pl. -shchtse, pass. part. -ani, pres. part. -tsi and bl`ishchits, pres.-im, past -shchel, imper. -shch, pl. -shchtse, pass. part. -shcheni, pres. part. – tsi;

bezhats, pres. -zhim, past -al, imper. -zh, pl. -zhtse, pass. part. -ani, pres. part. -tsi and bezhits, pres. -im, past -zhel, imper. -zh, pl. -zhtse, pass. part. -zheni, pres. part. – tsi;

eshchi and ishche, unchanged.

This also applies to the genitive forms of nouns ending in vowels (for ex. *Pera* and *D ùra*), which are acceptable both as *do Peri/D ùri* and as *do Peru/D ùru*. As far as the so-called Kucura ending *-l ĭ* (in the third person plural of the past tense) is concerned, which is confirmed by the Carpathian region, but used only by the older generations, we treat it as obsolete. It can be used, for example, in fiction, in order to characterize a person coming from Kucura.

One of the common problems in Rusin orthography is the duplication or non-duplication of consonants, especially when they are in the end of a prefix or at the beginning of a base. For example:

obbudovats, fut. -duyem, past -al, imper. -duy, pass. part. –ani;
oddal`its, fut. -l`im, past -l`el, imper. -l', pass. part. -l`eni;
oddanosts, -tsi;
oddzel`en`e, -n`a, loc. o oddzel`en`u; Oddzel`en`e za rusinistiku;
predd`iya, -d`iyi;
rozzubadlats, fut. -lam, past -lal, imper. -lay, pass. part. -lani;
bezzvuchni, -na, -ne;
zzukosa, unchanged;
zakonni, -onna, -onne and zakonski, -ska, -ske;
bezzakonni, -onna, -onne and bezzakonski, -ska, -ske.

Although the *Orthographic Dictionary* allows variants we are prone to the principle that, if there are variants-replicas of new loanwords, and there is a consciousness about the model-original, the replicas should be formed according to the models, that is, according to the original forms (for ex. *beyzbol, gram, huligan, shpiyun*).

This also concerns hiatus. Although the alophone of consonant *y* (j) is heard between two vowels we do not write it. For example:

alkaloid, -du/-da;
arkhaichni (*arkhayichni), -na, -ne;
ateist (*ateyist) -sta i ateista (*ateyista), -sti;
milion (*miliyon), -na, loc. milionu;
mozaik, -ka;
kokain, -na;
kofein, -nu, loc. kofeinu;
kreirats, pres. and fut. -am, past -al, imper. -ay, pass. part. -ani, pres. part.- ayutsi;
radio, -iya, pl. radiya, -iyokh;
spermatozoid, -da, pl. spermatozoidi, -dokh.

Only several exceptions have been made when we have allowed a vowel in replicas to separate two consonants of the model form. This has been done in order to achieve easier pronunciation. It applies to international suffix *-ism* (> *iz(e)m*) too.

vandaliz[e]m, -zma/-zmu, loc. o vandalizme/-mu;
teiz[e]m, -zma/-zmu, loc. o teizme/-mu;
rit[e]m (*ritam), -tma/-tmu, loc. ritme/-mu;
rit[e]m-sektsiya, -tsiyi;
kab[e]l, -la, loc. o kab[e]lu.

The soft sign ( ) has not been written if there has been no linguistic argument for it. This particularly concerns the ending *-an* `-in the nominative of the singular in which the soft sign appears by analogy, under the influence of the ending *-n è* in the form of the nominative of the plural:

Verbashchan, -na, pl. Verbashchan`e, -nokh;
D`urd`ovchan, -na, pl. D`urd`ovchan`e, -nokh;
Lichan, -na, pl. Lichan`e, -nokh.

If it may happen that two consonants are viewed as digraphs (two letters that stand instead of one phoneme: *дз, дж, дь, ть, нь, ль*; respectively dz, dzh, d`, t`, l`, n`), the apostrophe (') is used to separate the consonants.

nad'zhits, fut. -iyem, past -il, imper. -zhiy, pass. part. -iti;
nad'zvichayno, unchanged;
pred'znak, -ka;
kon'yugatsiya, -iyi;
pred'yedlo, -la;
Tat'yana, -ni;
Yut'yub, gen. Yut'yuba/Yut'yubu, loc. o Yut'yubu;
Zakarpat'ye, -t'ya.

Conclusions

As far as the orthography rules in the Rusin language are concerned three main groups of problems can be distinguished: establishing a phonological or morphological principle; dialectization of the Rusin language followed by implementing solutions implemented in other languages; treatment of loanwords.

In the new *Orthographic Dictionary of the Rusin Language* (2017) the author follows the following two guidelines: first, if a particular form is alive, general and integrated in the Rusin system it should be accepted; second, if there are several variants of a loanword, with and without awareness of the original form, the standardization rules should be directed towards the pronunciation of a given word in a given foreign language. There many doublets in the *Orthographic Dictionary*, since the Rusin language has been under the influence of Slavic and non-Slavic languages – beginning from the Church Slavonic, Hungarian and German in the past to Serbian and English nowadays.

Special attention has been paid to verbs which was not the case in the first *Orthography Rule-Book of the Rusin Language* (1971) and, consequently, five verbal forms have been provided for the non-totive / imperfective and biaspectual verbs.

REFERENCES

Dulichenko, A.D. (2009) *Jugoslavo Ruthenica II* [Yugoslav Ruthenica II]. Novi Sad: Filozofski fakultet, Oddzel`en`e za rusinistiku, NVU Ruske slovo.

Feysa, M. (2000) Juhoslavyanski Rusini (Rusnatsi) [Yugoslav Rusins]. In: Meaufront M. (ed.) *Multilingual European Guide of Cultural Communities and of Maisons de Pays of Europe*). Le Cannet: European Federation of the Maisons de Pays. pp. 267–278.

Feysa, M. (2004) Sotsiolingvistichni aspekt ruskoho yazika: Voyvodina [Sociolinguistic Aspect of the Rusin Language: Voyvodina]. In: Magocsi P. R. (ed.) *Rusin`skyj jazyk* [The Rusin Language]. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej. pp. 373–383.

Feysa, M. & Medeshi, H. (2007) Pravopisni problemi ruskoho yazika u Voyvodini [Orthographic problems of the Rusin Language in Voyvodina]. In: Plišková, A. (ed.) *Jazyková kultúra a jaziková norma v rusínskom jazyku* [Language culture and norm in the Rusin language]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav regionálnih a národnostných štúdií. pp. 59–65.

Feysa, M. (2009) Tendentsiyi rozvoyu normovan`a ruskoho yazika voyvod`anskikh Rusnatsokh [The tendencies of the development of the standard of the Rusin language of the Voyvodina Rusins]. *Rusin.* 1(15). pp. 101–109.

Feysa, M. (2010). *Nova Srbiya i n`ena rusinska man`ina* [The New Serbia and Its Rusin Minority]. Novi Sad: IK Prometey i KPD DOK.

Feysa, M. (2017) *Pravopisni slovn`ik ruskoho yazika* [Orthographic Dictionary of the Rusin Language]. Novi Sad: Filozofski fakultet, Oddzel`en`e za rusinistiku. [Online] Available from: http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2017/978-86-6065-419-1 (Accessed: 5th September 2017).

Gavrilovich, S. (1977) Rusini u Bachkoy i Sremu od sredine XVIII do sredine XIX veka [The Rusins in Bachka and Srem from the middle of the 18th Century to the middle of the 19th centuries]. *Godishn`ak Drushtva istorichara Voyvodin*e. pp. 153-215.

Hornak, M. (2006) Bachko-sremski Rusini [Bachka-Srem Rusins]. In: Feysa, M. (ed.) *Rusini* [Rusins (1745-2005) I]. Novi Sad: IK Prometey, Filozofski fakultet, Odsek za rusinistiku i KPD DOK. pp. 17–74.

Kochish, M.M. (1971) *Pravopis ruskoho yazika* [Orthographic Rule-Book of the Rusin Language]. Novi Sad: Pokrayinski zavod za vidavan`e uchebn`ikokh.

Kochish, M.M. (1972) *Priruchni terminologiyni slovn ̈ik serbskohorvatsko-rusko-ukrayinski* [Handy Terminology Dictionary SerboCroatian-Rusin-Ukrainian]. Novi Sad: Novinsko-vidavatel`na ustanova Ruske slovo.

Kochish, M.M. (1977) *Gramatika ruskoho yazika* [Grammar of the Rusin Language]. Novi Sad: Pokrayinski zavod za vidavan`e uchebn`ikokh.

Kostelnik, H. 1923. *Gramatika bachvan'sko-ruskey beshedi* [Grammar of Bachka-Rusin Speech]. RNPD, Ruski Kerestur.

Magocsi, P.R. (ed.) (2004) *Rusin ̀skyj jazyk*. [The Rusin Language]. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskej.

Medeshi, L. (1993) The problem of cultural borders in the history of ethnic groups: The Yugoslav Rusins. In: Magocsi, P.R. (ed.) *The Persistence of Regional Cultures: Rusyns and Ukrainians in Their Carpathian Homeland and Abroad*. New York: Carpatho-Rusin Research Centre. pp. 139–163.

Ramach, Yu. (2002) *Gramatika ruskoho yazika* [Grammar of the Rusin Language]. Belgrade: Zavod za udzhbenike i nastavna sredstva.

Feysa Mikhaylo – University of Novi Sad (Serbia).

Фейса Михайло – доктор лингвистических наук, профессор кафедры русинского языка и литературы философского факультета университета города Нови Сад (Сербия).

E-mail: fejsam@gmail.com

УДК 94(477)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/12

МЕЖДУ МИГРАЦИОНИЗМОМ И АВТОХТОНИЗМОМ: ВОПРОС ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУСИНОВ ЗАКАРПАТЬЯ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО НАРРАТИВА*

Д.Е. Алимов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 119034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: d.alimov@spbu.ru

Авторское резюме

К середине XIX в. в русинской историографии оформились две основные концепции происхождения русинского населения на землях Венгерского королевства: миграционизм, связывавший первое появление русинов за Карпатами с миграцией в Карпатскую котловину венгров, и автохтонизм, утверждавший, что русины или их предки к моменту прихода венгров уже проживали на занимаемых ими территориях. В то время как концепция миграционизма основывалась на информации средневекового письменного источника – «Деяниях венгров» Анонима, появление автохтонистской концепции было обусловлено развитием в Европе протонационального дискурса и отражало ориентацию русинских авторов на модерную историографию. Обозначившееся с развитием критической историографии противоречие между автохтонизмом и распространившимся в науке представлением о скандинавском происхождением названия «русь» было разрешено в русинской историографии с помощью теории о происхождении угорских русинов от «русского» (т. е. восточнославянского) племени белых хорватов, покорившихся в X в. власти Киева. В результате автохтонистская концепция выдержала испытание временем и стала важным элементом русинского национального исторического нарратива.

Ключевые слова: русины, национальный исторический нарратив, миграционизм, автохтонизм, белые хорваты.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 16-18-10080 «“Мобилизованное средневековье”: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в Новое и Новейшее время».

BETWEEN MIGRATIONISM AND AUTOCHTONISM: ON THE ORIGIN OF TRANSCARPATHIAN RUSINS IN THE DISCURSIVE SPACE OF THE NATIONAL NARRATIVE*

D.E. Alimov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: d.alimov@spbu.ru

Abstract

By the mid-19th century the Carpatho-Rusin historiography had formed two basic concepts of the origin of the Rusin population living in the Hungarian Kingdom: migrationism, which connected the first appearance of the Rusins in the future Hungarian territory with the Hungarian migration to the Carpathian Basin at the end of the 9th century, and autochthonism, which claimed that the Rusins or their immediate ancestors had settled there long before the migration of the Magyars. While migrationism was based on the medieval written source – the anonimous Gesta Hungarorum (circa 1200), autochtonistic concept appeared due to the development of proto-national discourse in Europe and reflected the orientation of Rusin authors to modern historiography. There was a contradiction between the autochtonistic discourse of the Rusin origins and the notion of the Scandinavian origin of the name "Rus" developed in the critical historiography. This contradiction was resolved in the Rusin historiography in the second half of the 19th century by means of the theory that the Hungarian Rusins originate from the "Rusin" (that is East Slavic) tribe of White Croats, who were subjugated by Kiev in the 10th century. As a result, the autochtonistic concept has stood the test of time and become an important element of the Rusin national historical narrative.

Keywords: Rusins, national historical narrative, migrationism, autochtonism, White Croats.

---

* The research was supported by the Russian Science Foundation, Project Nr. 16-18-10080: Mobilised Middle Ages: The Use of Medieval Images in Discourses of Nation and State Building in Russia and Countries of Central-Eastern Europe and the Balkans in Modern and Contemporary Times.

Национальный исторический нарратив, т. е. последовательное изложение истории народа / нации от прошлого к настоящему, как особый жанр историографии строит свою научную легитимность на примордиалистском подходе к этничности, согласно которому этнос может быть идентифицирован как через этническое самосознание, так и через присущие ему культурные характеристики. Отсюда следует, что основным смыслообразующим принципом национального исторического нарратива является артикуляция преемственности между прошлым и настоящим в этнических категориях, вследствие которой народ как своего рода коллективный социальный актор предстает субъектом исторического процесса (Schöpflin 1997). Хотя к настоящему времени примордиалистский подход потерял свое господствующее положение в науке об этничности, уступив место различным вариациям конструктивизма, отрицающего объективное существование этносов и переключающего внимание исследователей на субъективную и контекстуальную обусловленность этнической идентичности (Ачкасов 2005: 30–49), жанр национального нарратива не только не угас, но и не утратил присущих ему прочных позиций, что, очевидно, объясняется большой социальной и политической востребованностью таких текстов. Более того, поскольку процесс формирования наций отнюдь не закончился в XX в., а активно продолжается и в наши дни (например, в государствах, образовавшихся после распада СССР), постоянно возникает потребность в переработке старых или создании новых национальных нарративов.

Одним из таких новых (а точнее, возрожденных) национальных нарративов, еще не вполне привычных для постсоветского пространства, является национальный нарратив русинов Закарпатья, вновь заявивших о себе в конце XX в. после долгих десятилетий чуть ли не полного замалчивания их существования. Основа русинской интерпретации древнего прошлого исторической Угорской Руси (т. е. населенных русинами областей Венгерского королевства, входящих ныне в состав Украины (Закарпатье), Словакии (Прешовский край) и Румынии (Марамуреш)) сложилась уже в XIX в. (Данилюк 1999), причем ее краеугольным камнем являлось представление о весьма древнем – не позднее IX в. – появлении (предков) русинов на будущих землях Венгерского королевства. Тезис о древнем происхождении угорских русинов удачно сочетался с тезисом об исключительной для восточных славян древности русинского христианства: в рамках русинского национального нарратива утверждалось, что русины приняли христианство от Кирилла и Мефодия, т. е. за сто с лишним лет до крещения остальных восточных славян киевским князем Владимиром

(Магочій 1994: 68–71; Magocsi 2015: 40). Несмотря на то, что еще в первой половине XX в. эти пункты русинского национального нарратива подверглись критике в академической историографии (Петров 1930: 6–88), а после 1945–1952 гг., когда русинская идентичность в СССР и Чехословакии фактически оказалась под запретом, на несколько десятилетий были преданы забвению, они возродились в конце XX в., в период активизации русинского национального движения (Michna 2010: 93–96).

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть те тезисы русинского историописания, относящиеся к территории исторической Угорской Руси, которые связаны с такой ключевой для любого национального нарратива темой, как происхождение народа. Актуальность данной задачи обусловлена тем, что новые или заново актуализированные версии национальных нарративов, которые в настоящее время в изобилии встречаются на постсоветском пространстве, нередко сталкиваются с неприятием академических сообществ: их обвиняют в ненаучности, тенденциозности и т. п. Хотя подобная критика бывает справедливой, она имеет существенный изъян, так как имплицитно подразумевает возможность существования неких «правильных» национальных нарративов, т. е. она осуществляется не столько с позиций исторической науки как таковой, сколько с позиций других национальных нарративов, более старых и потому уже успевших войти в общественное сознание.

Между тем, с точки зрения конструктивистского подхода, обнаружение несоответствия национальных нарративов исторической реальности выглядит по большому счету излишним, так как конструктивизм, исходящий из факта обусловленности любой этнической идентичности постоянно меняющимся социально-историческим контекстом, стремится по возможности избегать объективистской интерпретации наделенной данной идентичностью группы людей (этноса) как социального актора. Иными словами, конструктивизм стремится не упускать из виду того, что этнос является сугубо воображаемым сообществом и в настоящем, и в прошлом. Благодаря этому конструктивистский подход позволяет сфокусироваться на той стороне национального нарратива, которая обычно ускользает от внимания объективистски настроенных критиков, сосредоточенных на проблеме его соответствия историческим реалиям, а именно на его функциональности и внутренней логике в рамках стоящей перед ним основной задачи: выстраивания в этнических категориях линии преемственности от прошлого к настоящему. Отталкиваясь от этой методологической посылки, мы сконцентрируем внимание не столько на адекватности представлений русинского нарратива о

происхождении русинов исторической реальности, сколько на логике их развития и их значении с точки зрения функций презентации национальной истории.

Вопрос о времени и обстоятельствах появления русинов на территории Карпатской котловины волновал русинских историков практически со времени появления на исходе XVIII в. модерной русинской историографии на землях Венгерского королевства. Зародыш этногенетической концепции, элементы которой будут затем воспроизводиться на протяжении многих десятилетий, можно обнаружить уже в труде основоположника русинского историописания И. Базиловича, повествующем об истории Мукачевского монастыря (1799 г.). По мнению Базиловича, «народ русинов» (*gens Ruthenorum*) проживал на территории Венгрии еще до прихода венгров вместе со славянами, болгарами и сербами (Bazilovič 1799: 74). Другой автор русинского происхождения, И.С. Орлай, в специально посвященной переселению русинов за Карпаты работе связывал первое появление русинов («россиян») за Карпатами с движением в Паннонию венгерских отрядов Алмоша, которые, по его мнению, сопровождало множество русинов. Среди прочего Орлай отмечал, что венгерский вождь Зулта поселил часть русинов на венгерско-немецкой границе в крепости, получившей название *Оросвар* (Орлай 1804). Еще дальше в развитии тезиса о древнем венгерско-русинском союзе пошел Ю.И. Венелин, который в своей юношеской работе о «венгерских россиянах», написанной в 1820-е гг., не только говорил о совместном с венграми освоении «россиянами» Карпатской котловины, но и утверждал, что венгры и русины разделили доставшуюся им землю между собой: русины при этом будто бы получили во владение всю северную часть будущей Венгрии, где об их присутствии напоминает название крепости Оросвар (Венелин 1905: 95).

В отличие от Орлая и Венелина, М. Лучкай, автор фундаментальной, написанной на латыни «Истории карпато-рутенов» (1843 г.), хотя и не отрицал переселений русинов за Карпаты, происходивших в период миграции венгров и позже, все же считал, что предки русинов по большей части уже обитали в Карпатской котловине ко времени появления здесь венгерских переселенцев. Русины, согласно Лучкаю, были прямыми потомками местного автохтонного славянского народа, известного древним авторам под именами сарматов, гетов, даков и язигов (Лучкай 1988: 123, 132). Похожей позиции позднее придерживался и А. Духнович, автор «Истинной истории карпаторроссов» (1853 г.), по мнению которого «русский народ», подобно народам болгарскому, сербскому, валашскому и славянскому, обитал в Карпатах еще в римские времена. Причем, считает Духнович, в

древности имели место переселения «русских» не только в Карпаты, но и с Карпат в русские земли, так как именно карпатский регион, по мнению историка, являлся древней родиной русского народа (Духнович 1914: 532).

Как видно, в ранней русинской историографии в вопросе о времени и обстоятельствах появления русинов на территории Венгрии явственно обозначаются две концепции, которые, абстрагируясь от нюансов, можно было бы обозначить как *миграционизм* (концепция прихода русинов в Карпаты вместе с венграми) и *автохтонизм* (концепция, согласно которой русины еще до прихода венгров проживали на территории будущей Венгрии). Причем если одни авторы отдавали преимущество миграционизму, то другие предпочитали задействовать в своем объяснении происхождения русинского населения под Карпатами обе названные концепции. Следует подчеркнуть, что в обоих случаях русинские историки не были революционерами, а находились в контексте современной им историографии Венгерского королевства. Так, представление о проживании русинов на землях будущей Венгрии еще до прихода венгров можно было обнаружить в работе словацкого автора А.Ф. Коллара «О происхождении, распространении и поселении народа рутенов в Венгрии» (1749 г.), которая, хотя и оставалась в рукописи, была известна интеллектуалам того времени (Поп 2001: 210). В труде венгерского историка А. Дейчи «О венгерских русинах» (1797 г.) также отстаивался тезис о весьма древнем их появлении в венгерских землях: первоначальное водворение русинов в Венгрии связывалось здесь с временами Аттилы (Décsy 1797: 6), который традиционно считался в венгерской историографии далеким предком Арпада. Сторонником автохтонности русинов был и венгерский историк А. Сирмай, высказывавший убеждение, что русины населяли занимаемые ими земли еще до прихода венгров, будучи известны древним авторам под именем сарматов. При этом Сирмай, подобно всем прочим названным авторам, не отрицал и позднейших русинских миграций с востока (Szirmay 1803: 50–51).

На чем же основались суждения названных историков о происхождении русинов? С миграционистской концепцией, т. е. с представлением о поселении русинов в Карпатской котловине вместе с венграми, дело обстояло просто: она целиком и полностью зиждилась на информации средневекового письменного памятника – «Деяний венгров» (*Gesta Hungarorum*) так называемого «анонимного нотария короля Белы». Это письменный памятник, созданный, вероятнее всего, около 1200 г. нотарием венгерского короля Белы III (1172–1196 гг.), содержал подробное повествование о происхождении венгров и

их переселении в Карпатскую котловину, которое, по информации источника, сопровождалось сражениями и покорением разных народов. Ныне в исторической науке известия этого памятника воспринимаются скорее как отражение исторического сознания венгерской знати эпохи классического средневековья, нежели как достоверный источник информации о периоде венгерского «обретения родины», однако в XVIII – первой половине XIX в., когда делала свои первые шаги русинская историография, он пользовался чуть ли не полным доверием историков.

В 10-й главе «Деяний венгров» рассказывается о якобы имевшем место покорении венграми, которые двигались на запад через земли Восточной Европы, оказавшихся на их пути русов и половцев. По словам Анонима, поклявшись в верности Алмошу, семеро половецких вождей «согласились идти в Паннонию вместе со своими женами и детьми, а также с огромной массой [своего народа]». Так же, по его словам, поступили и русы: «Подобным образом многие из русов присоединились к вождю Альмошу и пришли с ним в Паннонию. Их потомство до сегодняшнего дня проживает в различных местах Венгрии» (Шушарин 1961: 134). Из этого же источника (57-я глава) происходит и важная для русинских историков информация о том, как сын Арпада Золтан, занятый укреплением границ своей державы, предоставил «рутенам», пришедшим с Алмошем в Паннонию, возможность соорудить крепость на ее западных рубежах, на границе с «тевтонами». Отождествление этой безымянной «рутенской крепости» с Оросваром (ныне Русовце в черте Братиславы), впервые упоминаемым под 1208 г. (Волощук 2014: 239), ко времени появления упомянутых работ русинских авторов существовало уже давно.

Таким образом, представленная в работах первых русинских историков концепция переселения русинов в Паннонию вместе с венграми, находившимися в процессе «обретения родины», имела всецело средневековые истоки, почти буквально воспроизводя информацию «Деяний венгров». Иное дело – автохтонизм, т. е. концепция, согласно которой русины проживали в Венгрии задолго до прихода венгров. Хотя, в отличие от миграционизма, автохтонизм не находит ни малейших подтверждений в информации письменных источников, именно в этой концепции, возникшей независимо от средневековой традиции, ярко проявились модерные черты исторических представлений русинских авторов. Дело в том, что за неимением прямых письменных свидетельств концепция автохтонности русинского населения в Венгрии требовала от русинских историков более сложного обоснования, нежели это было в случае с миграционистской концепцией, где было достаточно процитировать средневековый текст.

Какие же аргументы пускали в ход русинские историки, пытаясь обосновать автохтонность русинского населения к западу от Карпат? Так, М. Лучкай ссылался на отсутствие в источниках известий об изгнании или уничтожении пришедшими в Карпатскую котловину венграми местного славянского населения, что, по его мнению, косвенно могло бы свидетельствовать в пользу автохтонного происхождения русинов. Не менее важным было, по мнению историка, и то, что о поселении русинов за Карптами ничего не сообщает русский летописец Нестор, мимо внимания которого едва ли прошло бы столь значимое событие. Наконец, сами переселения русинов, происходившие в период занятия венграми Паннонии и позже, хотя, несомненно, и имели место, однако же по самому своему характеру не могли быть переселениями крупных масс народа. Следовательно, полагал Лучкай, местная славянская топонимика в русинских краях была автохтонного происхождения, а сами русины являлись потомками древних славяноязычных жителей Карпатской котловины (Лучкай 1988: 123–124, 138–139).

В 1870-е гг. аргументы в пользу автохтонного происхождения русинов, высказывавшиеся в работах русинских и венгерских авторов конца XVIII – первой половины XIX в., суммировал русинский историк И. Дулишкович, критически рассмотревший все имевшиеся к тому времени суждения о появлении русинов на землях Венгерского королевства. Дулишкович выделял три важнейших соображения, позволяющих, по его мнению, присоединиться к сторонникам автохтонистской концепции. Во-первых, полагал историк, относительно позднее появление названия «русь» (не ранее IX в.) не может служить аргументом против глубокой древности обитания русинов в Венгрии, так как в ту пору они назывались просто славянами. Во-вторых, в те древние времена и у славян в Паннонии, и у славян, живших к востоку от Карпат, был один язык. В-третьих, присутствие в венгерской лексике большого количества слов славянского корня и сильные позиции восточного христианства в ранней истории Венгрии не могут объясняться лишь миграцией с венграми в Паннонию небольшого числа русинов, но прямо указывают на воздействие на венгров больших масс автохтонного «славяно-русского» населения (Дулишкович 1874: 120–122).

Как видно, одним из важнейших аргументов сторонников автохтонизма являлся аргумент языковой: коль скоро русины говорят по-славянски, то они могут считаться потомками древнего населения Карпатской котловины, издревле говорившего по-славянски. Появление подобного аргумента в русинской историографии весьма симптоматично, т. к. находит аналогию в исторической мысли других народов Центральной Европы эпохи формирования наций, когда

стали распространятся этногенетические конструкции, устанавливавшие связь между древними и современными народами через мнимое или реальное родство их языков. Хотя нельзя утверждать, что паннонско-славянский автохтонизм стал для русинов таким же мощным этнонациональным мифом, каким был, например, иллиризм для южных славян, все же необходимо подчеркнуть, что автохтонистский дискурс существенно повлиял на дальнейшую разработку русинского исторического нарратива. Подобно тому как иллиризм позволял южнославянским авторам приписывать славянам деяния древних иллирийцев, концепция автохтонности русинов создала возможность для включения в русинский исторический нарратив некоторых важных сюжетов из эпохи, предшествовавшей появлению в Карпатской котловине венгерских дружин Алмоша и Арпада.

Одним из важнейших исторических сюжетов из «доарпадовской» истории Карпатской котловины, вошедших в русинский исторический нарратив, стала миссия Кирилла и Мефодия в Великой Моравии, начало которой относится к 863 г. Именно с деятельностью солунских братьев в русинской историографии стало связываться принятие русинами христианства, а сами Кирилл и Мефодий со временем приобрели статус особо почитаемых в русинской среде святых. Другой исторический сюжет, ставший пригодным для национальной апроприации благодаря автохтонистским установкам русинских авторов, непосредственно связан с событиями эпохи венгерского «обретения родины» в том виде, в каком они описаны в вышеупомянутых анонимных «Деяниях венгров». Дело в том, что на страницах данного источника упоминается несколько княжеств, якобы существовавших на территории Карпатской котловины к моменту прихода сюда венгров, причем, судя по наличествующим в тексте памятника четким географическим привязкам, одно из них как раз охватывало территорию расселения русинов. Речь идет о владениях комита замка *Hung* (Ужгород) по имени *Loborcy*, безуспешно боровшегося с венграми-завоевателями, вторгшимися в Верхнее Потисье. Согласно Анониму, Верхнее Потисье, где правил *Loborcy*, было частью земель, подвластных правителю Салану, правившему в междуречье Дуная и Тисы и являвшемуся потомком некоего болгарского правителя по имени *Keanus* (SRH: 48). Рассказывая о гибели комита Хунга, повешенного настигшими его венграми, Аноним сообщает, что именно по его имени получила свое название местная река (SRH: 52): речь идет о реке Лаборец, протекающей по территории Восточной Словакии.

Уже в работе А. Духновича «Истинная история карпато-россов» мы встречаем попытку связать «страну Салана», а также соседствовавшую с нею «страну Менуморута» к востоку от Тисы с русинами. Обосно-

вывая русинскую принадлежность этих политических организмов, историк ссылался на якобы славянскую этимологию венгерских названий расположенных в этих краях городов, отмечая, что именно в русинской речи сохранились их оригинальные славянские формы. Это служит автору доказательством их первоначальной славянской, а значит, русинской принадлежности. То, что в венгерском источнике и Салан, и Менуморут связываются с болгарами, историка не смущает: название *болгары*, по его мнению, было собирательным названием разных славянских народов, как, например, название *скифы* служило древним авторам обозначением различных азиатских и кавказских племен (Духнович 1914: 533). Впрочем, владения Салана и Менуморута лежали далеко от областей расселения русинов, на землях, преимущественно населенных венграми и румынами, вследствие чего в русинский национальный нарратив названные вожди все-таки не попали. Иное дело – комит крепости Хунг, который во второй половине XIX в. прочно вошел в русинский нарратив под именем князя Лаборца. Включение этой полулегендарной фигуры в русинский национальный нарратив не только давало возможность говорить о существовании на исходе IX в. особого «русинского княжества», делая, таким образом, русинов «политическим народом», что было крайне необходимо в условиях борьбы за национальную эмансипацию в условиях Габсбургской монархии[1], но и позволяло рассматривать его трагическую гибель в категориях национальной борьбы с завоевателями. Неудивительно, что сюжет о Лаборце не только прочно прописался в русинском историческом нарративе, но и стал служить источником вдохновения для национально ориентированной художественной литературы (Панько 1991).

Казалось бы, можно заключить, что к середине XIX в. у карпаторусинских историков сформировалось довольно ясное и внутренне непротиворечивое представление о происхождении своего народа. И все-таки была у русинского нарратива своего рода «ахиллесова пята». Ею можно считать то обстоятельство, что в рамках автохтонистской интерпретации происхождения русинов не было ясно объяснено то, как и почему местные славяне стали именоваться русинами. Русинский автохтонизм стал особенно уязвим по мере развития критической историографии, когда в откровенное противоречие с ним вступила активно развивавшаяся в исторической науке норманнская теория, в рамках которой с помощью солидных научных аргументов обосновывалось скандинавское происхождение названия *русь*. Показательно, например, что уже М. Лучкай, признавая северное происхождение названия *русь* и связывая его появление в Поднепровье с занятием Киева Олегом в 882 г., считал, что это

название лишь позднее распространилось на славян Потисья – будущих русинов (Лучкай 1988: 131).

Между тем признание, что русское имя проникло за Карпаты уже после того, как туда пришли венгры, бросало вызов традиционному русинскому автохтонизму. Иными словами, считать Кирилла и Мефодия просветителями русинов, а легендарного Лаборца – русским князем стало крайне затруднительно в условиях сформировавшегося в науке консенсуса относительно того, что древнейшая Русская земля складывалась в IX–X вв. в районе Киева, т. е. на огромном расстоянии от Карпат, а первыми носителями имени «русь» были отнюдь не славянские жители, а скандинавские воины и торговцы, контролировавшие торговые пути по Волге и Днепру. Однако уже во второй половине XIX в. представление об исконности проживания русинов в Венгерском королевстве было «спасено» с помощью теории, согласно которой непосредственными предками русинов было «русское» (в тогдашней терминологии – восточнославянское) племя белых хорватов, область расселения которых будто бы охватывала территории Угорской Руси и польской Лемковщины. Как и в случае с более ранними представлениями об автохтонности русинов, «хорватская теория» была обязана своим появлением актуальному для того времени историографическому контексту: так, уроженец Лемковщины галицко-русский автор А. Торонский, обосновывая в своем пионерском труде по этнографии лемков их белохорватское происхождение, ссылался на Н.М. Карамзина и П.Й. Шафарика (Тороньский 1860: 392–395), а знаменитый русинский будитель А. Добрянский, размещая белых хорватов на землях Угорской Руси, – на Карамзина и С.М. Соловьева (Добрянский 1880: 139).

Действительно, к середине XIX в. в европейской науке распространилось представление, что древнее славянское племя хорватов некогда обитало именно в Карпатском регионе, откуда часть его затем отправилась на Балканы. Если не считать самого сходства названий *хорваты* и *Карпаты*, к которому часто апеллировали авторы XIX в., важнейшим основанием для локализации хорватов в этом регионе служили сведения двух средневековых источников: трактата византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), где сообщалось о прародине хорватов – Белой Хорватии, расположенной к северу от Венгрии, и «Повести временных лет» (начало XII в.), где хорваты неоднократно упоминаются в числе славянских племен Восточной Европы. При этом летописные известия об участии хорватов в походе князя Олега на Царьград в 907 г. и о военной кампании, предпринятой против них в 993 г. князем Владимиром, позволяли историкам делать вывод о

весьма раннем вхождении этого славянского племени в состав Киевской Руси (Майоров 2006: 62–79).

Хотя локализация белых хорватов в Галичине и особенно в Закарпатье была и по сей день остается в высшей степени гипотетической (Алимов 2016: 241–255), в рамках такого историографического жанра, как национальный исторический нарратив, любая гипотеза, если она отвечает задаче выстраивания непрерывной истории этноса на занимаемой им территории, имеет шансы превратиться в общепринятый внутри данного этноса «факт биографии» народа. Именно такая метаморфоза, судя по всему, и произошла с «хорватской теорией», которая позволяла сохранить оформившиеся к середине XIX в. базовые элементы русинского нарратива, а именно представления о принятии предками русинов христианства из Великой Моравии и наличии у них к моменту прихода венгров «своего княжества» во главе с Лаборцем (который, таким образом, стал считаться правителем белых хорватов). С распространением «хорватской теории», ставшей в межвоенный период господствующей в русинской историографии, картина ранней истории земель, населенных русинами, приобрела в русинском нарративе внешне убедительный и внутренне непротиворечивый вид. Суть ее заключалась в том, что славянское племя белых хорватов, якобы издавна населявшее как Прикарпатье, так и Закарпатье, было покорено киевскими князьями – сначала (временно) Олегом, а затем (окончательно) Владимиром, в результате чего и приняло новое для себя название «русь» (Пачовський 1920: 15; Бескид 1928: 73–74).

Как справедливо заметил К.В. Шевченко, современную русинскую историографию от той, что существовала в межвоенный период, отличает отказ от представления о вхождении территории, лежащей за Карпатами, в состав Киевской Руси (Шевченко 2010: 47). Оставляя в стороне научную обоснованность такого отказа, лично нам представляющуюся весьма солидной[2], обратим внимание на последствия, которые концепция отсутствия в Закарпатье власти Киева несет для дальнейшего развития русинского национального нарратива. Нетрудно заметить, что с ее утверждением вновь обостряется проблема появления в Карпатах названия «русь», которая, как уже отмечалось выше, давно является наиболее уязвимым местом русинского автохтонизма. Действительно, если Закарпатье не входило в состав Киевской Руси, то как же местные жители превратились в русинов? Ответ на этот вопрос, который дается в современной словацкой и польской историографии, где русины Угорской Руси и польской Лемковщины давно считаются потомками восточнославянских крестьян-колонистов, расселявшихся в Карпатах в XIV–XVII в. вместе с валахами на

основе так называемого «валашского права», творцов русинского национального нарратива едва ли устроит: принятие данной точки зрения означало бы не только полный отказ от автохтонизма в пользу миграционизма, но и еще большее, чем в случае с тезисом о присутствии за Карпатами власти Киевской Руси, растворение этнической и исторической индивидуальности местного русинского населения в восточнославянском (прежде всего, украинском) этническом массиве, чего русинский национальный исторический нарратив по определению не должен допускать.

В этой связи средством сохранения русинского автохтонизма и вытекающих из него представлений о ранней истории русинов, проживающих за Карпатами (принятие предками русинов христианства в IX в. и наличие у них своей политической единицы во главе с князем Лаборцем), неминуемо становится намеченная еще в XIX в. историческая схема, хотя и признававшая наличие миграций населения с востока, но отводившая основную роль в формировании русинского населения, проживающего за Карпатами, местному славянскому субстрату. Следует отметить, что описание истории народа, акцентирующее внимание на этническом субстрате и не придающее центрального значения происхождению его названия, находит аналогию во многих современных национальных историографиях, являясь привычным способом преодоления противоречий между автохтонистской и миграционистской интерпретациями этногенеза. В этом смысле артикуляция в современной русинской историографии роли этнического субстрата в этногенезе русинов Закарпатья может знаменовать возвращение – пусть и на совершенно новом научном уровне – к традиционному для русинского нарратива автохтонистскому тезису. Таким образом, колебание между миграционизмом и автохтонизмом, характерное уже для начальных этапов формирования русинского исторического нарратива, можно считать свойством, имплицитно ему присущим. Осознание данной ситуации, которая сама по себе отнюдь не является уникальной для такого жанра историографии, как национальный исторический нарратив, позволяет тем не менее не только понять внутреннюю логику развития русинского нарратива, но и адекватно охарактеризовать его специфику в глобальном историографическом контексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Похожую роль играло в русинском историческом нарративе и представление о существовании в средневековой Венгрии особой русинской автономии – «Русской марки», основанное на упоминании под 1127 г. в Житии Конрада Зальцбургского некоей «марки рутенов»

(*marchia Ruthenorum*), а также на загадочном титуле «*dux Ruizorum*», использованном в «Хильдесхаймских анналах» (1060-е гг.) по отношению к венгерскому герцогу Имре. Местонахождение марки рутенов, а также причины, по которой она так называлась, до сих пор остаются предметом споров в исторической науке. Высказываются гипотезы, что так именовалась территория Венгрии, пограничная с Русью, или область, где селились прибывавшие в Венгрию русские купцы. Относительно Имре существует предположение, что он командовал воинами-русами, находившимися на службе у венгерского короля (Волощук 2014: 102–109).

2. В украинской историографии известие «Венгерско-польской хроники» (XIII в.), согласно которому границы Польши, Венгрии и Руси в начале XI в. сходились где-то в районе «соляной крепости» (*castrum Salis*), интерпретировалось в том смысле, что земли к востоку от «соляной крепости», отождествляемой с одним из населенных пунктов Восточной Словакии, принадлежали Руси (Лелекач 1949: 35–36; Пеняк 2012: 15–16). Между тем внимательное чтение данного известия, в котором описывается контур южной границы Польши (включавшей тогда в свой состав Моравию и Словакию) сначала с севера на юг, а затем с юга на север, в сочетании с отождествлением «соляной крепости» с Соливаром (Прешов) позволяет думать, что речь здесь шла о русских владениях к северу от Прешова, в районе Карпатского хребта, так как после похода князя Владимира «на ляхов» (летописная дата – 981 г.) и завоевания им Пшемысля территория Руси в западном направлении расширилась к северу от Карпат до района Дукельского перевала (Kurtyka 1996). При такой интерпретации получается, что земли к востоку от Прешова (Закарпатье) уже в начале XI в. принадлежали Венгрии. К мнению о том, что земли Закарпатья в раннем средневековье были ничейной, «буферной» территорией между Русью и Венгрией, склоняется М.К. Юрасов (Юрасов 2010: 8).

ЛИТЕРАТУРА

Алимов 2016 - *Алимов Д.Е.* Этногенез хорватов: формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб.: Нестор-История, 2016. 380 с.

Ачкасов 2005 - *Ачкасов В.А.* Этнополитология: учебник. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 337 с.

Бескид 1928 - *Бескид Н.А.* Карпаторусская древность. Ужгород: Изд. Лит. об-ва им. А. Духновича, 1928. 160 с.

Венелин 1905 - *Венелин Ю.И.* Несколько слов о россиянах венгерских, и также одно словцо историческое о православной греко-восточной церкви

в Венгрии // Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Львов: Печатня Ставропигийского ин-та, 1905. Ч. I: Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-й половине XIX века / Собрал И.С. Свенцицкий. С. 86–106.

Волощук 2014 - *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міґрації. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2014. 496 с.

Данилюк 1999 - *Данилюк Д.* Історична наука на Закарпатті (кінець XVIII – перша половина XX ст.). Ужгород: Патент, 1999. 352 с.

Добрянский 1880 - *Добрянский А.И.* О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. CCVIII. С. 134–159.

Дулишкович 1874 - *Дулишкович И.* Исторические черты угро-русских. Унгвар: Печатня Карла Иегера и Альберта Ю. Рейпайа, 1874. Тетрадь I. 135 с.

Духнович 1914 - *Духнович А.* Истинная история карпато-россов или угорских русинов // Русский архив. М.: Синодальная тип., 1914. Ч. 4. С. 529–559.

Лелекач 1949 - *Лелекач Н.М.* Про приналежність Закарпаття до Київської Русі в X–XI ст. // Наукові записки Ужгородського державного університету. 1949. Т. 2. С. 16–37.

Лучкай 1988 - *Лучкай М.* Historia Carpato-Ruthenorum / Латинський текст дешифрував і переклав на українську мову Юрій Сак // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Пряшів, 1988. Т. 13. С. 109–245.

Магочій 1994 - *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород: Поличка «Карпатського краю», 1994. 296 с.

Майоров 2006 - *Майоров А.В.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. 209 с.

Орлай 1804 - *Орлай И.С.* История о карпато-россах или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся // Северный вестник. 1804. Ч. 1, № 2. С. 158–172; № 3. С. 261–276; Ч. 3, № 8. С. 267–293.

Панько 1991 - *Панько Ю.* Історія одної легенди // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Пряшів, 1991. Т. 17. С. 275–302.

Пачовський 1920 - *Пачовський В.* История Пôдкарпатскоѣ Руси. Ужгород: Книгопечатня акционерного товариства «Уніо», 1920. Ч. I. 145 с.

Пеняк 2012 - *Пеняк П.* Чи було Закарпаття складовою частиною Руси-України на початках княжої доби? // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2012. Вип. 6. С. 9–17.

Петров 1930 - *Петров А.Л.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498 г. Praha: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi, 1930. 231 с.

Поп 2001 - *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2001. 431 с.

Тороньский 1860 - *Тороньский А.И.* Русины-лемки // Зоря Галицкая, яко альбум на год 1860. Львов: Типом Ин-та Ставропигийского, 1860. С. 389–428.

Шевченко 2010 - *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М.: Регнум, 2010. 414 с.

Шушарин 1961 - *Шушарин В.П.* Русско-венгерские отношения в IX веке // Международные связи России до XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 131–180.

Юрасов 2010 - *Юрасов М.К.* Подкарпатская Русь в эпоху «обретения родины» венграми // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 3–16.

Bazilovits 1799 - *Bazilovits J.* Brevis notitia fundationis Theodori Koriathovits olim ducis de Munkacs, pro religiosis Ruthenis Ordinis Sancti Basilii Magni, in Monte Csernek ad Munkacs, anno MCCCLX. Factae. Pars Secunda. Cassoviae: Ex Typographia Ellingeriana, 1799. 207 p.

Décsy 1797 - *Décsy A.* Az magyar oroszokrúl való igen rövid elmélkedés. Kassa: F. Landerer, 1797. 67 p.

Kurtyka 1996 - *Kurtyka J.* Południowy odcinek granicy polsko-ruskiej we wczesnym średniowieczu (przed 1340 r.) w świetle źródeł historycznych // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu / Red. M. Parczewski. Rzeszów: Mitel, 1996. S. 183–204.

Magocsi 2015 *Magocsi P.R.* With their backs to the mountains: a history of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; New York: Central European University Press, 2015. 511 p.

Michna 2010 - *Michna E.* «The Rusyn's history is more beautiful than the Ukrainians'». Using history in the process of legitimization of national aspiration by Carpatho-Rusyn ethnic leaders in Transcarpathian Ukraine // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 89–108.

Schöpflin 1997 - *Schöpflin G.* The functions of myth and taxonomy of myths // Myths and Nationhood / Ed. by G. Schöpflin and G.A. Hosking. New York: Taylor & Francis, 1997. P. 19–35.

SRH - Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Budapestini: Academia Litteraria Hungarica, 1937. Vol. I. 553 p.

Szirmay 1803 - *Szirmay A.* Notitia topographica, politica inclyti comitatus Zempléniensis. Budae: Typis Regiae Universitatis Pestanae, 1803. 486 p.

REFERENCES

Alimov, D.E. (2016) *Etnogenez khorvatov: Formirovanie khorvatskoy etnopoliticheskoy obshchnosti v VII–IX vv.* [Ethnogenesis of the Croats: The formation of the Croat ethno-political community in the 7th – 9th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Achkasov, V.A. (2005) *Etnopolitologiya* [Ethnopolitology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Beskid, N.A. (1928) *Karpatorusskaya drevnost'* [Carpatho-Rusin Antiquity]. Uzhgorod: Lit. ob-va im. A. Dukhnovicha.

Venelin, Yu.I. (1905) Neskol'ko slov o rossiyanakh vengerskikh, i takzhe odno slovtso istoricheskoe o Pravoslavnoy Greko-Vostochnoy tserkvi v Vengrii [Some words on the Hungarian Russians, and a historical note on the Orthodox Church in Hungary]. In: Sventsitskiy, I.S. *Materialy po istorii vozrozhdeniya Karpatskoy Rusi* [Materials on the history of the revival of Carpathian Rus]. Part 1. Lvov: Stauropegion Insitute. pp. 86–106.

Voloshchuk, M.M. (2014) *"Rus'" v Ugors'komu korolivstvi (XI – druga polovina XIV st.): suspil'no-politychna rol', maynovi stosunki, migratsii* ["Rus'" in the Hungarian kingdom (the 11th – second half of the 14th century: Socio-political role, property relations, migrations]. Ivano-Frankivsk: Lileya-NV.

Danilyuk, D. (1999) *Istorychna nauka na Zakarpatti (kinets' XVIII – persha polovyna XX st.)* [History in Transcarpathia (the end of the 18th – the first half of the 20th centuries]. Uzhgorod: Patent.

Dobryanskiy, A.I. (1880) O zapadnykh granitsakh Podkarpatskoy Rusi so vremen sv. Vladimira [On western borders of Subcarpathian Rus from the times of St. Vladimir]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 208. pp. 134–159.

Dulishkovich, I. (1874) *Istoricheskie cherty ugro-russkikh* [Historical features of the Ugro-Russians]. Vol. I. Ungvar: Carl Ieger and Albert Reypay.

Dukhnovich, A. (1914) Istinnaya istoriya karpato-rossov ili ugorskikh rusinov [True history of the Carpatho-Russians or Hungarian Rusins]. *Russkiy arkhiv*. 4. pp. 529–559.

Lelekach, N.M. (1949). Pro prynalizhnist' Zakarpattya do Kyivs'koy Rusi v X–XI st. [On Transcarpathia's belonging to Kievan Rus in the 10th–11th centuries]. *Naukovi zapysky Uzhgorods'kogo derzhavnogo universytetu*. 2. pp. 16–37.

Luchkay, M. (1988) Historia Carpato-Ruthenorum [History of Carpatho-Rusins]. *Naukovyy zbirnyk Muzeyu ukrayns'koy kul'tury u Svydnyku*. 13. pp. 109–245.

Magochi, P.R. (1994) *Formuvannya natsional'noy samosvidomosti: Pidkarpats'ka Rus' (1848–1948)* [The shaping of a national identity: Subcarpathian Rus, 1848–1948]. Uzhgorod: Polychka "Karpats'kogo krayu".

Maiorov, A.V. (2006) *Velikaya Horvatiya: Etnogenez i rannyaya istoriya slavyan Prikarpatskogo regiona* [Great Croatia: The ethnogenesis and early history of the Slavs of the Carpathian region]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Orlay, I.S. (1804) Istoriya o karpato-rossakh ili o pereselenii rossiyan v Karpatskie gory i o priklyucheniyakh s nimi sluchivshchikhsya [History of the Carpatho-Russians, or of the migration of the Russians to the Carpathian mountains and adventures that happened with them]. *Severnyy vestnik*. 1(2). pp. 158–172.

Panko, Yu. (1991) Istoriya odnoi legendy [History of a legend]. *Naukovyy zbirnyk Muzeyu ukrayns'koy kul'tury u Svydnyku*. 17. pp. 275–302.

Pachovskiy, V. (1920) *Istoriya Podkarpatskoy Rusi. Chast' I*. [History of Subcarpathian Rus. Part I]. Uzhgorod: Unio.

Penyak, P. (2012). Chy bulo Zakarpattya skladovoyu chastynoyu Rusi-Ukrayny na pochatkakh knyazhoy doby? [Was Transcarpathia an integral part of Rus-Ukraine at the beginning of the age of Duchies?]. In: Aleksandrovich, V. (ed.) *Knyazha doba: istoriya i kul'tura* [The epoch of Dukes: History and Culture:]. 6. pp. 9–17.

Petrov, A.L. (1930) *Drevneyshie gramoty po istorii karpato-russkoy tserkvi i ierarkhii 1391–1498 g.* [The oldest documents on the history of the Carpatho-Ruthenian church and hierarchy: 1391–1498]. Prague: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi.

Pop, I. (2001) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhgorod: V. Padyak.

Toronskiy, A.I. (1860) Rusiny-lemki [Lemko-Rusins]. In: *Zorya Galitskaya, yako al'bum na god 1860* [Zorya Galitskaya, as an album for the year 1860]. Lvov: Stauropegion Institute. pp. 389–428.

Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX vv*. [The Slavic Atlantis: Carpathian Rus and the Rusins in the 19th and the first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.

Shusharin, V.P. (1961) Russko-vengerskie othosheniya v IX veke [Russian-Hungarian relations in the 9th century]. In: Zimin, A.A. & Pashuto, V.T. (eds) *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII veka* [International relations of Russia before the 17th century]. Moscow: USSR AS. pp. 131–180.

Yurasov, M.K. (2010). Podkarpatskaya Rus' v epokhu "obreteniya rodiny" vengramy [Subcarpathian Rus at the age of "finding a motherland" by the Hungarians]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1 (7). pp. 3–16.

Bazilovits, J. (1799) *Brevis notitia fundationis Theodori Koriathovits olim ducis de Munkacs, pro religiosis Ruthenis Ordinis Sancti Basilii Magni, in Monte Csernek ad Munkacs, anno MCCCLX. Factae. Pars Secunda*. Cassoviae: Ex Typographia Ellingeriana.

Décsy, A. (1797) *Az magyar oroszokrúl való igen rövid elmélkedés* [Short essay on the Hungarian Rusins]. Kassa: F. Landerer.

Kurtyka, J. (1996). Południowy odcinek granicy polsko-ruskiej we wczesnym średniowieczu (przed 1340 r.) w świetle źródeł historycznych [Southern section of the Polish-Ruthenian border in the early Middle Ages (before 1340)] [The southern section of the Polish-Russian border in the early Middle Ages (before 1340) in the light of historical sources]. In: Parczewski, M. (ed.) *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu* [Beginnings of neighborhood. Polish-Ruthenian-Slovak ethnic borderland in the Middle Ages]. Rzeszów: Mitel. pp. 183–204.

Magocsi, P.R. (2015) *With their backs to the mountains: A history of Carpathian Rus and Carpatho-Rusins*. Budapest; New York: Central European University Press.

Michna, E. (2010) "The Rusyn's history is more beautiful than the Ukrainians'". Using history in the process of legitimisation of national aspiration by Carpatho-Rusyn ethnic leaders in Transcarpathian Ukraine. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1(7). pp. 89–108.

Schöpflin, G. (1997). The functions of myth and taxonomy of myths. In: Schöpflin, G. & Hosking, G.A. (eds) Myths and Nationhood. New York: Taylor & Francis. pp. 19–35.

Szentpétery, E. (1937) *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Vol. I. Budapesti: Academia Litteraria Hungarica.

Szirmay, A. (1803) *Notitia topographica, politica inclyti comitatus Zempléniensis*. Budae: Typis Regiae Universitatis Pestanae.

Алимов Денис Евгеньевич – доцент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Alimov Denis – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: d.alimov@spbu.ru.

УДК 929
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/13

ЭНДИ УОРХОЛ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУСИНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ*

К.В. Корсаков

Институт философии и права УрО РАН
Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена страницам биографии всемирно известного американского художника, дизайнера, фотографа, писателя, кинорежиссера, продюсера, книгоиздателя и основоположника таких революционных направлений в современном авангардном искусстве, как поп-арт и концептуализм, Энди Уорхола, 90-летие со дня рождения которого будет отмечаться в 2018 г. Энди Уорхол (настоящее русинское имя – Андрей Варгола) родился в семье эмигрантов-русинов, приехавших в США из словацкой части Лемковщины в поисках лучшей доли и принадлежавших к русинской греко-католической церкви. В статье повествуется о жизни многодетной рабочей семьи Энди Уорхола, причинах ее эмиграции в Северную Америку, детстве и юности великого художника, прошедших под опекой его матери-русинки, передавшей сыну любовь к изобразительному искусству и творчеству. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что в процессе воспитания будущий деятель искусства с мировым именем испытал заметное влияние богатой и многогранной многовековой русинской культуры. Отмечается, что великий художник и дизайнер свободно общался на русинском языке и охотно поддерживал контакты с лемковской и другими русинскими общинами крупных городов севера США и Канады, представители и главы которых часто приглашали его на свои торжественные мероприятия, праздники и собрания и направляли ему поздравительные адреса и письма. Указывается, что Энди Уорхол, называя себя американцем, в интервью и беседах нередко подчеркивал, что очень гордится своими русинскими корнями и хорошо знаком с происхождением и историей своих предков-русинов.

Ключевые слова: Энди Уорхол, эмиграция русинов, русины в США, адаптация мигрантов, выдающиеся русины.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-03-50021).

ANDY WARHOL – AN OUTSTANDING REPRESENTATIVE OF THE RUSIN EMIGRATION*

K.V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law, Ural branch of RAS
16 Sofia Kovalevskaya Street, Ekaterinburg, 620990, Russia
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

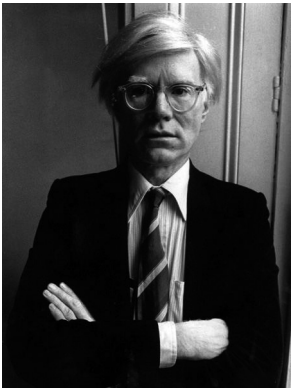
Abstract

This paper dwells on the biography of the world-renowned American artist, designer, photographer, writer, film director, producer, book publisher and founder of pop art and conceptualism, Andy Warhol, whose 90th birthday anniversary will be celebrated in 2018. Andy Warhol (his real Rusin name is Andriy Vargola) was born to the family of Rusin immigrants, who belonged to the Rusin Greek Catholic Church and came to the USA from the Slovak part of the Lemko region in search of a better life. The article tells about the life of Andy Warhol's large family, the reasons of their emigration to North America, Warhol's childhood and youth that have passed under the tutelage of his rusin mother, who inspired her with love of art and creativity. The author draws attention to the fact that in his childhood and adolescence the artist-to-be experienced a marked influence of the rich and multi-faceted centuries-old Rusin culture. The great artist and designer could speak the Rusin language fluently and maintained contact with the Lemko and other Rusin communities in many major cities in the Northern USA and Canada, members and heads of which often invited him to their celebrations, feasts and gatherings and sent him congratulatory addresses and letters. It is stated that though identifying himself as America, Andy Warhol often said in interviews that he was very proud of his Rusin roots and was familiar with the origins and history of his ancestors-Rusins.

Keywords: Andy Warhol, emigration of Rusins, Rusins in the USA, adaptation of migrants, outstanding Rusins.

* The research is supported by The Russian Foundation for Basic Research (Grant Nr. 17-03-50021).

Вот говорят – время все изменит, но всякий раз оказывается, что приходится все менять самому.
Дневники Энди Уорхола (1976–1987)


Энди Уорхол.

Среди выдающихся представителей богатого талантами русинского народа, подарившего миру Игоря Грабаря, Александра Духновича и Нестора Кукольника, личность Энди Уорхола – всемирно известного американского художника, дизайнера, фотографа, писателя, кинорежиссера, продюсера, книгоиздателя и основоположника таких революционных направлений в современном авангардном искусстве, как поп-арт и концептуализм, – занимает особое место. О нем написаны десятки книг, сняты художественные и документальные фильмы.

Энди Уорхол (настоящее русинское имя – Андрей (Эндрю) Варгола (Вархола)) родился в 1928 г. в Окленде, пригороде североамериканского города Питтсбурга, и был крещен в русинской церкви по греко-католическому обряду. Он был четвертым ребенком в многодетной семье русинов, оставивших свою родину и прибывших в Соединенные Штаты Америки с начавшейся в 90-е гг. XIX в. и продолжавшейся до начала мировой войны 1914 г. первой волной русинских и украинских эмиграций, большинство представителей которых были выходцами из Карпатской Руси – Закарпатья, Северной Буковины, Лемковщины, Холмщины и Галиции. Мать и отец Андрея Варголы родились и выросли в русинском селе Микова Стропковского округа Прешовского края, расположенном в словацкой части Лемковщины – в северо-восточной части Словакии, находившейся в то время в составе Австро-Венгерской империи. Там же родился и их первый ребенок – Юстина, которая трагически ушла из жизни еще в юном возрасте, до переезда семьи в Северную Америку (Dillenberger 2001: 9).

Сегодня при въезде по автостраде в село Микова, расположенное среди живописных склонов и лугов Низких Бескид, гостей и путников встречает большая цветная табличка с изображенным на ней лицом великого художника и надписью на словацком языке «Вас приветствует Микова – родина родителей Энди Варголы!». До сих пор в этом старинном, известном еще с XIV в. небольшом словацком селе, население которого составляет всего 162 чел., большинство

жителей являются русинами и сохраняют двуязычие – говорят как на словацком, так и на своем родном русинском языке.

Табличка на въезде в село Микова (Словакия): «Вас приветствует Микова – родина семьи Энди Уорхола».

Родители Андрея Варголы были трудолюбивыми и набожными русинскими крестьянами. Они принадлежали к русинской греко-католической церкви, соблюдали религиозные обряды и регулярно посещали службы в униатских храмах как у себя на родине, в Восточной Словакии – в местах исторического проживания русинов, лемков и украинцев, так и в Пенсильвании – штате, где в 1924 г. для русинов греко-католической веры был специально создан апостольский экзархат города Питтсбурга (в 1963 г. был преобразован в архиепархию-митрополию).

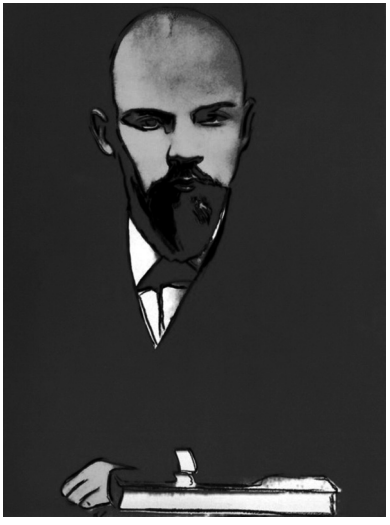
Варголы переехали в США не сразу – первым в 1914 г. в Северную Америку эмигрировал отец Энди Уорхола Андрей. Причиной тому стали голод и безработица, вызванные лихолетьем Первой мировой войны, вмиг превратившей зажатые между враждовавшими империями – Российской и Австро-Венгерской – приграничные территории Галиции и Закарпатья в театр военных действий и даже разделившей на время русинский этнос на два враждующих лагеря. (Достаточно вспомнить такой ее известный эпизод, как сражение при горе Маковка в Карпатах весной 1915 г., когда украинцам, русинам, гуцулам и лемкам, воевавшим в составе Украинского добровольческого легиона (легиона украинских сечевых стрельцов) австро-венгерской армии, противостояли такие же украинцы и русины, служившие в рядах российской 78-й пехотной дивизии. Многие из них оказывались в армейских рядах насильно и испытывали на себе проявления ксено-

фобии и дискриминации по национальному признаку: так, например, о пренебрежительном и чванливом отношении к кавалерийским офицерам-русинам со стороны австрийцев и венгров, занимавших командирские должности и безосновательно упрекавших первых в бескультурье и нечистоплотности, во время войны за независимость Италии писал в своих мемуарах и дневниках писатель Леопольд фон Захер-Мазох, который, будучи уроженцем Галиции, сам служил в австро-венгерской армии и был награжден за храбрость, проявленную в битвах. Упоминания об этом можно найти и на страницах произведений другого известного писателя – Ярослава Гашека, также долгое время служившего в армии Австро-Венгерской империи.)

В 1921 г. к отцу Энди переехала его супруга Юлия Завацкая. Ее семилетняя задержка на Лемковщине была связана с необходимостью оказывать, по русинским патриархальным традициям, помощь престарелым и больным дедушке и бабушке Энди Уорхола вплоть до их кончины. К тому времени Андрей Варгола-старший уже долгое время работал шахтером на угольной шахте вместе с другими славянскими мигрантами из Словакии, Украины, Венгрии и Польши. В отличие от Андрея, Юлия не владела английским языком – говорила лишь на русинском и словацком, а потому не могла устроиться на постоянную и хорошо оплачиваемую работу. Она занималась поденным трудом: уборкой, стиркой, мытьем окон и посуды. Первые годы жизни в Америке были тяжелыми: помимо изнурительной ежедневной работы семье нужно было кормить и воспитывать троих сыновей – Павла, Джона и младшего Энди, который родился слабым и болезненным. Лишь спустя десять лет Варголы переехали из рабочих бараков в более благополучный район Питтсбурга.

Мать Уорхола очень любила своих детей и уделяла им много времени, нередко пела им песни на родном русинском языке, шила одежду и полотенца с национальным орнаментом – теми неповторимыми цветочными узорами, которые отличают русинские рушники, писанки, сорочки и вышиванки от украинских, венгерских, белорусских. Она часто водила детей в церковь, постоянно молилась за них, отмечала с ними христианские праздники – Пасху, Крещение, Рождество, старалась, насколько позволяли средства, почаще готовить им национальные русинские кушанья (Уорхол 2001: 29).

Юлия была подлинным носителем русинской культуры, одаренным, творческим, инициативным человеком. Чтобы получить дополнительный заработок, она покупала гофрированную бумагу и собирала консервные банки из-под супов, мяса и газированной воды, из которых изготавливала очень красивые, яркие, пользовавшиеся постоянным спросом искусственные цветы. Их она продавала горожанам на ули-



Энди Уорхол. «Красный Ленин». 1987. Шелкография в цвете 100×75 см. Частное собрание. Картина «Красный Ленин» входит в список так называемых икон поп-арта.

цах Питтсбурга. Впоследствии, уже в 60-х гг., когда цикл легендарных картин с изображением консервных банок супа «Кэмпбелл» и разработка уникального дизайна для баночек «Кока-кола» принесли Уорхолу невиданный успех и популярность, а узнаваемые во всем мире, выполненные в ярких, кричащих тонах рисунки банок стали его визитной карточкой (Неделя Энди Уорхола в Москве 2001), Энди нередко вспоминал о том периоде его детства и рассказывал в интервью, что интерес к творчеству, дизайнерскому рисунку и живописи привила ему мать (Colacello 1990: 49).

В детстве Энди Уорхол часто болел простудными заболеваниями, осложнения и последствия которых привели к развитию у него серьезной болезни, называвшейся в ту пору «пляской святого Витта».

Выставка работ Энди Уорхола в Центре Гейдара Алиева (21 июня – 9 сентября 2013 г., Баку, Азербайджан).

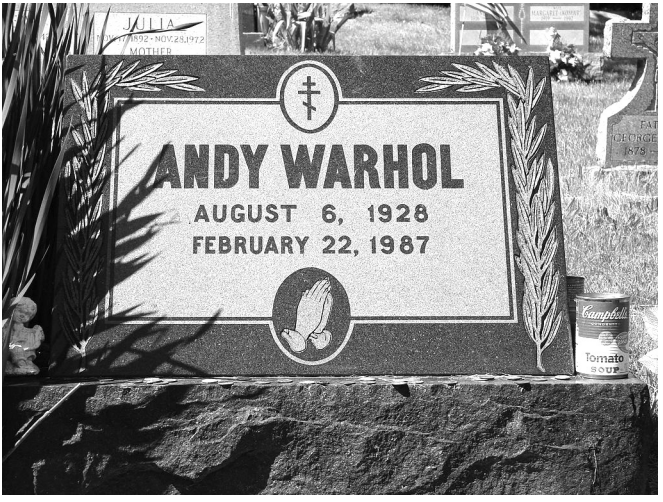
Она надолго приковала мальчика к постели. А вскоре случилась еще одна трагедия – в результате аварии на шахте, которые тогда были не редкостью, погиб его отец. Андрею на тот момент было 13 лет, и он с братьями оказался на попечении одной лишь матери. Именно в тот сложный, переломный период прикованный к кровати и проводивший все время в четырех стенах Уорхол увлекся изготовлением аппликаций и коллажей из фотографий и вырезок из журналов и газет: так начал проявляться его уникальный врожденный талант художника (Инграм 2014: 32).

Известно, что Энди Уорхол не только владел английским языком, но и мог свободно объясняться по-русински. Главы и представители лемковской и других русинских общин и национально-культурных сообществ Нью-Йорка, Филадельфии, Питтсбурга, Чикаго, Торонто, Виннипега, Ванкувера и других городов США и Канады часто приглашали его на свои торжественные мероприятия, направляли ему приветственные адреса и поздравительные письма в канун юбилеев, праздников и памятных дат. На протяжении всей своей жизни Энди охотно поддерживал дружеские связи и контакты с эмигрантами-русинами и, называя себя американцем, отмечал, что очень гордится своими русинскими корнями, хорошо знает происхождение и историю своих пращуров-русинов (Уорхол 2013: 95, Уорхол 2015: 68).

К сожалению, жизнь Энди Уорхола оборвалась довольно рано. Этому предшествовало дерзкое покушение на него, предпринятое суфражисткой и радикальной феминисткой Валерией Соланс, которая в 1968 г. три раза выстрелила в него из револьвера, нанеся художнику тяжелые ранения в живот. Энди перенес клиническую смерть, однако ему удалось выжить после долгой операции, в ходе которой врачи самоотверженно боролись за его жизнь. Несмотря на перенесенные боль и страдания, Энди Уорхол в духе лучших христианских традиций простил экзальтированную женщину, которая покушалась на него, и отказался от каких-либо судебных обвинений в ее адрес. Художник умер после операции на желчном пузыре в Нью-Йорке в возрасте 58 лет и согласно его воле был похоронен в Питтсбурге на греко-католическом кладбище (Meyer 2002: 181).

Старая мудрая русинская пословица гласит: «Человек жив, пока жива людская память о нем». Сегодня миллионы людей во всем мире знают и помнят Энди Уорхола, который и в наши дни возглавляет список самых продаваемых художников и фотографов (в 2013 г. его шелкография «Серебряная автокатастрофа» была продана на международном аукционе за рекордную для таких работ сумму в 105,4 млн долл. США). В 2016 г. председатель Закарпатской областной государственной администрации Г.Г. Москаль издал распоряжение о

присвоении имени Энди Уорхола бывшей Октябрьской площади в русинском селе Минай Ужгородского района Закарпатской области, в котором расположено знаменитое высшее учебное заведение русинской греко-католической церкви – Богословская академия имени Теодора Ромжи (Новини Закарпаття 2016).



Могила Энди на греко-католическом кладбище Св. Иоанна Крестителя (Бетель Парк, Пенсильвания, США).

Люди, знавшие гениального художника лично, вспоминают о нем как о трудолюбивом и безудержном творце с удивительно тонкой и необыкновенно чувственной натурой, человеке редкого изящества, душевной широты и завораживающего, красивого и свободного таланта, воплотившего в себе самые лучшие черты и качества далеких предков (Стариков 2014: 24). Как однажды сказал шотландский поэт Роберт Бернс, «судьба каждого человека не является лишь только его личной, персональной: в ней всегда представлена и отображена судьба его родного племени, его народа». Такой была и нелегкая судьба Андрея Варголы – выдающегося представителя русинской эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

Инграм 2014 - *Инграм К.* Гениальный Уорхол. М.: Эксмо, 2014. 80 с.

Неделя Энди Уорхола в Москве 2001 - Неделя Энди Уорхола в Москве. М.: Галерея, 2001. 347 с.

Новини Закарпаття 2016 - Новини Закарпаття. 2016. № 31. С. 2.

Стариков 2014 - *Стариков Л.С.* «Великий и ужасный» Энди Уорхол. Екатеринбург: Ажур, 2014. 196 с.

Уорхол 2001 - *Уорхол Э.* Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот). М.: Аронов, 2001. 231 с.

Уорхол 2013 - *Уорхол Э.* Америка. М.: Ад Маргинем, 2013. 298 с.

Уорхол 2015 - *Уорхол Э.* Дневники Энди Уорхола (1976–1987). М.: Ад Маргинем, 2015. 187 с.

Dillenberger 2001 - *Dillenberger J.* Religious Art of Andy Warhol. N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2001. 301 p.

Colacello 1990 - *Colacello B.* Holy terror: Andy Warhol close up. London: Harper Collins, 1990. 320 p.

Meyer 2002 - *Meyer R.* Outlaw representation: censorship and homosexuality in 20th-century American art. Oxford: Oxford University Press, 2002. 258 p.

REFERENCES

Ingram, K. (2014) *Genial'nyy Uorkhol* [Genial Warhol]. Moscow: Eksmo.

Anon. (2001) *Nedelya Endi Uorhola v Moskve* [The Week of Andy Warhol in Moscow]. Moscow: Galerea.

Anon. (2016) *Novini Zakarpattya* [News of Transcarpathia]. No 31. p. 2. [s.l.; s.n.].

Starikov, L.S. (2014) *"Velikiy i uzhasnyy" Endi Uorkhol* [The "great and terrible" Andy Warhol]. Ekaterinburg: Azhur.

Warhol, A. (2001) *Filosofiya Endi Uorkhola (ot A k B i naoborot)* [The philosophy of Andy Warhol (from A to B and vice versa)]. Moscow: Aronov.

Warhol, A. (2013) *Amerika* [America]. Translated from English by S. Silakova. Moscow: Ad Marginem.

Warhol, A. (2015) *Dnevniki Endi Uorkhola (1976–1987)* [The Andy Warhol Diaries (1976–1987)]. Translated from English by V. Bolotnikov. Moscow: Ad Marginem.

Dillenberger, J. (2001) *Religious Art of Andy Warhol*. New York: Continuum International Publishing Group.

Colacello, B. (1990) *Holy terror: Andy Warhol close up*. London: Harper Collins.

Meyer, R. (2002) *Outlaw representation: censorship and homosexuality in 20th-century American art*. Oxford: Oxford University Press.

Корсаков Константин Викторович – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Россия).

Korsakov Konstantin – The Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS (Russia).

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

УДК 373(092)(477.87)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/50/14

НА ПОШАНУ КОЛЕЗІ: ДО 100-РІЧЧЯ ВІД ДНЯ НАРОДЖЕННЯ ЗАКАРПАТСЬКОГО ОСВІТЯНИНА Й УЧЕНОГО АНДРІЯ ІГНАТА

Т.О. Шаравара

Полтавська державна аграрна академія
Україна, 36000, м. Полтава, вул. Г. Сковороди, 1/3
E-mail: 125125.tsh@gmail.com

Авторське резюме

Тривалий час в історичній науці побутує думка виключно про негативні наслідки повоєнної радянізації територій, які увійшли до складу СРСР. Безперечно, з цим сперечатися не доводиться. Однак, є потреба звернути увагу на питання вагомого внеску окремих постатей в розбудову освітньої сфери, утворення потужної мережі навчальних закладів, фінансування закладів освіти і боротьби з неписьменністю та малописьменністю в регіонах, які певний час входили до складу інших держав. Наразі ще недостатньо аналізується титанічний внесок окремих освітян у розв'язанні цих питань, тих, які взяли на себе тягар їхнього вирішення. До таких визначних осіб Закарпаття належить і Андрій Михайлович Ігнат, відомий як філолог-класик, науковець, викладач, очільник відділів освіти Закарпаття різного рівня. Зважаючи на ювілейну дату від дня його народження, є потреба привернути увагу до цієї визначної особистості.

Ключові слова: Закарпаття, народна освіта, шкільна справа, неписьменність, філолог-класик, перекладач.

В ДАНЬ УВАЖЕНИЯ КОЛЛЕГЕ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЗАКАРПАТСКОГО ПЕДАГОГА И УЧЕНОГО АНДРЕЯ ИГНАТА

Т.А. Шаравара

Полтавская государственная аграрная академия
Украина, 36000, Полтава, ул. Г. Сковороды 1/3
E-mail: 125125.tsh@gmail.com

Авторское резюме

Длительное время в исторической науке доминирует тезис о том, что советизация регионов, которые вошли в состав СССР в послевоенный период, исключительно негативно повлияла на их развитие. Безусловно, негативное влияние никто не оспаривает, но есть необходимость обратить внимание на огромные усилия, приложенные в сфере формирования и налаживания работы системы образования. В этом смысле не стало исключением и Закарпатье, долгое время находившееся под властью разных государств. Вопросы выстраивания системы образования, ее активного финансирования в сложный период послевоенного коллапса, формирование сети учебных заведений, активная борьба с безграмотностью и малограмотностью населения имеют право быть озвученными - особенно в контексте роли личности в их разрешении. На наш взгляд, недостаточно проанализирована роль неординарной личности своего времени – Андрея Михайловича Игната, который проявил себя в работе в разных отделах сферы образования. Он известен как филолог-классик, латинист, ученый, преподаватель, декан историко-филологического факультета Ужгородского государственного университета, общественный деятель. Учитывая, что 11 декабря 2017 г. исполнилось 40 лет со дня смерти, а 27 февраля 2018 г. – 100-летие со дня его рождения, есть необходимость отдать должное уважение этому человеку, на которого была возложена обязанность возрождать и отстраивать систему образования региона в послевоенный период. В историю А.М. Игнат также вошел как автор диссертаций «Русские войны Стефана Батория» (Дебрецен, 1942 г.), «Очерки истории развития народного образования в Закарпатской области (1945–1955 гг.)» (СССР, 1956 г.). Он подготовил докторскую диссертацию, но не успел ее защитить. Как переводчик и знаток латинского языка перевел третий том Михаила Лучкая «История карпатских русинов», чем снискал почет и после своей смерти, поскольку не дожил до выхода издания в современном печатном виде.

Ключевые слова: Закарпатье, народное образование, школьное дело, неграмотность, филолог-классик, переводчик.

IN HOMAGE TO A COLLEAGUE: TO THE CENTENNIAL A TRANSCARPATHIAN EDUCATOR AND SCIENTIST ANDREY IGNAT

T.A. Sharavara
Poltava State Agrarian Academy
1/3 H. Skovoroda Str, Poltava, 36000, Ukraine
E-mail: 125125.tsh@gmail.com

Abstract

The thesis that Sovietisation of the regions that became part of the USSR in the post-war period had an extremely negative impact on their development has been dominant in history for long. Though nobody challenges it, it is necessary to draw attention to the enormous efforts in the sphere of formation and organisation of the education system. Transcarpathia, which for a long time had been under the rule of different states, was no exception. The problems of the formation of the education system, its active financing in the difficult period of the post-war collapse, the formation of a network of educational institutions, the active struggle against illiteracy of the population must be voiced in the lense of the role of an individual. The role of Andrey Mikhailovich Ignat, an extraordinary personality, scholar, Latinist, scientist, teacher, Dean of the Historical and Philological Faculty of Uzhgorod State University and a public figure has not been sufficiently analysed. It is necessary to give proper respect to this person, who had to revive and rebuild the regional education system in the post-war period. A.M. Ignat is also remembered as a scientist, the author of dissertations *The Russian Wars of Stefan Batoriy* (Debrecen, 1942), *Essays on the History of the Development of Public Education in Transcarpathian Region* (1945–1955) (USSR, 1956). He prepared a doctoral thesis but never got a chance to defend it. As a translator and expert in Latin, he translated the third volume of Mikhail Luchkay's *The History of Carpathian Rusins,* but he did not last until the publication in a modern printed form.

Keywords: Transcarpathia, public education, school work, illiteracy, scholar, translator.

11 грудня 2017 р. українські освітяни відзначатимуть 40 років від дня смерті, а 27 лютого 2018 р. – 100-річчя від дня народження унікальної постаті, педагога, філолога, краєзнавця, громадського діяча Андрія Михайловича Ігната. Пошана пам'яті видатного колеги є справою честі, адже А.М. Ігнат доклав значних зусиль до розбудови шкільної справи на Закарпатті, стояв у витоків відбудови народної

освіти рідного краю у повоєнні роки, був справжнім поціновувачем місцевої етнографії.

А.М. Ігнат.

Андрій Михайлович Ігнат народився 27 лютого 1918 р. у с. Оріховиця в Ужгородському районі й походив із хліборобської родини. Навчався у початковій школі рідного села, а згодом в Ужгородській гімназії. Освіту продовжив у стінах Карлового університету Праги (Басараб 2013).

Після Мюнхенської змови й утрати Чехословаччиною цілісності 1938 р. Андрій Ігнат повернувся на Батьківщину і почав трудовий шлях шкільним учителем в Полянській Гуті Перечинського району. Продовжив навчання на історико-філологічному факультеті Дебреценського університету, саме там і зробив перші наукові кроки, написавши дослідження на тему «Десять років царювання Стефана Баторія у Польщі», опубліковане в університетському журналі, за що отримав вузівську премію (Герасимова 2003: 181; Зимомря 2011). Друга світова війна застала М. Ігната в Дебрецені, де він викладав у місцевій гімназії, продовжуючи наукові дослідження. 1942 р. захистив дисертацію на тему «Руські війни Стефана Баторія» і отримав докторський ступінь з історії (Глагола 2017). Однак у переломний для війни 1943 р. А. Ігната було мобілізовано до угорської армії, направлено на Східний фронт, і він постав перед моральним вибором: чи воювати проти українців? Його вибір був цілком очевидним – наступного ж дня після прибуття на фронт він перейшов на бік Червоної армії (1944 р.), до кінця війни служив у армійській розвідці I та IV Українських фронтів, у лютому-березні 1945 р. співпрацював з партизанами Центральної Словаччини (Герасимова 2003: 181).

Освітню діяльність було відновлено в повоєнні роки, коли А. Ігнат став у витоків організації шкільної справи на Закарпатті, зокрема протягом 1945–1949 рр., очоливши різноманітні освітні відділи цього регіону. Протягом 1949–1953 рр. Андрій Ігнат очолив відділ народної освіти Закарпатської області, 1947 р. був обраний депутатом Ужгородської міської ради, а 1950 р. – депутатом Закарпатської обласної ради народних депутатів (Басараб 2013).

Для розуміння значущості його роботи на освітянській ниві слід усвідомити рівень тієї кропіткої праці, до якої він долучився. Адже саме протягом 1945–1949 рр. відбулися вагомі зрушення в царині

освіти. Було видано низку радянських постанов та декретів, які прямо вплинули на рівень і якість організації освітнього процесу, а реалізовувати їх довелося й А. Ігнату зокрема. Це були важкі часи створення мережі початкових шкіл. Відомо, що протягом 1945 р. було утворено 182 семирічні школи, з яких 166 припадало на села (Химинець 2009: 29). Розпочалося утворення методичних кабінетів в округах, окружних Народних комітетів. Була проведена активна робота з неписьменністю та малограмотністю. Системно працювали над організацією методичних семінарів для вчителів, розробленням навчальних планів для початкових шкіл з угорською, румунською, словацькою й українською мовами навчання. Навчальні плани вбирали в себе й вимоги до вивчення російської мови. «Проблема забезпечення учнів підручниками, видрукуваними українською й російською мовами, стояла гостро, і на початок 1945 р. школи Закарпаття вже одержали близько 90 тис. примірників книг, а протягом першої половини 1945 р. учні одержали 373 тис. примірників книг (Химинець 2009: 29; Басараб 2013).

Отже, робота кипіла над вибудовуванням вертикалі навчальних закладів, їхнім методичним і матеріальним забезпеченням й водночас над забезпеченням різного рівня шкіл – кадрами. Після офіційного возз'єднання з Радянською Україною почалася системна реформа освіти в цьому регіоні, було утворено 4-річні початкові школи, 7-річні середні і запроваджено 10-річну повну середню освіту. У той час 7-річна освіта стала обов'язковою (Міщанин 2016: 56). Та це загалом були лише перші кроки в цьому напрямі.

Наразі історики увесь час підкреслюють про значну радянізацію Закарпаття, про високу заідеологізованість радянської освіти і про великі фінансові витрати з боку радянської влади з метою радянізувати регіон. Справді, з цим важко сперечатися, проте слід підкреслити потужну працю тогочасних освітян, які успішно здолали проблему неписьменності та малописьменності своєї Батьківщини й доклали значних зусиль для кадрового забезпечення краю вчителями високого рівня фаховості попри присланих на Закарпаття 805 фахівців з СРСР (Басараб 2013). Саме в таких складних матеріальних й ідеологічних умовах довелося працювати А. Ігнату, очолюючи відділи освіти різного рівня.

Усі болючі теми, з якими довелося зіткнутися у повоєнні роки як освітянину, він описав у публікації «Розповідь про загальноосвітню школу» (1957 р. видання), а також у ґрунтовнішому дослідженні «Загальноосвітня школа на Закарпатті в XIX – на початку XX ст.: Конспект лекцій із спецкурсу "Історичне краєзнавство"». Підкреслимо, що він здійснив правдивий порівняльний аналіз розвитку освіти в регіоні за часів його входження до різних країн. Коли на сьогодні А. Ігната

згадують як дослідника краєзнавця, як фахівця з історії педагогіки слід підкреслити, що саме він активно привертав увагу до проблем розвитку освіти в часи Австро-Угорської імперії, зугорщення церковних шкіл, змінених умов розвитку освіти часів Чехословацької доби.

Зокрема, він глибоко вивчив питання розвитку освіти краю наприкінці XIX ст., оприлюднивши факти масового викладання угорською мовою і нищення руської. Він порахував, що протягом 1870–1890-х рр. у Закарпатті було ліквідовано понад 230 шкіл з рідною мовою навчання, а кількість шкіл з угорською мовою навчання зросла в рази. Він підкреслював, що у дев'яти діючих міських школах навчання взагалі проводили виключно угорською, а рідна мова не викладалася навіть факультативно. Натомість навчальні плани міських шкіл обов'язково містили норми вивчення німецької мови та літератури. В Ужгородській, Мукачівській і Берегівській гімназіях викладали також угорською, а навчальні плани гімназій щороку змінювалися шляхом збільшення годин на вивчення угорської. Вивчення рідної мови було цілком знято з цих планів. «У самій же Ужгородській учительській семінарії з 1918 р. навчання проводили угорською, а руська мова вивчалася як окрема дисципліна, тож вчителів готували угорською. Після відкриття у 1902 р. жіночої учительської семінарії в Ужгороді ситуація не покращилася, адже там також викладали угорською» (Ігнат 1971: 50–54).

Отже, проблеми суцільної мадяризації регіону глибоко хвилювали вченого педагога і він об'єктивно описував ці факти, послуговуючись можливістю висвітлювати їх у розрізі розвитку освіти в регіоні.

Дослідник підкреслював, що «доба революції (1848 р. – Т.Ш.) в Австрійській імперії свого часу створила умови для розвитку шкіл на національних засадах, запровадження вивчення культур слов'янських народів, їхньої літератури, то з утворенням Австро-Угорщини відбувався стрімкий процес згортання національної школи й акцент було зроблено на вивченні угорської та німецької мов» (Ігнат 1971).

Водночас, він не полишав викладацької роботи, адже фактично з 1945 р. тривала активна робота над відкриттям Закарпато-Українського університету. Наразі це Ужгородський національний університет, в якому А. Ігнат працював викладачем латинської мови, а протягом 1953–1961 рр. деканом історико-філологічного факультету (Басараб 2013).

Попри відповідальне ставлення до праці на освітянській ниві А. Ігнату довелося усвідомити й примиритися з тим, що його докторський науковий ступінь в СРСР визнаний не буде, і він узявся за роботу над новим дослідженням, захистивши кандидатську дисертацію з педагогіки на тему «Нариси історії розвитку народної освіти у Закарпатській області (1945–1955 рр.)» (Герасимова 2003: 181). Тема

дисертації була очевидною, адже вистражданою великим досвідом і практикою. Попри це він не зупинився на досягнутому й продовжив дослідження різних аспектів історії педагогічної думки та працював над удосконаленням системи народної освіти. За свідченнями колег він встиг підготувати докторську дисертацію, а фактично вже третю за рахунком наукову потужну працю в житті, але публічно захистити так і не встиг через передчасну смерть. Проте, цілком припускаємо, що через патріотичний погляд на історію розвитку освіти в Закарпатті, йому б не судилося успішно захистити докторську дисертацію в радянські часи. Будь-який тогочасний дослідник, висвітлюючи історію свого краю чи бодай історію розвитку сфери освіти, так чи інакше мав би наголошувати на національних особливостях, що прямо суперечило радянській ідеологемі про існування єдиної спільності «радянський народ». Тож процес обговорення та експертизи дисертації наражався б на системні перешкоди.

Добру згадку про А. Ігната як колегу і фахівця-перекладача високого ґатунку лишили і його колеги у передмові до шеститомного видання Михайла Лучкая «Історія карпатських русинів». Початок 1960-х рр. видався плідним у долі А. Ігната. Особливо після 1962 р., коли до рук філолога Юрія Сака потрапив рукопис шеститомної праці М. Лучкая «Історія карпатських русинів»» (Швед 2017), написаної латинською мовою. Ця вагома подія вплинула на подальшу долю вченого і принесла успіх та визнання навіть по його смерті. На початку 1960-х рр. він обстоює рішення здійснити переклад праці М. Лучкая українською мовою. Дві обставини цьому явно сприяли: по-перше, його знання латинської мови, адже він удосконалювався як викладач латині в Ужгородському університеті; по-друге, одночасно з викладацькою роботою, перебуваючи на посаді завідувача кафедри класичних мов, він мав право ухвалити «рішення про внесення до плану роботи кафедри наукової теми «Дешифрування та переклад українською мовою «Історії карпатських русинів» М. Лучкая» (Швед 2017). Викладачі розподілили роботу між собою і справу було зрушено з місця. Ю. Сак здійснив переклад перших двох томів (Швед 2017), а третій том, присвячений подіям XVII – першої третини XVIII ст., ми наразі читаємо в перекладі А Ігната. Рукопис М. Лучкая в перекладі українських філологів спочатку побачив світ у м. Свидник Пряшівського краю Словаччини в 1990 р. А. Ігнат до цієї славетної події не дожив. Протягом 2000 р. було видрукувано перші два томи праці М. Лучкая, а 2002 р. – на 25-річницю з дня смерті А. Ігната, завдяки плідній праці науковців та ректора Ужгородського національного університету на теренах України було видрукувано третій том праці М. Лучкая, яка була належно оформлена. Загалом же, як

зазначає Е. Швед, «робота над науковим проектом з перекладу праці М. Лучкая українсько мовою тривала понад сорок років і успішно завершилася» (Швед 2017).

У підсумку наукова й творча спадщина А. Ігната нараховує близько 60 робіт. Він є автором трьох дисертаційних праць, монографії «Розвиток загальноосвітньої школи в Закарпатській області за роки Радянської влади», перекладу третього тому праці М. Лучкая «Історія карпатських русинів», а водночас людиною, за участі якої відбувалося становлення системи освіти Закарпатського краю у повоєнні роки.

ЛІТЕРАТУРА

Басараб 2013 - *Басараб М.* Розвиток освіти в Закарпатській Україні // Закарпатія. Просвітницько-пізнавальний портал. URL: www.zakarpatia.com (останній перегляд: 9 жовтня 2017 р.).

Герасимова 2003 - *Герасимова Г.* Ігнат Андрій Михайлович // Українські історики XX століття: Біобібліографічний довідник / Інститут історії України НАН України. Київ, 2003. Вип. 2, ч. 2. С. 181–182. Сер. Українські історики.

Глагола 2017 - *Глагола Я.А.* М. Ігнат. Овіяний натхненням // Закарпаття онлайн. 31 жовтня 2017 р.

Зимомря 2011 - *Зимомря М.І.* Ігнат Андрій Михайлович // Енциклопедія Сучасної України: онлайн-енциклопедія / Ін-т енциклопедичних досліджень НАН України. 2014–2016. URL: http://esu.com.ua/search_articles.php?id=13676 (останній перегляд: 12 жовтня 2017 р.).

Ігнат 1971 - *Ігнат А.* Загальноосвітня школа на Закарпатті в XIX – на початку XX ст.: конспект лекцій із спецкурсу «Історичне краєзнавство». Ужгород, 1971. 69 с.

Міщанин 2016 - *Міщанин В.В.* Освітня реформа Закарпатської України (1944–1946 рр.): перехід на радянські стандарти // Науковий вісник Ужгородського університету. Сер. Історія. 2016. Вип. 1 (34). С. 52–59.

Химинець 2009 - *Химинець В.* Освіта Закарпаття / В. Химинець, П. Стрічак, Б. Качур та ін. Ужгород: Карпати, 2009. 462 с.

Швед 2017 - *Швед Е.* Вийшов друком переклад VI тому «Історії карпатських русинів» Михайла Лучкая 25.11.2011. // Закарпаття онлайн. 31 жовтня 2017 р.

REFERENCES

Besarab, M. (2013) *Rozvytok osvity v Zakarpatskii Ukraini* [Development of education in Transcarpathian Ukraine]. [Online] Available at: www.zakarpatia.

com (Accessed: 9th October 2017).

Gerasimova, G. (2003) Ignat Andriy Mikhaylovich [Ignat Andriy Mikhailovich]. In: Smoliy, V.A. & Bazȟàn, O.H. (2003) *Ukrainski istoryky XX stolittia: Biblohraphichnyi dovidnyk* [Ukrainian historians of the 20th century: A bibliographic guide]. Kyiv: Institute of History of Ukraine. pp. 181–182.

Glagola, Ya. (2017) A.M. Ignat. Oviyaniy natkhnennyam [A.M. Ignat. Owen by inspiration]. *Zakarpattia online*. 31st October.

Zymomrya, M.I. (2011) *Ignat Andriy Mikhaylovich* [Ignat Andriy Mikhailovich]. [Online]. Available at: http://esu.com.ua/search_articles.php?id=13676 (Accessed: 12th October 2017).

Ignat, A. (1971) *Zagal'noosvitnya shkola na Zakarpatti v XIX – na pochatku XX st.* [Comprehensive secondary school in Transcarpathia in 19th – the early 20th centuries]. Uzhgorod: [s.n.].

Mishchanin, V.V. (2016) Osvitnya reforma Zakarpats'koï Ukraïni (1944–1946 rr.): perekhid na radyans'ki standarti [Education reform of Transcarpathian Ukraine (1944–1946): Adoption of Soviet standards]. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo universitetu. Ser. Istoriya.* 1(34). pp. 52–59.

Khiminets, V., Strichak, P. & Kachur, B. (2009) *Osvita Zakarpattya* [Education of Transcarpathia] Uzhgorod: Carpathians.

Shved, E. (2017) Viyshov drukom pereklad VI tomu "Istoriï karpats'kikh rusiniv" Mikhayla Luchkaya 25.11.2011. [Mykhailo Luchkai's translation of Vol. 6 of 'The History of Carpathian Rusins has been published on November 25, 2011]. *Zakarpattia online*. 31st October.

Шаравара Тамара Олексіївна – доктор історичних наук, доцент Полтавської державної аграрної академії (Україна).

Шаравара Тамара Алексеевна – доктор исторических наук, доцент Полтавской государственной аграрной академии (Украина).

Sharavara Tamara – Poltava State Agrarian Academy (Ukraine).

E-mail: 125125.tsh@gmail.com

международный исторический журнал

Русин

Основан в 2005 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2017, № 4 (50)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 216 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028,
а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: http://www.rusyn.md
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: http://journalrusin.ru

Подписано к печати 20.12.2017. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 400 экз.
Заказ 148.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2017 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

СЛАВЯНАМ

«ПРИВЕТ ВАМ ЗАДУШЕВНЫЙ, БРАТЬЯ...»

Ф.И. ТЮТЧЕВ

Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славянщины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!
Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы — свои!

Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, —
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но всё же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но всё же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России — не прощают вас!

Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: «Это я!»
При неотступном вспоминаньи
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознанье,
Как божья кара, их страшит!

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность,
Для нас — насилье и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.

И то, что длилося веками,
Не истощилось и поднесь
И тяготеет и над нами —
Над нами, собранными здесь...
Еще болит от старых болей
Вся современная пора...
Не тронуто Косово поле,
Не срыта Белая Гора!

А между нас — позор немалый, —
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим.

Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждем и верим Провиденью —
Ему известны день и час...

И эта вера в правду бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...
Он жив — Верховный Промыслитель,
И суд Его не оскудел,
И слово «Царь-Освободитель»
За русский выступит предел...

Май 1867 г.

Источник: Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М.: Издательский центр «Классика», 2003. Т. 2. Стихотворения, 1850—1873. С. 176-178.

Написано в связи со Славянским съездом, проходившим с 8 по 15 мая 1867 г. в Петербурге, с 16 по 27 мая в Москве. Впервые опубликовано в сборнике «Братьям-славянам». М., 1867. С. 45-48.

РУСЬ